Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сахалинский государственный университет»

Н. В. Потапова

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Учебно-методическое пособие

г. Южно-Сахалинск
СахГУ
2021

УДК 378(075.8)
ББК 74.480.2я73
П64

*Печатается по решению учебно-методического совета
Сахалинского государственного университета, 2021 г.*

Автор – доктор исторических наук, профессор кафедры
российской и всеобщей истории ИФИиВ СахГУ
Н. В. Потапова

Рецензенты:

*ведущий научный сотрудник отдела
социально-политических исследований*

*Института истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока Дальневосточного отделения
Российской академии наук, доктор исторических наук,
доцент О. П. Федирко;*

*доктор исторических наук, профессор,
заведующая кафедрой «Кадастр недвижимости и право»
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет архи-
тектуры и строительства» И. И. Маслова*

Потапова, Наталья Владимировна.

П64 Теория и методология истории : учебно-методическое посо-
бие / Н. В. Потапова. – Южно-Сахалинск : СахГУ, 2021. – 280 с.
ISBN 978-5-88811-629-6

Учебно-методическое пособие по дисциплине «Теория и методология истории» разработано для студентов-историков Сахалинского государственного университета. Пособие включает программу учебного курса, программу семинарских занятий, практикум: фрагменты учебного, историографического и источникового характера с комплексами вопросов и заданий к ним, список тем для творческих заданий, примерный перечень вопросов к зачету или экзамену, обширный список рекомендуемой литературы. Неотъемлемым элементом пособия являются теоретико-методологические рекомендации по подготовке, написанию и оформлению курсовых и выпускных квалификационных работ, являющихся практическим результатом успешного освоения дисциплины.

УДК 378(075.8)
ББК 74.480.2я73

ISBN 978-5-88811-629-6

© Потапова Н. В., 2021
© Сахалинский государственный
университет, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Вводные замечания	4
Программа курса.....	6
Программа практических (семинарских) занятий.....	22
Практикум	25
Общие вопросы для дискуссий на практических занятиях.....	205
Обязательные задания для самостоятельной работы студентов	210
Примерный список тем для учебных и творческих заданий (контрольные работы, рефераты, эссе).....	212
Теоретико-методологические основы подготовки и написания курсовых и выпускных квалификационных работ по истории	214
Примерные вопросы к зачету/экзамену	257
Рекомендуемая литература	260

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Глубокое и профессиональное изучение истории будущим учителем истории – насущная необходимость современного российского сообщества. Успешное познание конкретики исторического процесса и последующее научно обоснованное преподавание его в школе требует грамотно избранного теоретико-методологического инструментария.

В учебных планах разных направлений и уровней подготовки, имеющих исторические профили, изучаемая дисциплина может быть представлена под разными названиями: «Теория и методология истории», «Теория и методология исторической науки» и т. п. Кроме того, материалы данного учебного пособия в значительной степени могут использоваться при изучении таких дисциплин, как «Тенденции современной исторической науки», «Методология и методы научного исследования», «Современные философские системы общественного развития», «Основы научных исследований» и т. п.

Сознательно за пределами данного курса и, соответственно, учебного пособия оставлены историографический и источниковедческий аспекты теории и методологии истории, в классическом понимании являющиеся частью курса. Такое решение связано с наличием в учебных планах отдельных дисциплин по историографии и источниковедению.

Цель учебного пособия – формирование научного мировоззрения и понятийного аппарата, устойчивых знаний студентов в области ведущих теорий исторического процесса, представлений о наиболее значимых зарубежных и отечественных методологических школах, в том числе и новейших, в мировой исторической науке, с соответствующими им принципами, методами и методиками исторического исследования. Практическая реализация знаний, полученных в ходе изучения этого

курса, осуществляется в ходе написания курсовых работ, выпускной квалификационной работы, а также при написании научных статей и разработке и реализации проектов.

Учитывая интегративный характер социогуманитарного знания, в пособии акцентируется внимание на междисциплинарности современных исторических исследований, разнообразии точек зрения по проблемным вопросам. Вне связи с исследовательской практикой методология истории теряет смысл, поэтому важной частью курса являются вопросы написания научных работ исторического профиля – курсовых и выпускных квалификационных работ. В пособии подробно, на конкретных примерах разъясняется специфика содержания всех структурных элементов бакалаврских и магистерских сочинений.

Материалы учебного пособия будут полезны для преподавателей и студентов, обучающихся по бакалаврским и магистерским программам исторического профиля, а также для всех, интересующихся теоретико-методологической проблематикой исторической науки.

ПРОГРАММА КУРСА

ТЕМА 1. Введение в курс «Теория и методология истории»

Предмет, цели, задачи и структура курса. Место теории и методологии истории в системе наук и в структуре исторического знания. Отношение историков к «теории» и «методологии». Варианты названия курса («Философия и методология истории», «Методологические проблемы исторической науки», «Методология исторической науки», «Методы исторического исследования»). Понятия «теория» в науке, «теория истории». Понятия «методология», «методология истории». Точки зрения на предмет «методологии истории». Соотношение понятий «теория», «методология», «методика», «метод». Методология и методика в историческом познании. Их взаимосвязь. Метод как теоретически обоснованное средство познавательной деятельности и метод как инструмент исследовательской деятельности. Роль метода в научном исследовании и его значение для перспектив развития науки, углубления познавательного процесса. Методы научного исследования как показатель уровня развития науки. Классификация научных методов, применяемых в исторической науке (общенаучные, собственно исторические, заимствованные из других наук). Методологический плюрализм исторической теории. Равноправное соприсутствие различных вариаций классической, неклассической и постнеклассической теоретических моделей (схем, парадигм) истории. Плюрализм исследовательских принципов, подходов, программ, методов, методик исторического исследования. Историческая теория и категориальный аппарат исторической науки. Разработка методологической проблематики в современной исторической науке, опыт трансформации научного методологического знания в учебное.

ТЕМА 2. Место истории в системе наук. Историческое познание и его особенности

Проблема классификации наук. Место истории в системе наук. Функции исторической науки. Историческое сознание. Историческая память. Объект и предмет истории в трактовке марксистской историографии. Современные дискуссии о предмете истории и ее месте в системе наук. Представители школы «Анналов» о предмете истории. Структуралистская концепция «общества как целостности». История ментальности как основа трактовки предмета истории на современном этапе развития историографии. «Научная» история о предмете, задачах и функциях истории. Постмодернисты об истории как части культуры. Соотношение истории и литературы, противопоставление истории науке и политике в концепциях постмодернистов.

Возможность научного познания прошлого. Ретроспективность исторического познания. Этапы исторического познания. Специфика реконструкции объекта в историческом познании. Современные дискуссии по проблемам исторического познания. Проблема научности исторического познания и знания. Исторический релятивизм и специфика исторического познания и знания. Историческое познание и принципы самоорганизации современной научной мысли. Характеристика исторического знания в различных типах рациональности. Критерии научности исторического знания. Социальные функции исторического познания и знания. История как одна из форм креативности в жизни социума от истории как «прошедшего» к истории «настоящего».

ТЕМА 3. Теории исторического процесса: с древнейших времен до середины XIX века

Историческое знание Древнего Востока: Египет, Ближний Восток, Древняя Индия, Древний Китай (историко-социальная концепция Конфуция, «Исторические записки» Сыма Цяня, «История Ханьской династии» Бань Гу и т. д.).

Исторические теории Античного мира. Возникнове-

ние «идеи истории». «Идея истории» как выражение процесса становления. Влияние ближневосточных и египетских историков на традицию античного историописания (Берос, Манефон, Иосиф Флавий). Логографы. История как искусство. Геродот, Тацит, Плутарх, Фукидид, Полибий, Тит Ливий, Публий Корнелий Тацит, Аммиан Марцеллин и др. Концепции исторических циклов и динамики и направленности исторического процесса.

Средневековые европейские теории. Телеологическое понимание динамики социальной реальности в Средние века. Доминирование линейности в построениях моделей исторического процесса. История как форма служения Богу. Влияние христианства на историко-философские концепции. Дуализм, провиденциализм и эсхатология исторического процесса. Особенности средневековой периодизации истории. Августин Аврелий, Евсевий Кесарийский; Оттон Фрейзингенский, Жан Фруассар и др. Основные жанры средневековой историографии. Методы средневекового историописания.

Особенности византийской историографической традиции. Прокопий Кесарийский, Михаил Пселл.

Особенности русской исторической литературы периода Средневековья: влияние античной, европейской и византийской средневековых традиций. «Повесть временных лет» Нестора, историко-философская концепция Филофея «Москва – третий Рим».

Арабская историческая наука периода Средневековья. Ибн Халдун. Теории средневековой китайской историографии и философии (Дун Чжун-шу, Лю Чжунци, Бань Гу, Хань Юй и др.).

Историческая мысль в период раннего Возрождения (конец XIV–начало XVI в.). Гуманизм. Возвращение к античной традиции. Модификация деятельностно-продуктивной модели истории на основе антропоцентристского миропредставления и ведущих идей эпохи Возрождения. Общие черты теории, методологии истории и историографии Раннего Возрождения и Средних веков. Проблема политизации фальсификации истории. Достижения исторической мысли: филологическая кри-

тика источников и текстов, развитие источниковедения, новые подходы к периодизации истории; новые подходы к человеку и секуляризация истории. Философско-исторические идеи Л. Бруни, Ф. Бьондо, Н. Макиавелли, Ф. Гвиччардини и др.

Позднее Возрождение (XVI–начало XVII в.). Превращение Возрождения в общеевропейское явление. Влияние Реформации на историографию. Основные достижения теоретико-исторической мысли XVI–начала XVII в.: первые попытки применения научного метода к изучению общества; развитие критической методологии истории, новой научной хронологии, расширение источниковедения; развитие теории истории, представлений о движущих силах исторического процесса, его прогрессивном характере и т. д. Становление специальных исторических дисциплин. Ф. Патрици, Ф. Бэкон, Я. Вимпфлинг, С. Франк, Ж. Боден, И. Ю. Скалигер и др.

Теория и методология истории в XVII в. Рационализм и механицизм. Теории общественного договора: Т. Гоббс, Дж. Локк и др. Периодизация истории Х. Келлера. Трактовка истории и идея «перволучка» Ж. Б. Боссюэ. Достижения философско-исторической мысли XVII в.: переход к «научному» исследованию общества; развитие теории истории, идеи нетелеологических движущих сил истории; углубление представлений о периодизации истории; разработка новых теорий происхождения государства и права, попытки использования общественной науки для реформирования общества. Развитие архивных изысканий и особых методов источниковедческого анализа.

Век Просвещения (XVIII в.). Господство рационализма и механицизма. Складывание философии истории как науки. Превращение «идеи истории» в «идею прогресса» в эпоху Просвещения. Модель истории как научно обоснованного проекта. Универсальные законы развития природы, человека и общества. Теории прогресса. Новации в периодизации истории. Дж. Вико, П. А. Гольбах, Ф. Вольтер, Ж. Ж. Руссо, А. Р. Ж. Тюрго, И. Г. Гердер, Ж. А. Кондорсе и др.

Российские теории исторического развития. Влияние европейской просветительской мысли на российскую историографию. В. Н. Татищев, Г. Ф. Миллер, М. В. Ломоносов, М. М. Щербатов.

Исторические теории первой половины XIX века. Историзм и романтизм в историографии. Консервативное и либеральное направления романтизма. Э. Берк, Ж. де Местр, Ф. Шатобриан, Ф. Шлегель, К. Л. Галлер, А. Мюллер; историческая школа права Ф. К. Савиньи и К. Ф. Эйхгорна; историческая школа Л. Ранке; основатель критического метода в изучении истории Б. Г. Нибур; «Философия истории» Г. В. Ф. Гегеля; А. Сен-Симон, позитивизм О. Конта; либеральная историческая школа Ф. Гизо, Ф. Минье, О. Тьерри и др. Российская историческая наука и философия истории, основные исторические школы: Н. М. Карамзин, Т. Н. Грановский, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин; А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, П. В. Киреевский, К. С. Аксаков и др.

ТЕМА 4. Теории исторического процесса: вторая половина XIX–XX вв. Прогрессистские модели истории. Основания исторического процесса. Схема движения исторического процесса и его направленность. Пространственно-временные параметры исторического процесса. Движущие силы истории. Соотношение исторической необходимости и человеческой свободы. Цель и смысл истории.

Марксизм. Исторические условия и причины возникновения марксизма. Источники марксистской теории. Исторический материализм. Учение о классовой борьбе как основа марксистской философии истории. «К критике политической экономии». Общественный класс, общественно-экономическая формация, социальная революция, базис, надстройка, производительные силы, производственные отношения, способ производства, азиатский способ производства. Схема формаций. Особенности идеи общественного прогресса в теории К. Маркса и Ф. Энгельса. Ревизионизм Э. Бернштейна. Ревизия марксизма В. И. Лениным – большевизм и тео-

рия исторического развития (концепция империализма, идея диктатуры пролетариата и т. п.). Советский марксизм: основные черты теории. Вклад в ее оформление И. В. Сталина. Современный западный марксизм. Основные историософские тенденции. Л. Альтюссер, школа «структуралистского марксизма»; У. П. Томпсон; К. А. Виттфогель; Л. С. Ставрианос и др. Развитие марксистской теории школой «аналитического марксизма», «фрейд-марксизмом», «Франкфуртской школой» (Т. Адорно, Г. Маркузе и др.). Отечественный неомарксизм.

Неоэволюционизм. Классический эволюционизм как основа неоэволюционистских теорий. Э. Тайлор, Л. Г. Морган, Дж. Леббок и др. Особенности предметного поля неоэволюционистских исследований. Особенности понимания термина «эволюция». Направления неоэволюционизма: политическая антропология, экономическая антропология, «культурный материализм», процессуальная археология и пр. Л. Уайт – основоположник неоэволюционизма (1940–1950-е гг.). Дж. Стюарт, В. Г. Чайлд; М. Салинз, Э. Сервис. Расцвет неоэволюционизма – 1960–1970-е гг. Дж. Мердок, М. Фрид, Р. Адамс и др. Теории эволюции архаических и раннегосударственных обществ. Историческое развитие, эволюция форм власти в теориях неоэволюционистов.

Теории цивилизаций. Истоки цивилизационных теорий, представления о «цивилизации» на разных этапах исторического развития. Этапы эволюции цивилизационных представлений. Линейно-стадиальные версии теории цивилизаций; теории локальных цивилизаций; современные диалогические теории цивилизаций. В. Мирабо (старший), Н. А. Буланже, Вольтер (Ф. М. А. Аруэ), А. Фергюсон, М. Ж. А. Кондорсе, Ф. Гизо, Г. Т. Бокль и др. Цели истории, объяснение причин исторических изменений, абсолютизация различий, рационализм и европоцентризм в объяснении исторических явлений и фактов в работах сторонников цивилизационной концепции. Биологизация истории, многофакторность и многовекторность истории. Г. Рюк-

керт, Н. Данилевский, К. Леонтьев, Л. Гумилев. М. Вебер и идеально-типический (социологический подход) к истории. «Веберовский ренессанс» 1970–1980-х гг. в цивилизационных исследованиях. О. Шпенглер – критика идеи всеобщности истории и объективного исторического знания. А. Тойнби «Постижение истории». К. Ясперс, Ш. Айзенштадт, П. Сорокин. Историческая школа журнала «Анналы»: превращение цивилизационной теории в метод конкретно-исторического исследования; история ментальностей (М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель). Теория цивилизаций в неоконсервативной политологии С. Хантингтона.

Теории модернизаций. Подходы к понятию «цивилизация». Традиционность и современность. Теоретические предпосылки становления парадигмы модернизации. Эволюционизм и структурный функционализм как источники теории модернизации (Г. Спенсер, Ф. Теннис, Э. Дюркгейм, Г. Мэн, Т. Парсонс и др.). Эволюция модернизационной парадигмы. Идентификация и противопоставление традиционного и современного обществ. Ф. Саттон, М. Леви, С. Хантингтон. Разработка современной версии модернизационных исследований (неомодернизационный анализ): Э. Тириакаян, В. Цаф, У. Бек, К. Мюллер и др. Механизмы модернизации. «Стадии экономического роста» У. Ростоу. Социологический подход к модернизации Н. Смелзер. Модели «пионерной» и «догоняющей» модернизации. Типы и пути модернизации. Теория модернизации в отечественной науке: А. С. Ахиезер, А. Г. Вишневский, Н. Н. Зарубина, С. И. Каспэ, В. В. Керов, В. А. Красильщиков, О. Л. Лейбович, Б. Н. Миронов, Н. А. Проскурякова, В. Т. Рязанов, А. С. Сенявский, В. В. Согрин и др.

Мир-системный анализ. Истоки мир-системного подхода: Ф. Бродель. Методологический ревизионизм и междисциплинарный синтез И. Валлерстайна. Логика функционирования и развития социальных систем по И. Валлерстайну. Типы социальных систем: мини-системы, миры-империи, мир-экономика (капиталистическая мир-система). Структура и сущностные черты мир-

системы и ее историческая эволюция (К. Чейз-Данн, Т. Холл, Дж. Арриги, А. Г. Франк и др.).

Макросоциологические теории последней трети XX–начала XXI в. Междисциплинарный характер макросоциологии, связь ее с историей. Становление и основные направления современной макросоциологии. Межкультурные столкновения и динамика исторического процесса в социологии У. Мак-Нила. Историческая социология. Ч. Тилли: становление современных государств и протестные движения. М. Манн: типы государственной власти и природа массового насилия. Теория социальных революций Т. Скочпол. Теория геополитической динамики Р. Коллинза. Долгие циклы в геополитике: концепции Дж. Модельски и Дж. Голдстайна.

Историческая макросоциология в России первой половины XX в.: М. Ковалевский (совмещение эволюционизма и диффузионизма, сочетание детальных систематических сравнительно-исторических исследований с учетом универсальных законов и др.), евразийцы (П. Савицкий: комплексный анализ пространственных, временных, антропологических, культурных характеристик России как евразийской целостности), В. Семенов-Тянь-Шанский (идеи о связи географических особенностей регионов со структурами территориального могущества, экономики, демографии и культуры), П. Сорокин. Новая российская макросоциология (конец XX–начало XXI в.): В. П. Илюшечкин, Э. С. Кульпин, И. Дьяконов, Н. С. Розов, Л. Е. Гринин и др.

ТЕМА 5. Факторы исторического процесса

Роль природного фактора в истории. Влияние природного фактора на жизнь общества на начальном этапе истории человечества: охота и собирательство. Переход к производящему хозяйству. Взаимоотношения человека и природы в доиндустриальный аграрный период. «Покорение» природы человеком в промышленный период истории. Нарастание противоречий между человеком и природой. Экологические проблемы. Глобальное влияние человека на природу на современном

этапе научно-информационного общества. Проблемы устойчивого развития. Развитие идей о роли природного фактора в истории в античной философии (Аристотель, Полибий, Страбон, Гиппократ и др.). Ибн Халдун: о влиянии климата, окружающей среды, почв на развитие народов. Ж. Боден «Шесть книг о государстве»: введение вопроса о роли географического фактора в теорию истории. Ш. Монтескье «О духе законов»: о влиянии природных факторов на формы правления и законы. Географическо-экономический материализм А. Барнава. Историко-географическая школа Германии (К. Риттер); Э. Реклю; Г. Бокль о связи географической среды с историей, культурой, религией, нравами, хозяйством, уровнем развития народов. Л. И. Мечников о роли рек и морей в развитии цивилизации. Биологизация обществ Г. Спенсером. Политическая география Ф. Ратцеля о влиянии пространственного и географического положения государств на их политический статус.

Современные исследования (XX–начало XXI в.). Теория А. Л. Чижевского о влиянии солнечной активности на этапы истории человечества. Теории влияния физической среды на развитие цивилизации. К. Виттфогель, Дж. Стюард, А. Тойнби, Л. Н. Гумилев, Дж. Даймонд, Э. Ле Руа Ладюри, У. Макнил и другие о влиянии природного фактора на историю.

Демографический фактор в истории. Т. Мальтус, Д. Риккардо, Дж. М. Кейнс, Е. Е. Яшнов, Д. С. Ли, В. Абель о демографии как историческом факторе, идея демографических циклов. Развитие демографических исследований во второй половине XX в. Э. Ле Руа Ладюри, М. Постана, Р. Камерон, А. Ригли, Р. Шофилд, Дж. Голдстоун.

Производственно-технологический фактор в истории человечества. Основные этапы человеческого роста. Развитие идей о роли производственного фактора в истории: Лукреций Кар, Р. Бэкон, Ф. Бэкон, А. де Монкретьен, У. Пети, А. Тюрго, А. Барнав, А. Смит, С. Е. Деницкий, В. Г. Чайлд, Р. Брейвуд, Ф. Бродель, Д. Р. Хикс, Дж. Гэлбрейт, П. Друкер, Р. Арон, Ж. Фурастье, Дж. Бер-

нал, К. Кларк и др. Роль военных технологий в истории. М. Робертс, Г. Паркер, У. Мак-Нил и др.

Фактор диффузии инноваций. Историческое измерение диффузионизма. Предтечи диффузионизма и формирование его концепции. Ж. Г. Тард, М. П. Погодин, Т. Хагерstrand, Э. Роджерс, У. Мак-Нил и др. Современный диффузионизм в России и за рубежом. Механизмы, каналы, агенты диффузии инноваций. Модели диффузионных процессов. Особенности российского исторического процесса с точки зрения диффузионной теории.

Роль личности в истории как философско-историческая проблема. Развитие взглядов на роль личности в истории. Детерминистско-фаталистические и волюнтаристские теории. Античные и средневековые философы о роли личности в истории; Н. Макиавелли; французские философы эпохи Просвещения; Ф. Гизо, О. Тьерри, А. Тьер, Ф. Минье, Ж. Мишле; Г. В. Ф. Гегель; Т. Карлейль; Н. К. Михайловский; Г. В. Плеханов, К. Маркс и марксисты о роли личности в истории. Промежуточные теории: Н. И. Кареев и др. Теории лидерства (А. Лабриола, С. Хук и др.). Современные взгляды на роль личности в истории в философии У. Дрея, К. Гемпеля, Э. Нагеля, К. Поппера, Л. фон Мизеса и др. Синергетическая теория (И. Пригожин, И. Стенгерс). «Фактор ситуации», в которой действует личность.

ТЕМА 6. Новые направления исторического исследования

Общая характеристика современных направлений исторического исследования. Современные направления исторического исследования как выражение многомерности и целостности бытия человека и социума. Презентативность различных направлений исторического исследования. Междисциплинарность современных исторических исследований. Методы и методики современных исторических исследований.

Школа «Анналов» и историческая антропология. Начало историографического движения «Анналов» Л. Февр, М. Блок, журнал «Анналы экономической и социальной

истории». «Вторые Анналы». Э. Лабрусс и Ф. Бродель. Глобальная геоистория Ф. Броделя. «Метод» Э. Лабрусса для изучения истории: экономический, социально-политический уровень общественного сознания. Метод Флери-Арни. Становление истории ментальностей. Ф. Арьес, Р. Мандру, Ж. ле Гофф, Ле Руа Ладюри. Триумф исторической антропологии. «Третьи Анналы». После исторической антропологии. «Четвертые Анналы». Судьбы исторической антропологии в России. М. М. Бухтин, Б. Ф. Поршнев, А. Я. Гуревич, Ю. Н. Афанасьев, В. П. Алексеев, Л. Ю. Бессмертный и др.

Гендерные исследования в исторических науках. Гендерная история. Предпосылки складывания гендерного направления в науках о прошлом. Социально-политический контекст возникновения направления. Научно-теоретический контекст возникновения нового направления. Социально-демографические предпосылки. Возникновение «женских исследований» (Women Studies): Ш. Тобиас, Н. Коч. Рождение исторической феминологии (женской истории). Дж.У. Скотт: «Гендер – полезная категория исторического анализа». Гендерная история. Предмет и значение. Развитие женских и гендерных исследований прошлого в России.

История повседневности. Понятие «повседневность» и проблемы ее реконструкции. Возникновение направления «история повседневности» и его истоки. Идеи Э. Гуссерля, А Шютца, Н. Элиаса, М. Хайдеггера, Г. Г. Гадамера, критическая теория общества Т. Адорно, М. Хоркхаймера. Теория социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана. Г. Гарфинкель, И. Гофман «Представление себя в повседневной жизни». А. Лефевр о повседневной жизни. Отношение к обыденному и повседневному в российской философии. Е. И. Кукушкина, Н. Н. Козлова, И. Т. Касавин, С. П. Щавелев. История изучения обыденного в науках о прошлом. Две научные школы, два подхода в исследовании повседневного. Предмет изучения истории повседневности. Методы изучения истории повседневности.

Устная история («oral history»). Истоки устной истории. Устная история: определение понятия (Д. Арон-Шнаппер, Д. Шварцштайн, М. Виланова, С. О. Шмидт, А. Я. Гуревич и др.). Этапы развития устной истории. Устная история в географическом измерении. Российская устно-историческая традиция. Слухи как исторический источник. Особенности сбора и интерпретации устных материалов.

Теория фронта (границы). Исторические, геополитические, социально-экономические обстоятельства появления теории. Междисциплинарный характер изучения фронта: история, философия, геополитика, география. Теория фронта в трудах представителей «старой школы»: Ф. Дж. Тернера, Т. Рузвельта, А. Биллингтона. «Новая школа» изучения фронта: Г. Н. Смит, Р. Слоткин и др. Вклад отечественных исследователей в разработку фронтальной теории (А. Дугин, В. А. Ламин, В. А. Моисеев, А. Д. Агеев, А. В. Ефимов, Н. Н. Болховитинов, Г. П. Куропятник, О. Е. Данчевская, В. Л. Мальков, Д. С. Пананина, Г. Н. Севостьянов, М. В. Шиловский, А. С. Хромых, А. Б. Танасейчук, Ок. С. Якушенкова, И. П. Басалаева и др.). Региональный компонент в современных российских фронтальных исследованиях.

Политическая история. Биография. Экономическая история. Социальная история. История культуры и культурная история. Историческая антропология. История ментальностей. Психоистория. Микроистория. История идей и интеллектуальная история. Эгоистория. Урбан-история. Демографическая и экологическая история. История современности и др.

ТЕМА 7. Общенаучные методы и их место в историческом исследовании

Методы исторического исследования

Многозначность понятий «наука» и «научный метод». Становление науки Нового времени как «науки быстрых открытий». «Спор о методе» – конфликт между сторонниками номотетики и идиографии. Обновленный

логический эмпиризм как перспективная методология. Принципы теоретического исследования, критерии положительного знания и проблема воспроизводимости. Специфика социальных и гуманитарных наук, трудности и возможности поиска закономерностей. Познавательные модели: предназначение и основания классификации. Описательные, эвристические и объяснительные модели. Модели, концепции и теории. Предметные, системные и математические модели. Объектные, фазовые и факторные модели. Дискурсивные, табличные, графические и формальные модели. Типы графических моделей. Методы теоретического анализа.

Исторический и логический методы. Историческое пространство и время как онтологическая основа исторического и логического методов в историческом познании. Возможности синхронного и диахронного изучения исторической реальности, «по горизонтали» и «по вертикали». Функции логического метода в историческом исследовании. Значение исторического метода в познании прошлого. Принцип историзма как важнейший принцип научного познания. Исторический и логический методы в практике конкретно-исторических исследований.

Абстрактное и конкретное в процессе научно-исторического познания. Способы и варианты абстрагирования. Измерение и описание как способ выражения свойств изучаемых объектов в процессе исторического познания. Классификация и типологизация в исторических исследованиях.

Системный подход и системный анализ, значение системности в исторических исследованиях. Понятие системы, ее строение, структура и функционирование. Уровни иерархии систем. Координация и субординация. Структурный и функциональный анализ систем. Системный подход в практике конкретно-исторических исследований.

Проблемы моделирования в историческом исследовании. Дискуссии в современной отечественной и зарубежной историографии по проблемам моделирования в

истории. Цели моделирования, его этапы и типы моделей. Опыт применения моделирования в исторических исследованиях.

Историко-генетический метод. Гносеологическая суть и логическая природа. Функции историко-генетического метода в историческом исследовании. Характерные черты. Описательность, фактографизм и эмпиризм. Опыт применения в конкретно-исторических исследованиях.

Историко-сравнительный метод. Понимание исторического развития как повторяющегося внутренне обусловленного закономерного процесса. Познавательное значение и возможности сравнения как метода научного познания. Аналогия как логическая основа историко-сравнительного метода. Использование историко-сравнительного метода в практике конкретно-исторического исследования. Роль историко-сравнительного метода в формировании исторических концепций.

Историко-типологический метод. Взаимосвязь единичного, особенного, общего и всеобщего в историческом процессе как онтологическая основа историко-типологического метода. Типологизация как метод научного познания и сущностного анализа. Опыт применения историко-типологического метода в исторических исследованиях в отечественной и зарубежной историографии.

Историко-системный метод. Системный характер исторического процесса. Каузальные и функциональные связи в общественно-историческом процессе. Варианты детерминированности в общественных системах. Опыт применения историко-системного метода в конкретно-исторических исследованиях.

ТЕМА 8. Организация, проведение и оформление исторической научно-исследовательской работы

Выбор темы научного исследования. Планирование научно-исследовательской работы. Сбор научной информации. Основные источники научной информации. Изучение источников литературы по теме исследова-

ния. Общие требования к структуре научного исследования. Структура введения научного исследования: актуальность темы и средства ее представления; историография научной проблемы, постановка цели и задач исследования, источниковая база исследования, место теоретико-методологической основы работы во введении научного исследования, структура теоретико-методологической части. Структура основной части исследования. Сноски и ссылки в исследовании. Способы представления промежуточных выводов в основной части. Структура заключения научного исследования: способы представления итогов исследования.

Понятие источника, виды источников. Методы критики источников. Вспомогательные (специальные) исторические дисциплины: их роль в разработке методов анализа источников. Методы сбора информации. Выявление неопубликованных материалов в архивных и музейных фондах. Наблюдение, опрос, эксперимент, полевое исследование, мониторинг, «анализ случая» (case study): варианты методов, правила применения. Общие методы социально-гуманитарного исследования. Сравнительно-исторический метод: история появления, правила и границы применения, типичные ошибки в применении метода. Историко-генетический метод: история метода, правила и границы применения, типичные ошибки в применении метода. Типологический метод: виды типологии, правила и границы применения, типичные ошибки в применении метода. Системный метод: структурный анализ, функциональный анализ; диахронный анализ: варианты метода.

Оформление и презентация результатов исследовательской работы. Типы исторических исследований и их особенности. Эмпирическое или конкретно-историческое исследование. Теоретическое исследование. Историографическое исследование. Источниковедческое исследование. Жанры исторического исследования. Литературное оформление результатов исследования. Проблема соотношения научного и художественного, научного и быденного. Написание работы и оформ-

ление научно-справочного аппарата. Презентация и защита результатов исторического исследования. Методика защиты выпускной квалификационной работы. Процедура публичной защиты: структура и содержание защитного слова; особенности представления презентационного материала; ответы на вопросы и замечания рецензента; заключительное слово выпускника, его структура и содержание.

ПРОГРАММА ПРАКТИЧЕСКИХ (СЕМИНАРСКИХ) ЗАНЯТИЙ

ТЕМА 1. Теории исторического процесса с древнейших времен до второй половины XIX века

1. Ранние теории исторического развития:
 - а) теории Древнего Востока (Ближний Восток, Древняя Индия, Древний Китай);
 - б) исторические теории Античного мира (Геродот, Плутарх, Фукидид, Полибий, Тит Ливий, Публий Корнелий Тацит и др.);
 - в) средневековые европейские теории (Августин Аврелий, Евсевий Кесарийский и др.);
 - г) теории Средневекового Востока (Лю Чжи-цзи, Хань Юй и др.).
2. Теории исторического процесса в период Возрождения–первой половине XIX в.:
 - а) историческая мысль в период раннего Возрождения (конец XIV–начало XVI в.) (Л. Бруни, Ф. Бьондо, Н. Макиавелли, Ф. Гвиччардини и др.);
 - б) позднее Возрождение (XVI–начало XVII в.) (Ф. Бэкон, Я. Вимпфелинг, С. Франк, Ж. Боден, отец и сын Скалигеры и др.);
 - в) теория и методология истории в XVII в. (Т. Гоббс, Дж. Локк и др.);
 - г) век Просвещения (XVIII в.) (П. А. Гольбах, Ф. Вольтер, Тюрго, И. Г. Гердер, Кондорсе, Дж. Вико, В. Н. Татищев, Г.Ф. Миллер, М. В. Ломоносов, М. М. Щербатов);
 - д) философия истории первой половины XIX века (Э. Берк, Ж. де Местр, Ф. Шатобриан, Ф. Шлегель, К. Л. Галлер, А. Мюллер; Ф. К. Савиньи и К. Ф. Эйхгорн; Л. Ранке, Б. Г. Нибуэр, Г. В. Ф. Гегель, А. Сен-Симон, О. Конт; Ф. Гизо, Ф. Минье, О. Тьерри, Н. М. Карамзин, Т. Н. Грановский, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин; А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, П. В. Киреевский, К. С. Аксаков и др.).

3. Позитивизм в исторической науке второй половины XIX в.

ТЕМА 2. Цивилизационные теории исторического развития

1. «Культурно-исторические типы» Н. Я. Данилевского.
2. Представления о «цивилизации» О. Шпенглера.
3. А. Тойнби и его «Постижение истории».
4. Историческая школа журнала «Анналы»: превращение цивилизационной теории в метод конкретно-исторического исследования.
5. Теория цивилизаций в неоконсервативной политологии С. Хантингтона.

ТЕМА 3. Марксистская теория исторического развития

1. Исторический материализм К. Маркса и Ф. Энгельса (исторический контекст, источники, основное содержание и влияние марксистской теории на общественно-политическую жизнь Европы в середине–второй половине XIX в.).
2. Ревизия марксизма В. И. Лениным – большевизм и теория исторического развития.
3. Советский марксизм: основные черты теории. Вклад в ее оформление И. В. Сталина.
4. Современный западный марксизм. Основные историософские тенденции.
5. Отечественный неомарксизм.

ТЕМА 4. Мир-системная теория

1. Истоки мир-системного подхода: Ф. Бродель.
2. Методологический ревизионизм и междисциплинарный синтез И. Валлерстайна.
3. Логика функционирования и развития социальных систем по И. Валлерстайну. Типы социальных систем: мини-системы, миры-империи, мир-экономика (капиталистическая мир-система).
4. Структура и сущностные черты мир-системы и ее историческая эволюция. Точки зрения.

5. Мир-системный подход в современной зарубежной социогуманитарной науке.

6. Мир-системное представление об исторических процессах в трудах отечественных исследователей: Л. Е. Гринин, Б. Ю. Кагарлицкий и др.

ТЕМА 5. Факторы исторического процесса

1. Природно-климатический фактор.
2. Демографический фактор.
3. Производственно-технологический фактор.
4. Инновационно-технологический фактор.
5. Личностный фактор. Дискуссии о роли личности в истории.

ТЕМА 6. Новые направления исторического исследования

1. Школа «Анналов» и историческая антропология. Этапы развития.
2. Гендерная история.
3. История повседневности.
4. Устная история.
5. Теория фронта.
6. Микроистория.

ПРАКТИКУМ

Раздел № 1.

Изучить трактовки основных понятий курса в учебных и научных изданиях разных авторов и ответить на вопросы после фрагментов

1.1.

Лаппо-Данилевский, А. С. Методология истории / А. С. Лаппо-Данилевский. – Москва : Издательский дом «Территория будущего», 2006. – С. 9–20.

«§ 1. Понятие о методологии истории и ее значение

Теория познания лежит в основе методологии науки: без теории познания нет возможности обосновать систему принципов научного мышления и его методов. В самом деле, теория познания устанавливает то значение, какое наше сознание должно придавать нашему знанию, его априорным и эмпирическим элементам; те конечные основания, в силу которых мы признаем его достоверным и общезначимым, а не ложным и случайным; то объединяющее значение, какое оно имеет для наших разрозненных представлений; то научное значение, какое мы приписываем нашему знанию об общем и об индивидуальном и т. п. Между тем в зависимости от того, а не иного решения вышеуказанных проблем мы, в сущности, принимаем и те, а не иные принципы, значит, и обусловленные ими методы науки, т. е. строим соответствующую методологию. Итак, методология науки конструируется с теоретико-познавательной, а не с психогенетической точки зрения. Изучение генезиса нашего знания может, конечно, пригодиться и для выяснения его оснований, но не придает им силы: и великая истина, и великое заблуждение имеют свой генезис; но об их познавательном

значении нельзя судить по их генезису. С такой точки зрения нельзя смешивать теорию познания с изучением факторов, играющих весьма важную роль в генезисе нашего знания, например, творческого воображения, “случайности” и т. п.; для анализа научных понятий психогенетическое их изучение имеет лишь вспомогательное значение. Вместе с тем, в зависимости от данной теоретико-познавательной, а не генетической точки зрения, мы в сущности принимаем и те, а не иные принципы и методы изучения данного материала, хотя и развиваем их в зависимости от объектов, которые нас интересуют. Ввиду тесной связи между теорией познания и методологией науки последняя может развивать, исправлять или дополнять общую теорию познания и, таким образом, оказывает ей существенные услуги, хотя бы размышления подобного рода и не представляли ничего ценного для специально-научных изысканий. Теория познания, например, долгое время строилась слишком односторонне: она принимала во внимание одно только естествознание и стояла в зависимости от одного только изучения “природы”; за последнее время, однако, теория познания обогатилась новой отраслью — теорией исторического знания, возникшей благодаря тому, что мыслители конца прошлого века обратили серьезное внимание на логическую структуру собственно исторического знания. Методология науки имеет, однако, значение и для обоснования, а также для построения данной ее отрасли. Наше сознание, характеризуемое систематическим единством всех наших понятий, требует такого же единства и в нашем знании, особенно в науке; но без методологических размышлений нельзя достигнуть некоторого единства в области научных представлений; лишь строго придерживаясь той теоретико-познавательной точки зрения, которая всего более удовлетворяет такому требованию нашего сознания, мы можем пользоваться соответствующими принципами и методами, чтобы обосновать наше знание, объединить известные данные нашего опыта, придать единство на-

шему научному построению и выработать систему научных понятий, а не довольствоваться разрозненными научными представлениями. Во всяком случае, методология науки должна принимать во внимание принципы такого единства, хотя бы в области данной отрасли знания. Установить принцип — значит, однако, опознать ту истину (аксиому), на которой он основан, значит продумать его в собственном сознании; но установить один принцип независимо от другого нельзя: методология не может ограничиться изучением каждого из них в отдельности; она стремится выяснить систему общих понятий, ибо только таким образом каждое из них получает надлежащее значение: она пользуется одним или несколькими наиболее общими понятиями, подсуммирует под них менее общие и т. д. Даже в математике, науке наиболее сложившейся, вопросы подобного рода обсуждаются довольно оживленно; методологические рассуждения в области математики привели в последнее время к сближению между логикой и математикой и к критическому рассмотрению основных принципов самого математического знания. Методологические рассуждения имеют тем большее значение применительно к наукам, логические особенности которых далеко еще не выяснены, а к ним надо причислить и историю. Методология истории также обсуждает основания исторического знания и способствует выработке обоснованной системы исторических понятий; специальные исследования не могут дать такой системы: они только готовят материал для нее, но система согласованных между собою исторических понятий устанавливается путем рассмотрения и формулировки основных принципов исторического знания и методического их раскрытия, возможно более последовательно проводимого сквозь всю историческую науку. Методология данной отрасли науки нуждается, однако, еще в дополнительных понятиях, без принятия которых нельзя построить ее и выяснить особенности ее метода. С такой точки зрения и методология истории должна иметь в виду, кроме вышеука-

занной общей цели, свою специфическую задачу: она стремится обосновать историческое знание, т. е. вывести его к основным принципам познания, обуславливающим (в логическом смысле) самую возможность всякого знания, а значит, и исторического; но так как историческое знание не ими одними обусловлено, то она устанавливает и производные принципы или положения, которые в комбинации с основными делают возможным изучение данных нашего опыта с исторической точки зрения и придают систематическое единство историческому знанию; в силу вышеуказанной связи между принципами и методами та же методологическая дисциплина, кроме принципов исторического знания, выясняет и те методы мышления, которые зависят от них и благодаря которым известная точка зрения прилагается к данному материалу; таким образом, она оттеняет и общее значение исторического метода, что получает особенно большой вес в глазах тех историков, которые готовы признать “историю” в сущности и прежде всего методом — и главные его особенности, зависящие также от объектов исторического изучения. Если принять предложенное выше понятие о методологии науки вообще и методологии истории в частности, то на него можно будет опереться и для того, чтобы отразить возражения, которые высказываются против нее, главным образом с точки зрения интуитивизма. В своих возражениях против значения размышлений над принципами и методами познания ученые интуитивисты часто слишком мало принимают во внимание только что указанное различие между основаниями исторического знания и его генезисом: некоторые из них полагают, что каждый интуитивно уже пользуется известными принципами и развивает методы исследования в самом процессе работы. Само собою разумеется, что метод развивается в процессе специально-научной работы; но теоретическое обоснование его нельзя смешивать с его развитием или с частными его приложениями; между тем достигнуть такого обоснования, т. е. установить общие принципы, лежащие

в основе данного метода и его оправдывающие в логическом смысле, можно только путем методологических рассуждений, а ясное сознание их значения регулирует научное мышление исследователя. В зависимости от такого смешения понятий о теории познания и об его генезисе противники методологических рассуждений применяют, например, то, что можно сказать о научном творчестве, к научному методу: подобно тому как творческое воображение не создается, а зависит от особенностей данной индивидуальности и есть ее индивидуальный акт, так и научный метод создается, по их мнению, интуитивно и не нуждается в особых рассуждениях, которые давали бы его обоснование. Само собою разумеется, что творческое воображение не создается никакою методологией; но последняя дает понятие о критериях, в силу которых должно признать пользование им правильным или ошибочным. Человек, не обладающий достаточною силою творческого воображения, конечно, не может сделаться настоящим ученым, не будет и настоящим историком. Историк должен, например, воспроизводить в себе состояния чужого сознания, иногда очень далекие от привычных ему состояний, и ассоциировать между собою идеи, кажущиеся его современникам чуждыми друг другу; он должен обладать богатым и страстным темпераментом для того, чтобы интересоваться разнообразнейшими проявлениями человеческой жизни, ярко переживать то, что его интересует, глубоко погружаться в чужие интересы, делать их своими и т. п.; он должен быть также способным вообразить себе и более или менее смелую гипотезу, пригодную для объяснения фактов или для построения из них целых групп или серий и т. п. Без такого творчества историк, конечно, не построит какого-либо крупного исторического целого, а наличие у историка его собственного индивидуального творчества есть факт, который нельзя создать никаким историческим методом. Тем не менее историк должен сознавать и те основания, в силу которых он пользуется известными принципами и методами иссле-

дования; историк-ученый не может признать результаты интуитивно-синтетической постройной работы правильными, не выяснив, какие именно принципы лежали в ее основе и каково их значение, а также не подвергнув методов, да и самых результатов исследования предварительной проверке. Историк, широко практикующий подобного рода “дивинацию”, все же часто прибегает к помощи научного анализа, прежде чем окончательно завершить свое построение; но в таких случаях он или пользуется им слишком мало, или выходит из своей роли историка-художника и удовлетворяется более скромною ролью историка-ученого: последний постоянно стремится систематически регулировать и контролировать силу своего постройного воображения и т. п. и думает достигнуть цели не путем исключительно интуитивно-синтетической дивинации, а путем научно-синтетического построения. Следовательно, вышеуказанное возражение, что историк работает интуитивно, при помощи творческого воображения и т. п., нисколько не умаляет значения методологии истории. Впрочем, с точки зрения понятий о синтезе и анализе ученые интуитивисты легко подыскивают и другое возражение, проистекающее из смешения понятия о логическом их соотношении вообще с понятием о генетическом преемстве в истории наук некоторых синтетических операций вслед за аналитическими. По мнению многих ученых, анализ должен предшествовать синтезу; значит, и рассуждения об общих принципах и методах наук, отличающиеся синтетическим характером, преждевременны. В рассуждениях подобного рода ученые упускают из виду тесную связь, в какой вышеуказанные понятия находятся между собою, и в сущности говорят не о наиболее общих формах или синтетических принципах нашего мышления вообще, а о специальных научных обобщениях в данной области нашего опыта. В самом деле, ведь нельзя же проводить какой-либо анализ без каких-либо руководящих принципов синтетического характера, хотя бы применение их к более конкретному содержанию и

развивалось во времени. С этой точки зрения и рассуждения о принципах и методах исторической науки нельзя считать преждевременными: такие понятия сознательно или “бессознательно” более или менее обусловливают научно-историческое исследование, хотя содержание их и может изменяться во времени, в зависимости от действительного развития самой исторической науки и получать более точную, специфически научную формулировку. Аналогичное смешение между двумя по существу различными точками зрения — теоретико-познавательной и эволюционной — также позволяет противникам методологии наук сослаться еще на одно соображение: в истории наук методологические рассуждения обыкновенно следовали за великими открытиями, а не предваряли их. С генетической точки зрения методология науки действительно не предшествует ей, а следует за нею, ибо научное творчество не создается методологией (см. выше); но, не говоря о том, что наука слагается не сразу и последующее ее развитие зависит также от степени разработки ее методологии, можно сказать, что в данном случае речь идет о значении методологии для науки, а не о ее развитии: с аналитической точки зрения, методология науки логически предшествует ее выводам, систематическому ее единству. Итак, лишь различая теоретико-познавательную точку зрения от психогенетической, можно избежать того смешения понятий, благодаря которому отрицательное отношение к методологии истории становится возможным...

Обсуждение методологических вопросов не всегда, конечно, имеет видимые практические последствия, тем не менее, оно может быть весьма полезным: такое обсуждение оставляет в уме привычку к систематическому, методически правильному мышлению, а оно, разумеется, продолжает действовать и в сфере специальных исследований: оно всегда отражается на методе исследования (например, на точке зрения, с которой данный объект изучается), хотя бы такое отражение явно и не обнаруживалось в самом исследовании или в его ре-

зультатах. Впрочем, изучение методологии науки может приводить и к более заметным, видимым практическим последствиям; оно имеет значение и для построения науки, и для ее развития, т. е. для дальнейшей ее разработки. При отсутствии методологического обсуждения основные понятия превращаются в своего рода *praenotiones* (покоящиеся на традиции); они или вовсе не определяются, или определяются неправильно, а при отсутствии строго выработанной терминологии и различно понимаются собеседниками; что сказать о формуле, элементы которой каждым из обсуждающих ее определяются различно? Далее, придавая нашему мышлению в любой области возможно большее единство, последовательность и согласованность, изучение методологии делает наши заключения гораздо более убедительными и для себя, и для других: лишь при единстве основания, т. е. выдержанности основной точки зрения, последовательности в рассуждении и согласованности выводов между собою, можно рассчитывать при высказывании своих мыслей на действительную убедительность их и для себя, и для других. Наконец, очищая индивидуальное мышление от случайных *praenotiones*, оно дает возможность более быстрого понимания друг друга, благодаря которому люди или приходят к соглашению, или убеждаются в принципиальном разногласии своих построений; сколько времени и сил тратится на праздные споры только потому, что спорящие взаимно не понимают своих исходных теоретико-познавательных точек зрения! Изучение методологии имеет практическое значение не только для построения науки, но и для ее развития. Хотя научное открытие есть акт индивидуального творчества, тем не менее в ведении исторических работ тот, кто знаком с методами изучения данных объектов, с большим успехом и меньшею затратой сил приведет их к окончанию, чем тот, кто будет руководиться только “чутьем”, “здравым смыслом” и т. п.; тот, кто что-либо открыл (например, новую точку зрения на какую-нибудь эпоху и т. п.), должен будет в разработке открытого уступить первенство

тому, кто получил методологическую сноровку: ведь знание методологии дает возможность ясно определить основную точку зрения, придает выдержанность данному направлению мысли, оказывает влияние на самый ход исследования и вообще ограждает исследователя от увлечений его темперамента. Вместе с тем, лишь придерживаясь теоретически продуманного метода, историк (в особенности начинающий) будет в состоянии соблюсти должную экономию в своем мышлении, может избежать излишней траты сил на самостоятельное разыскание точек зрения и путей, уже ранее установленных, и т. п. Обобщение метода работы также облегчает взаимное согласие и содействует развитию взаимопомощи между историками; оно внушает доверие данного исследователя к работам других, что дает ему возможность, не проделывая всего собственными силами, пользоваться чужими работами. Самый добросовестный историк при обработке мало-мальски обширной темы не может обойтись без дополнительных сведений, почерпнутых им из вторых рук; в противном случае наука не могла бы идти вперед: каждый историк сызнова должен был бы исполнять всю работу своего предшественника. Для того, однако, чтобы с успехом пользоваться чужими выводами, надо иметь какой-нибудь критерий достоверности; последний состоит в том, что формальная корректность мышления, методологические требования соблюдены; но пользование подобным критерием, очевидно, предполагает со стороны пользующегося предварительное знание подобных требований, а знание их он может почерпнуть из методологии истории. Таким образом, знание методологии дает возможность историку систематически проверять чужие выводы относительно исторических фактов с точки зрения их метода и лишь после удовлетворительных результатов такой проверки опираться на эти выводы, поскольку они оказываются в методологическом смысле правильными. Вышеприведенные рассуждения об утилитарном значении методологии науки, конечно, тем более применимы, чем менее установлены исходные ее положения.

Хотя они и в естествознании далеко не вполне выяснены, но еще более спорны в такой области научного знания, как история, а потому здесь чувствуется особенная нужда в теоретико-познавательных и методологических разысканиях. Несмотря на то что вопрос о возможности и желательности преподавания методологии легко решить уже на основании вышеприведенных рассуждений в утвердительном смысле, тем не менее против такого преподавания можно еще высказать следующее соображение: только знание, самим приобретенное, основанное на собственном опыте, только знание, которое не может быть выучено и передано, но осознано, пережито и открыто, — только такое знание достоверно. С этой точки зрения преподавание методологии науки может показаться бесполезным. Систематическое обоснование принципов науки и методов ее изучения едва ли достижимо, однако, путем одного только практического применения их к решению частных случаев; но вместе с тем нельзя не заметить, что преподавание методологии науки вообще и истории в частности полезно лишь в том случае, когда ее выводы перевоспроизводятся каждым из нас в применении к материалу, собранному собственным наблюдением, и переживаются на собственном опыте. В самом деле, задача высшего образования состоит, главным образом, в том, чтобы дать методологические указания, которыми каждый мог бы руководствоваться для того, чтобы самому разобраться в собственных мыслях и получить научные средства для дальнейшей работы мысли. Вообще значение преподавания методологии истории теоретической и в особенности технической теперь уже осознается многими. В университетах курсы по истории комбинируются с курсами по методологии истории. В Collège de France при курсе “всеобщей истории” курс методологии истории читался несколько раз (кафедра “Histoire et Morale”). В начале прошлого века (с 1819 года), например, Дону (Донцов) начал читать там лекции, в которых он пояснял своим слушателям принципы и методы исторической критики и исторического построения.

Вслед за ним Мишеле в 1842–1843 гг. излагал принципы философии и методологии истории и затем применял их к истории... А в 1905 г. в том же Collège de France был учрежден (на пятилетие, да и то благодаря пожертвованию частного лица) дополнительный курс “всеобщей истории и исторического метода”, открытый 6 декабря Моно. Во многих университетах курсы по методологии истории сводятся, однако, главным образом к преподаванию методологии технической, а сама методология смешивается с “вспомогательными историческими науками”. Таким образом, получается: или кафедра (а иногда только курс) по истории и преимущественно истории Средних веков, в связи с курсом по “вспомогательным наукам истории” (Geschichte des Mittelalters und historische Hilfswissenschaften) — курсы подобного рода читаются, например, Бернгеймом в Грейфсвальде, Редлихом в Вене, Зелигером в Лейпциге, Шульте в Бонне, Биттерауфом в Мюнхене и т. п., или курсы по “вспомогательным наукам” (Historische Hilfswissenschaften), читаемые, например, Танглем в Берлине, Ланглуа в Париже, Симонсфельдом в Мюнхене и проч., или же, наконец, занятия по каким-либо специальным отраслям наук, например нумизматике, дипломатике и т. п. (Ecole pratique des hautes études à la Sorbonne, Ecole nationale des Chartes в Париже, проф. Lane Poole в Oxford’е и др.). Только в последнее время некоторые историки начали читать особые курсы по “историческому методу”, например, Сеньобос в Парижском университете. Таким образом, можно сказать, что преподавание методологии истории в том или ином виде уже практикуется; только тесная связь между теорией познания и методологией этой науки, между ее принципами и ее методами все еще не всегда ясно сознается, что препятствует выделению особой отрасли научно-исторического знания — методологии истории.

§ 2. Теория исторического знания и методы исторического изучения

На основании соображений, изложенных выше, лег-

ко придти к заключению, что методология науки преследует две задачи — основную и производную; основная состоит в том, чтобы установить те основания, в силу которых наука получает свое значение, т. е. выяснить значение ее принципов; производная сводится к тому, чтобы дать систематическое учение о тех методах, которыми что-либо изучается. Подобно методологии всякой другой отрасли науки, и методология истории, разумеется, ставит себе те же задачи; соответственно им она и распадается на две части; я назову их теорией исторического знания и учением о методах исторического мышления. Теория исторического знания занимается установлением принципов исторического знания, основных и производных; например, с какой теоретико-познавательной точки зрения история изучает данные нашего опыта? какое значение историк должен придавать принципам причинно-следственности и целесообразности в исторических построениях? каков критерий исторической оценки, на основании которого историк проводит выбор материала? в каком смысле он пользуется понятиями “эволюция”, “прогресс”, “регресс” и т. п.? Такие вопросы решаются различно. В теории исторического знания я попытаюсь выяснить, какую познавательную цель ставят себе исторические школы разных направлений и какой характер получает историческая наука в зависимости от того, будет она с номотетической или с идеографической точки зрения изучать исторический материал, и каковы основные принципы каждого из этих построений. При обозрении методов исторического мышления последние можно, конечно, рассматривать с формально-логической точки зрения, вне их зависимости от сочетаний, пригодных для изучения собственно исторических фактов; сюда надо отнести, например, размышления о роли анализа и синтеза, дедукции и индукции в исторических науках и т. п.; но можно излагать методы исторического мышления, взятые в относительно частных сочетаниях, поскольку последние обусловлены познавательными (научными) целями, преследуемыми ученым при изучении

исторических фактов. С последней точки зрения, более соответствующей задачам собственно исторической методологии, я и буду рассуждать о методах исторического изучения. Учение о методах исторического исследования исходит из той познавательной точки зрения, которая обосновывается в теории исторического знания и, не вдаваясь в рассуждение об историческом значении исторических фактов, имеет в виду более скромную цель: оно выясняет то соотношение, которое существует между принятой в нем познавательной точкой зрения и данным объектом исторического знания, т. е. зависимость данной комбинации принципов и методов от уже принятой познавательной точки зрения, а также от свойств объектов, подлежащих историческому исследованию; в связи с принципами оно дает систематическое понятие преимущественно о методах, благодаря которым историк занимается изучением исторической действительности. Такое учение обнимает “методологию источниковедения” и “методологию исторического построения”. Методология источниковедения устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк, пользуясь известными ему источниками, считает себя вправе утверждать, что интересующий его факт действительно существовал (или существует); методология исторического построения устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк, объясняя, каким образом произошло то, что действительно существовало (или существует), строит историческую действительность. Само собою разумеется, что методы исторического изучения нельзя отождествлять с техническими приемами исследования; последние основаны не столько на принципах, сколько на правилах работы и находятся в ближайшей зависимости от свойств изучаемых объектов. В самом деле, хотя, с генетической точки зрения, методологические принципы развиваются вместе с техническими приемами исследования, однако на основании выше сделанных замечаний легко заключить, что принцип и техническое правило не одно и то же: принцип требует

своего обоснования путем опознания заключающейся в нем истины; техническое правило не обосновывается, а формулируется ввиду той утилитарной цели, которая ставится исследователем; правила подобного рода преимущественно и лежат в основе собственно технических приемов работы. Вместе с тем последние должны находиться в возможно более тесной зависимости от свойств изучаемых объектов, т. е. от особенностей исторических фактов; подобно тому как физик пользуется инструментами для производства своих работ, и историк стремится придумать наилучшие орудия для обработки данного рода исторических источников или явлений и событий. Общий курс методологии истории не может, однако, задаваться целью изложить учение о технике исторического исследования: в сущности, она всего лучше усваивается в работе над соответствующими видами сырого материала...»

Вопросы:

1. А. С. Лаппо-Данилевский о связи теории познания и методологии науки.
2. «Метод» и «методология» в понимании А. С. Лаппо-Данилевского.
3. Понятие методологии науки вообще и методологии истории.
4. Цель и задачи методологии истории.
5. Наука и творчество. Соотношение понятий.
6. Отличительные черты историка-ученого.
7. Как А. С. Лаппо-Данилевский разрешает спор между сторонниками и противниками методологии истории?
8. Критерии достоверности знания по А. С. Лаппо-Данилевскому.
9. Какие аргументы приводит А. С. Лаппо-Данилевский в пользу существования методологии истории как самостоятельного учебного курса?
10. Цель учения о методах исторического исследования.
11. Что такое «методология исторического построения»?

12. Отличие методологических принципов и технических приемов исследования.

1.2.

Иванов, В. В. Методология исторической науки : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «история» / В. В. Иванов. – Москва : Высш. шк., 1985. – С. 5–9.

«Методология: теория и метод. Проблематика историко-методологических исследований.

Методология истории связана прежде всего с обоснованием средств и способов научного познания прошлого и настоящего, а если сказать шире, с познанием развивающейся объективной социальной действительности... Термин «методология» происходит от греческих слов «методос» и «логос». Буквально он означает «путь познания». В науке методология выступает, как многозначное понятие. Оно означает учение о методах познания или совокупность приемов научного исследования.

В строгом научном значении слова методология органически связана с теоретическим осмыслением предмета и метода исследования, самого процесса познания и его результатов... Резюмируя этот подход, известный болгарский историк Н. К. Стефанов утверждал, что методология есть «система определенных теорий, которые исполняют роль руководящего принципа, орудие научного анализа, средство реализации требований этого анализа». Следовательно, роль методологии не сводится к сбору информации и процедуре ее оформления, как нередко пытаются представить дело в немарксистской литературе. Для последней характерным является схематическое, но по сути позитивистское противопоставление методологии и теоретического знания. Как правильно подчеркивал Н. К. Стефанов, «среди немарксистских теоретиков утвердилось 2 определения методологии: 1 — методология как совокупность приемов и способов, используемых данной наукой; 2 — методология как принцип организации», «нормы», при помощи которых выбираются и оформ-

ляются процедура и техника”. Марксистско-ленинская интерпретация истории принципиально отлична от подобных схем. Она опирается на учение исторического материализма. Определенно и четко эту мысль выразил П. Н. Фадеев: “исторический материализм есть общая методология для всех общественных наук, в том числе и для советской исторической науки”»...

Методология истории в самом общем ее определении есть система теоретических, мировоззренческих положений, проистекающих из требований научного анализа и выступающих одновременно как средства познания конкретной действительности... Опираясь на методологию, исследователь в практической деятельности имеет дело с комплексом методов. В этом отношении структуру научного метода условно можно представить в следующем виде: 1) мировоззренческие положения и теоретические принципы, характеризующие содержание познания; 2) методические приемы, соответствующие специфике изучаемого предмета; 3) приемы, применяемые для фиксации и оформления хода, результатов научного исследования... Методология шире метода и выступает как учение о нем, включающее три уровня знаний: философский, научно-теоретический и эмпирический».

Вопросы:

1. В чем состоит многозначность понятия «методология»?
2. Что такое методология истории в понимании автора?

1.3.

Парфенов И. Д. Методология исторической науки : курс лекций / И. Д. Парфенов. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 2001. – С. 7–9.

«Методология исторической науки — теория научно-познавательной деятельности, направленная на разработку, анализ и критику методов научного исследования. Методология определяет характер постановки

научных проблем, выбор адекватных путей и принципов их решения, разработку и критическую оценку методов исследования. Метод представляет собой совокупность исследовательских приемов, операций и определенную последовательность действий, ведущих к цели. Сам метод имеет структуру: теорию, методику и технику исследования. Всякий метод теоретически обоснован, имеет объективную основу, хотя представляет собой единство субъективного и объективного. Огромна роль исследователя: от него зависит выбор метода, правильное применение и критическая оценка результата...

Методология исторической науки прошла ряд этапов. “Классическая” методология стремилась изучать объекты исторической реальности, восстанавливать факты прошлого, пытаясь элиминировать воздействие личности исследователя и искать объективную истину. “Неклассическая” методология отказывается от прямого онтологизма прежних одходов, ориентируется на относительность исторического знания, считает историю “конструкцией ума историка”... “Постнеклассическая” наука особое значение придает ценностным ориентациям познающего субъекта, изучению процессов интеллектуального творчества ... Особенность в том, что в современной исторической науке все эти три подхода сосуществуют, хотя соотношение “сил” меняется».

Вопросы:

1. Понятие «методология исторической науки».
2. Структура метода.
3. Этапы развития методологии исторической науки.

1.4.

Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко ; Отделение историко-филологических наук. – 2-е изд., доп. – Москва : Наука, 2003. – С. 23–27, 39–44.

«Высшим уровнем познания и формой знания яв-

ляется наука. Наука отличается тем, что раскрывает и объясняет внутреннюю суть реальности. Если бы сущность была такой же конкретной и чувственно воспринимаемой как явление, то, как указывал К. Маркс, “всякая наука была бы излишня”... Иначе говоря, задачей научного познания является адекватное отражение действительности путем раскрытия органически присущего ей сочетания формы и содержания, явления и сущности, количества и качества. Очевидно, что для такого отражения необходимы специальные способы, а научное знание будет иметь специфические формы выражения. В отличие от конкретности обыденного и образности художественного знания научное знание является теоретико-логическим по содержанию, способам получения и формам выражения. Наука как система знания имеет сложную структуру, состоящую из целого ряда компонентов. Высшей формой научного знания выступает теория. Наука является не только средоточием имеющегося научного знания, но и основой для получения новых знаний для выработки методов научного познания. Это обусловлено тем, что для правильного отражения коренной сути изучаемой действительности в методах познания должен учитываться ее характер, а этот последний и отражен в имеющемся знании. Поэтому, рассматривая процесс научного познания, Ф. Энгельс подчеркивал: “С чего начинается история (т. е. действительность. — **И. К.**), с того же должен начинаться и ход мыслей (т. е. познание. — **И. К.**), и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс”... Многообразие и сложность объективной реальности породили множество методов ее изучения. Это привело к возникновению специального учения о методах научного познания. Таким учением является методология. Наконец, важность и сложность познания обусловили то, что само позна-

ние стало объектом научного исследования и возникла общая теория познания — гносеология...

Разработка общих мировоззренческих, теоретических, методологических, социальных и логических проблем научного познания привлекает пристальное внимание философов, ученых и других специалистов. Большое внимание как в общих, так и специальных работах уделяется и вопросам теории... Понятие “теория” употребляется в разных смыслах. Теориями часто называют совокупность идей и взглядов, так или иначе объясняющих явления материального и духовного мира (естественно-научные и социальные концепции и представления и т. п.), т. е. к ним относят результаты умственной деятельности и научных исследований. К теориям причисляют некоторые разделы наук, специализирующихся на решении тех или иных общих проблем (например, теоретическое источниковедение) или основанных на абстрактно-логических методах (теоретическая физика). Теориями считают в отличие от гипотез подтвержденные научными фактами или проверенные практикой определенные положения и заключения. Общим для всех этих определений является то, что в качестве теории выступает знание об объекте, т. е. о тех или иных явлениях действительности. Это — важная отличительная черта теории. Но она не исчерпывает сути теории как формы научного знания. Теория — не просто знание, а высшая и наиболее сложная форма (и уровень) научного знания. Поэтому под теорией следует понимать форму научных знаний, “раскрывающую закономерности функционирования и развития определенной совокупности явлений материального и духовного мира, описывающую и объясняющую эти явления и направленную на прогрессивное преобразование природы, общественных отношений и самого человека”... Говоря иначе, теория — это конкретное сущностно-содержательное знание об объекте познания, которое может быть использовано в предметно-практической и познавательной деятельности. Теория тех или иных явлений объективной реальности

является итогом их всестороннего и глубокого изучения, возникает на достаточно высоком уровне познания. Генезис теоретических знаний будет рассмотрен ниже при характеристике уровней научного познания. Сейчас отметим лишь основные черты, присущие теоретическому знанию, которые вместе с тем выступают в качестве необходимых требований при формулировании знания в форме научной теории. Теория по своей сути является обобщенным объясняющим (номологическим) знанием. Явление не просто описывается, а объясняется путем раскрытия его внутренней сущности. Теория должна объяснять факты на основе фундаментальных идей, принципов и законов и сводить всю их совокупность в единую систему. Вне системности нет теории. Наконец, научная теория должна быть внутренне замкнутой, непротиворечивой в логическом отношении системой суждений. Логическая стройность теории достигается в процессе ее минимизации. Суть ее состоит в том, что теория должна основываться на минимальном числе исходных фундаментальных идей и понятий. Таким образом, любая научная теория имеет сложную внутреннюю структуру. Она включает и синтезирует целый ряд более простых компонентов научного знания. Всякая научная теория имеет свою исходную эмпирическую основу, которая охватывает всю совокупность фактов, относящихся к соответствующей области действительности. Существенно, что для теоретического обобщения нужны не просто факты, а системы фактов, представителью характеризующих объект познания в свете поставленной задачи. В теории факты фигурируют не сами по себе, а в виде совокупности основных понятий, отражающих существенные черты, свойства и связи явлений действительности. В понятиях аккумулируются знания о предмете. Поэтому понятия выступают в качестве основных элементов научно-мыслительного, познавательного процесса и выражают содержательную суть всякой теории. Особенно велика в этом отношении роль категорий, которые являются предельно широкими понятиями, концентрирующими

знания о важнейших свойствах реальности. Важнейшим компонентом теории являются законы. В законах выражается внутреннее содержание понятий, т. е. раскрываются существенные, устойчивые, повторяющиеся и необходимые свойства, отношения и связи между явлениями, охватываемыми соответствующей теорией. “Закон и сущность — понятия однородные (однорядковые) или, вернее, одностепенные”... Теория может включать целый ряд законов, но содержательный смысл теории определяется ведущими для данного типа явлений законами. Такими являются законы, которые не выводятся из других законов, входящих в теорию... Однако ни понятийно-категориальный аппарат, ни выражаемые им законы и тенденции функционирования и развития явлений объективного мира еще не создают знания об этих явлениях на теоретическом уровне. Для этого необходим более высокий уровень синтеза. Таким синтезирующим компонентом в теории выступает, по мнению одних философов, идея, а по мнению других, — принцип... В этой связи следует отметить, что идея и принцип являются понятиями однотипными. И идея и принцип означают некий исходный момент, ведущее первоначало, лежащие в основе той или иной концепции, определенной системы знаний. Но в научном познании, в частности в формировании научной теории, они, как представляется, выполняют разные функции. Научная идея как таковая является основой объединения воедино других компонентов теории (понятий, законов и самих теорий). Интегративные, синтезирующие способности идеи обусловлены тем, что сравнительно с другими компонентами теории она наиболее широко отражает фундаментальные свойства исследуемой реальности. Принцип — тоже ведущее начало, но оно выступает в научном познании не как основа объединения элементов теории воедино, а прежде всего как средство такого объединения. Принцип — тоже идея, но не в структуре самой теории, а в методе ее построения. Таким образом, научная идея может выступать в роли собственно теоретической и

методологической. Логическим средством построения и раскрытия содержания теорий являются суждения, представляющие собой универсальную форму выражения человеческих мыслей, в том числе и научных знаний, в естественно-языковой форме. Поэтому едва ли правомерно включать их в структуру теории, как делают некоторые исследователи. Как видим, теория представляет собой весьма сложную форму научного знания, включающую ряд тесно взаимосвязанных и синтезированных компонентов...

...если научная теория как форма знания отражает объект, то метод как средство познавательной деятельности направлен на познание объекта. Чтобы окончательно решить вопрос о месте метода в системе познавательной деятельности, надо рассмотреть его соотношение с другими элементами этой деятельности. Иногда метод научного познания отождествляют со способом познания. Эти понятия действительно однотипны, но не тождественны. Способ — это познавательное средство, которое не имеет ни строгого обоснования, ни четко выраженного целевого назначения, ни определенной последовательности исследовательских процедур. В общем, способ — стихийное, практически-эмпирическое средство познания. Метод — тоже средство познания, но по сравнению со способом его “отличает высокая специализированность, его функциональные возможности всегда четко определены, он является формой теоретического освоения действительности”... Короче говоря, метод — это научно обоснованное познавательное средство. Поскольку исследовательский процесс включает в себя определенные операции и процедуры, к совокупности их и сводят порой суть метода. Метод несомненно включает в себя соответствующие операции и процедуры, но не исчерпывается ими, как увидим далее. Сами же понятия “операция” и “процедура” также не однозначны. Операция — это некое простейшее действие (например, суммирование каких-либо количественных показателей). Процедура же представляет собой совокупность определенных

операций (например, измерение). Наконец, о понятии “средство познания”. Оно является наиболее широким и собирательным. И способ и метод — это средства познания. Но, кроме того, к последним относятся орудия и инструменты познания, различные знаковые системы (естественные и искусственные языки), логические операции и процедуры и т. д. В общем можно сказать, научный метод представляет собой теоретически обоснованное нормативное познавательное средство....

Метод включает в себя краеугольные посылки, которые образуют его основу и характеризуют суть. Такими посылками являются подход и принцип. Подход определяет основной путь решения поставленной исследовательской задачи. Он раскрывает стратегию этого решения. “Представляется логичным и целесообразным, — указывает группа авторов, — понятие подхода связывать в первую очередь с фиксацией определенной направленности, ориентации научного исследования”... Правда, названные авторы выносят подход за пределы метода, ограничивая содержание последнего лишь “технологией” исследования. Но с этим нельзя согласиться, ибо не может быть технологии без ее определенной направленности. Существует целая совокупность подходов к решению научно-исследовательских задач. Эти подходы сформировались в результате обобщения научно-исследовательской практики и поэтому имеют общенаучный характер, т. е. применяются во всех или многих науках. Давно известны в науке такие подходы, как абстрактный и конкретный, логический и исторический, индуктивный и дедуктивный, аналитический и синтетический, динамический и статический, описательный и количественный, генетический, типологический, сравнительный и др. В современной науке выработан ряд новых общенаучных подходов — системный, структурный, функциональный, информационный, вероятностный, модельный и др.... Каждый указанный подход характеризует один из возможных путей проведения исследования. Все исследовательские подходы синтезируются в двух

противоположных общефилософских подходах к познанию объективной реальности — диалектическом и метафизическом. Внутреннее содержание конкретных подходов определяется характером философского подхода. Подход, намечая основной ракурс исследования объекта в свете поставленной задачи, определяет лишь самую общую особенность того или иного метода. Конкретное же содержание метода выражают принципы, присущие соответствующему подходу. В определении того, что такое принцип, среди философов существуют самые различные мнения. Принцип рассматривают как правило, средство, метод, существенное суждение, закон, основание, исходное положение и т. д. Отмечают двоякую природу и двоякую роль принципа, т. е. характеризуют его и как знание о действительности (онтологические принципы), и как средство ее познания (гносеологически-методологические принципы)... Как показывает исследовательская практика, принцип является гносеологически-методологическим понятием. Принцип представляет собой основополагающее начало (в этом плане он выступает как идея) решения той или иной научной проблемы (а в более широком плане любой задачи); его содержание выражается в определенных требованиях, имеющих нормативно-регулятивный характер. Соблюдение этих требований — непереносимое условие успешного применения соответствующего метода. По своему функциональному месту в методе принцип — гносеологически-методологическое средство реализации соответствующего подхода. Так, например, одним из принципов, на основе которых может быть реализован сравнительный подход, является принцип аналогии. Реализация этого принципа требует учета качественной однотипности сравниваемых явлений, т. е. их структурного и функционального родства и стадийных различий в их развитии, для чего, в свою очередь, необходимы сопоставимые в содержательном отношении характеристики явлений. Другим принципом реализации сравнительного подхода может выступать принцип типологизации. Он требует, чтобы

типы объектов в сравниваемых их совокупностях выделялись на основе единых общих критериев и конкретных показателей. Исследовательский подход и принцип тесно взаимосвязаны и переплетены и могут как бы меняться местами. Так, генетический подход основан на принципе историзма. Исторический же подход, наоборот, требует генетического принципа рассмотрения явления. На первый взгляд, это одно и то же. Но в действительности — это не так, ибо история предмета или явления и их генезис не идентичны. Тесная взаимосвязь подхода и принципа, в силу чего их часто и называют просто методом, обусловлена тем, что оба они основаны на учете, с одной стороны, знания о действительности, а с другой — о познавательном процессе, т. е. базируются на теории как высшей форме знаний о реальности и гносеологии. В подходе и принципе существующее онтологическое и гносеологическое знание приобретает практически-познавательный, исследовательский характер в форме абстрактного, теоретического знания. Последнее, представляя собой основу метода, является его теорией. Таким образом, в теории метода обосновываются постановка проблемы, основной подход (или путь) ее решения и принципиальные нормативные условия и требования реализации подхода для адекватного реальной действительности раскрытия исследовательской задачи. Совокупность правил и процедур, приемов и операций, позволяющих на практике реализовать идеи и требования принципа (или принципов), на которых основан метод, образуют методiku соответствующего метода. Методика — такой же непереносимый структурный компонент метода, как и его теория. Наконец, правила и процедуры, приемы и операции (т. е. сама методика) могут быть приведены в действие при наличии определенных орудий и инструментов. Их совокупность составляет третий структурный компонент научного метода — технику исследования. Основные элементы структуры научного метода, его теория, методика и техника тесно и диалектически взаимосвязаны, причем несомненно веду-

щая роль теории. Именно она определяет содержание методики, а последняя — характер применяемой техники. Но такое положение имеет место в окончательно сложившейся структуре метода».

Вопросы:

1. *Определите, каким образом И. Д. Ковальченко характеризует теорию, метод и методологию?*
2. *Что такое наука?*
3. *Что такое научная теория?*
4. *Место понятий в научной теории?*
5. *Закон, идея и принцип – их место в структуре теории.*
6. *Место метода в системе познавательной деятельности.*
7. *Назовите средства познания.*
8. *Как соотносятся метод, подход и принцип?*
9. *Основные элементы структуры научного метода.*
10. *Что такое методика? Ее место в структуре метода.*

1.5.

Биск, И. Я. Методология истории : курс лекций / И. Я. Биск. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2007. – С. 5–7.

«Предмет и основные понятия методологии истории.

Предмет. Методология истории — главная теоретическая дисциплина в семье исторических наук, учающая в единстве теории исторического знания и познания, то есть теорию предмета истории и теорию методов исторического исследования. Теории предмета и методов его исследования родственны, но не тождественны: теория предмета отвечает на вопрос, что собой представляет изучаемый предмет, теория метода — на вопрос, как ведется изучение предмета. Если помнить об этом различии, то можно принять встречающееся в литературе кратчайшее определение: методология = теория + метод. Некоторые авторы, в целом принимающие приведенную дефиницию, в конце ее добавляют: "...в их соотносительности с какой-либо гносеологи-

ческой или философской системой»; такое соотношение зачастую имеет место, хотя иногда историописанием занимаются лица, философию полностью игнорирующие. Основные понятия. Термин "методология" получил распространение в XX веке, преимущественно в его второй половине, а в XIX веке говорили "метод", понимая под ним методологию, причем эквивалентом последней считалась "теория", — возвращение от "методологии" к "теории" в настоящее время, кажется, становится правомерной тенденцией. Основных понятий в лекционном курсе три: методология, метод, методика. В понимании этой основополагающей троицы нет единства, подчас авторы полемизируют друг с другом (И. А. Бурмистров, О. Л. Вайнштейн, А. А. Курносов, Б. Г. Могильницкий, К. Д. Петряев, А. П. Пронштейн и др.). Обращение к историческим корням понятий и выяснение их трактовок в прошлом, как и обращение к этимологии слов, не приводит к единству взглядов. Ясно, что все три слова основаны на "методе" (греч. *methodos* — путь к чему-либо), но, несмотря на наличие специальных статей, различие понятий и особенно соотношение между ними не унифицировано. В дальнейшем мы будем исходить из следующих дефиниций. Методология, как уже говорилось, — теория исторического знания и познания. Методика — техника, или способы, исторического исследования. Сложнее с методом: полагаем, что он может быть рассматриваем на двух уровнях и в зависимости от уровня приближаться то к методологии, то к методике — например, сравнительно-исторический метод ближе к методологии, а метод выписок на карточках или в тетрадах ближе к методике. Важно соотношение понятий:

МЕТОДОЛОГИЯ — МЕТОД — МЕТОДИКА

Значение методологии истории. Являясь вершиной исторической науки, ее сущностным осмыслением, методология истории призвана на теоретическом уровне помочь осознанному и оптимальному (наиболее эффективному) ведению исследовательской работы, раскрывая ее этапы, компоненты, методы и избавляя

историков от многих ошибок, присущих поискам эмпирическим, ведущимся ощупью, впопыхах, методом “тыка”. Если представить себе семью исторических наук в виде равнобедренного треугольника, то его основу составят многочисленные конкретно-исторические дисциплины от первобытной до современной истории, выше разместятся вспомогательные и специальные исторические дисциплины, важнейшими из которых являются источниковедение и историография, а вершиной треугольника будет методология истории. Ученый и кораблестроитель, академик А. Н. Крылов (1863–1945) говорил, что метод (методология) “для корабля науки — это одновременно компас и штурвал, он указывает направление и способы действия”...

Методология истории важна и сложна. Для ее осмысления необходимо предварительное ознакомление с конкретно-историческими дисциплинами, источниковедением, историографией, историей исторической мысли, философией и историей философии, методами исследования некоторых смежных и несмежных наук (от исторической географии и климатологии до психологии и математики), а также компьютерным делом...

Методология истории не заменяет собой эти дисциплины, но они в разной степени перекрещиваются с ней и в этом смысле синтезируются ею, являясь ее компонентами. В первую очередь и особенно сказанное касается источниковедения; В. Ф. Коломийцев счел целесообразным подчеркнуть это уже в названии своей книги: “Методология истории (От источника к исследованию)”... Вне связи с исследовательской практикой методология истории теряет смысл. После посещения мною в МГУ лекции по методологии академика И. Д. Ковальченко он задал мне лишь один вопрос: “Выход в практику есть?” И в прошлом находились, и в настоящее время имеются историки, которые занимаются историческими исследованиями, игнорируя методологические проблемы, и, кажется, все выступают против завышения их роли и “философского мудрствования”. Участники круглого стола в редакции альманаха “Одиссей” (1995)

возражали против избыточного старания в области методологии, как бы призывая помнить максимы: “Только излишне не усердствуйте, господа” и “Чуть-чуть меньше — великая вещь”. Конечно, говорил один из них (А. Б. Гофман), следует знать инструментарий — способности работы, но надо отказаться от мудрствований оторванной от практики историсофии; он также напомнил слова Гегеля: иные историки вместо написания истории рассуждают о том, как ее надо писать. Другой участник дискуссии (А. В. Ревякин) обоснованно утверждал, что, во-первых, “историческая наука автономна и в значительной мере самодостаточна. Ей совершенно не обязательно отвечать на конечные вопросы бытия. У нее и своих забот свыше головы, из которых бесспорно главная — “установить, как оно, собственно, происходило”, и, во-вторых, “результативность исследования зависит не столько от теоретических воззрений исследователя, сколько от его этической позиции, а также от квалификации, общей образованности и способности поспевать за новым в науке и жизни”».

Вопросы:

1. Понятие «методология истории».
2. Соотношение понятий «методология», «теория» и «метод».
3. Соотношение понятий «метод» и «методика».
4. Соотношение понятий «методология» — «метод» — «методика».
5. Значение методологии истории.
6. Изучение каких дисциплин и почему должно предшествовать изучению методологии истории?
7. Какова связь между изучением методологии истории и исследовательской практикой?

1.6.

Смоленский, Н. И. Теория и методология истории : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Н. И. Смоленский. — 2-е изд. — Москва : Издательский центр «Академия», 2008. — С. 3-4.

«Теория истории — область общих представлений об истории в целом (общеисторическая теория) либо о тех или иных процессах и явлениях (марковская теория, теория манора, норманнская теория и т. д.). В любом случае теория истории — это высший, самый развитый уровень исторического познания, а не уровень конкретно-исторических представлений о событиях. В теории речь идет об общих проблемах изучения истории как реальности (онтология) и истории как познания (гносеология). Методология истории (от греч. *methodos* — способ, путь познания и *logos* — слово) — дисциплина, раздел исторической науки о методах познания. Метод — это средство исторического исследования. С помощью методов историк получает новое знание или уточняет существующие представления о событиях. Таков изначальный смысл понятия “методология”, который оно приобретало в практике исторического исследования в первой половине XIX в. Этот термин впервые был использован в трудах немецких историков для обозначения учения о методах (*Methodenlehre*) и как название учебной дисциплины в университетском расписании. В настоящее время понятие “методология” употребляется не только в этом изначальном смысле, но и для обозначения теоретических основ исторического познания в целом, всей его проблематики теоретического характера. В российской историографии впервые термин “методология” появился в научных исследованиях и в практике университетского преподавания в конце XIX—начале XX в. Составной частью методологии в таком ее понимании является философия истории. Первым этот термин употребил представитель французского Просвещения Вольтер (1694–1778). Как и современные ему ученые, он подразумевал под философией истории совокупность теоретических проблем истории как действительности, хотя, конечно, и набор этих проблем и их истолкование в обоих случаях существенно разнятся. Одним словом, методология истории является теоретическим выражением практики конкретно-исто-

рического исследования в виде методов, принципов, научных исторических понятий и т. д. Обобщая практику исследовательской работы историка, методология дает возможность осмысленно относиться к познанию, вырабатывать и сознательно применять приемы, процедуры, способы, теоретические принципы анализа общих и частных конкретно-исторических проблем. Методология не содержит в готовом виде ответ на любую из таких проблем, но она учит их решать, является его основой... Формирование школ и направлений в исторической науке различается и по методологическим позициям историков как исходным теоретическим основам их мышления и по позициям конкретно-исторического анализа. Главной движущей силой развития и смены как методологических позиций историков, как и исторического познания в целом, является развитие самой истории; без учета этого фактора невозможно понять что-либо в области методологии. Влияние жизни, общественной практики на развитие методологии неустранимо. Поэтому при развитии и смене методологических позиций историков всегда имеют место как преемственность, так и одновременно разрыв с прежними представлениями. Это подтверждается сравнением таких столь разных направлений в историографии и соответствующих им исходных методологических позиций, как гуманистическая, просветительская, позитивистская, марксистская, неокантианская и т. д. Таким образом, единой методологии историческая наука не знает. Теоретическая позиция историка — это в значительной мере дело его выбора или самостоятельной творческой разработки, хотя и то и другое вовсе не произвольно, а зависит от современного уровня знаний, в конечном счете от характера окружающей его общественной среды».

Вопросы:

1. *Что такое теория истории?*
2. *Что такое методология истории? Метод исторического исследования.*

3. Чем современное понимание методологии истории отличается от классического, существовавшего в XIX в.?

4. Как соотносятся «философия истории» и «методология истории»?

5. Что является главной движущей силой развития методологии истории?

6. Существует ли единая методология истории? Ответ обоснуйте.

Раздел № 2.

Ознакомиться с текстами о сути истории и исторического сознания и ответить на вопросы

2.1.

Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. – Москва : Наука, 1978. – С. 7–50.

«Мотивы, по которым люди обращаются к изучению истории, различны. Одни, если только к таким, как они, применимо слово “изучение”, заботятся лишь о развлечении и читают жизнеописания Аристиды или Фокиона, Эпаминонда или Сципиона, Александра или Цезаря так же, как они разыгрывают карточную партию или как они когда-то читали сказку о семи храбрых рыцарях.

У других мотивы ничуть не лучше, но им свойственен еще один недостаток, делающий их зачастую самым настоящим бичом общества — в прямой зависимости от их успехов в знакомстве с предметом.

Первые не используют чтения, чтобы достичь какой-нибудь достойной цели; вторые же злоупотребляют им ради цели весьма недостойной; и дерзость их возрастает вместе с ростом их знаний... Лица, которых я имею в виду — это те, кто читает, чтобы поболтать, блеснуть в разговоре и произвести впечатление в обществе; кто, ощущая нехватку собственных мыслей, на-

бывает себе голову голыми фактами и сентенциями и надеется восполнить за счет одной лишь памяти недостаток воображения и способности к суждению.

Эти лица относятся к двум наихудшим разновидностям. Следующие, о ком идет речь, принадлежат к несколько более высокому классу: это те, кто не становится от занятий историей ни мудрее, ни лучше, облегчает изучение ее другим и направляет их к целям более полезным; это те, кто снимает хорошие копии с плохих рукописей, объясняет смысл непонятных слов и берет на себя великое множество других грамматических трудов...

Существует четвертый класс, куда менее полезный, чем предыдущие, но удостоенный гораздо большей чести, — люди в высшей степени образованные, те, кому все племя ученых отвечает почтительные поклоны. Нужно обладать моим равнодушием к похвалам или порицаниям, чтобы открыто заявить о полном презрении к занятиям этих ученых мужей, ко всем исследованиям древности, ко всем системам хронологии и истории, которыми мы обязаны великим трудам таких деятелей, как Скалигер, Бошар, Петавий, Ашер и даже Маршем. В их распоряжении одни и те же материалы, которые, однако, не многочисленны, и почти невероятно, чтобы их когда-нибудь стало больше. Эти ученые использовали их в каких угодно комбинациях. Они высказывали предположения, догадки, соединяли разрозненные отрывки разных авторов и фрагменты преданий неясного происхождения, различных народов и веков, отстоящих так же далеко друг от друга, как и от нашего времени. Словом, они испробовали абсолютно все возможности — даже совершенно фантастическое звуковое сходство служило им основой для создания целой теории. Исторические же источники, которыми они располагают, не только скудны, но и нередко (даже те, что считаются лучшими и наиболее достоверными) весьма сомнительны...

Мы должны тщательно и беспристрастно исследовать основания (источники. — Н. П.), и когда обна-

ружим, что они маловероятны или вовсе невероятны, будет нелепо ожидать чего-либо лучшего в воздвигнутом на таком фундаменте сооружении (исторической науке. — Н. П.)... Осуществить такое исследование необходимо, чтобы мы из-за своей неосведомленности безоговорочно не приняли на веру мнение авторитетов; предпринимать что-либо большее — значит помочь этим самым авторитетам навязать нам ложные знания...

Любовь к истории кажется неотделимой от человеческой природы потому, что она неотделима от любви к самому себе. Именно эта первопричина влечет нас вперед и назад, в будущее и к прошлым векам. Мы воображаем, что вещи, волнующие нас, будут интересовать и потомков... Мы любим хранить память (в той мере, в какой позволяют нам наши слабые силы) о событиях нашей собственной жизни, нашего времени и времен, ему предшествовавших. С этой целью народы, еще не знавшие наук и искусств, возводили примитивные каменные курганы и слагали еще более простые песни... Нет необходимости говорить о том, как усиливается эта страсть среди цивилизованных народов — с ростом возможностей для ее удовлетворения... Ребенок внимает с восторгом сказкам своей няни, он учится читать и пожирает с жадностью невероятные легенды и рассказы; в более зрелом возрасте он усердно занимается историей или тем, что он принимает за историю, — официальным вымыслом; и даже в старости желание узнать, что произошло с другими людьми, уступает лишь желанию узнать, что произошло с ними самими. Таким образом, история, подлинная или мнимая, всегда что-то говорит нашим чувствам. Как жаль, милорд, что даже самая лучшая история так редко говорит что-либо нашему разуму! ...Но если мы призовем на помощь разум... Мы не будем заниматься чтением ради того, чтобы ублажить свою праздность или потакать своему тщеславию; столь же мало удовлетворимся мы, подобно грамматикам и критикам, черной работой, чтобы другие — философы и государственные мужи — могли заниматься историей с большей легкостью и вы-

годой для себя; столь же мало будем мы стремиться к сомнительной чести стать великими учеными ценой пожизненных блужданий в темных лабиринтах древности.

Все они ошибаются относительно подлинного смысла изучения и подлинной пользы истории... Истинная и надлежащая цель применения ума состоит в том, чтобы постоянно совершенствовать личную и общественную добродетель. Любые умственные занятия, не ведущие прямо или косвенно к тому, чтобы сделать нас лучшими людьми или гражданами, — это в лучшем случае лишь лицемерная и хитроумная разновидность безделья, говоря словами Тиллотсона; и знание, получаемое нами таким путем, есть не что иное, как похвальный вид невежества. Этот похвальный вид невежества, по моему мнению, и есть та польза, которую извлекает большинство людей, даже наиболее ученых, из занятий историей. И тем не менее, изучение истории кажется мне из всех других занятий наиболее подходящим, чтобы воспитывать в нас личную и общественную добродетель...

...Я думаю, что история — это философия, которая учит нас с помощью примеров. ...Таково несовершенство человеческого мышления, таков наш склад ума, что абстрактные и общие суждения, даже абсолютно правильные, кажутся нам очень часто темными или сомнительными, пока они не будут растолкованы с помощью примеров...

Школой примера, милорд, является весь мир, а наставники в этой школе — история и опыт. Я отнюдь не склонен утверждать, что первая предпочтительнее последнего. Я смотрю на это иначе, но все же скажу, что история абсолютно необходима, чтобы подготовить нас к усвоению опыта и сопровождать нас, пока мы приобретаем его, т. е. в течение всей нашей жизни... я допускаю, что изучение истории без наличия жизненного опыта недостаточно, но я утверждаю, что и сам опыт неполноценен при отсутствии таланта. Талант предпочтительнее и того и другого. Но я хотел

бы видеть всех их троих вместе, ибо как бы ни был велик талант, и как бы ни возрастали свет и тепло, излучаемые им на его стремительном пути, несомненно, что он никогда не будет сиять полным блеском и не распространит своего влияния в той мере, на какую способен, если к личному опыту не присоединит он других людей и других веков... Обыкновенные сыны земли, если они обладают опытом, не имея представления об истории, — лишь полужайки в науке о человечестве. Если же они разбираются в истории, не обладая опытом, они более чем невежественны, они — педанты, иногда назойливые и самонадеянные, — но всегда ограниченные.

Человек, обладающий всеми тремя достоинствами, является гордостью своей страны и благом для общества...

То, что изучение истории не только делает нас более мудрыми и полезными гражданами, равно как и более хорошими людьми, но и вовсе бесполезно, что оно может служить для того, чтобы сделать из нас только антикваров и ученых, или что оно может способствовать превращению нас в самонадеянных фантов и болтливых педантов, я уже признавал. Но в этом виновата не история... нам следует лишь сопоставить правильное использование истории и то, как используют ее те, о ком шла речь. Надо всегда иметь в виду, что история — это философия, которая учит с помощью примеров, как вести себя в любых обстоятельствах в частной и общественной жизни; что поэтому нам следует подходить к ней с философских позиций; что мы можем восходить от частных знаний к общим и готовить себя к общественной жизни и практической деятельности, приучая свой ум размышлять над событиями и характерами людей, о которых повествует история. Конкретные примеры могут иногда пригодиться в конкретных же случаях, однако, руководствоваться ими опасно. Это нужно делать крайне осмотрительно, иначе редко будет сопутствовать успех.

...По этому поводу Гвиччардини замечает, как опас-

но руководствоваться конкретными примерами, — ведь для того, чтобы достичь такого же успеха, мы должны быть столь же благоразумны и удачливы, а сам пример — соответствовать обстоятельствам, с которыми мы столкнулись не только в общих чертах, но и в малейших деталях...

Наблюдение Буало и правило, которое он устанавливает, говоря о переводах, уместно привести здесь, чтобы лучше объяснить то, что я намерен сказать. “Рабски переводить на современный язык древнего автора фраза за фразой, слово за словом бессмысленно — ничто не может быть дальше от оригинала, чем копия. Это значит не отобразить, а исказить подлинный облик автора, и тот, кто познакомился с ним только в таком виде, не узнает его истинного лица. Хороший писатель, вместо того, чтобы брать на себя эту бесславную и неблагородную задачу, будет... скорее подражать, чем переводить, и скорее соперничать, чем подражать; он передаст смысл и дух оригинала в своем труде и будет стремиться писать так, как писал бы древний автор на том же языке”.

Итак, совершенствоваться с помощью примеров означает совершенствоваться с помощью подражания. Мы должны уловить самый дух, если это удастся, и сообразоваться с его смыслом; но мы не должны стремиться к тому, чтобы рабски копировать... поведение тех добродетельных и великих мужей, чьи образы запечатлела история...

Таковы общие принципы и правила жизни и поведения, которые всегда останутся справедливыми, поскольку согласуются с неизменной природой вещей. Тот, кто изучает историю так же, как он бы изучал философию, вскоре распознает и сформулирует их, а сделав это, выработает для себя общую этическую и политическую систему, покоящуюся на самых прочных основаниях — на том, что эти принципы и правила проверены во всем и подтверждены мировым опытом...

Но это не все. Наблюдая огромное разнообразие конкретных характеров и событий, изучая необычные

сочетания причин — различных, отдаленных и внешне противоположных, которые зачастую в совокупности приводят к одному итогу, и удивительную способность единственной, отдельно взятой причины вызвать множество последствий, столь различных, столь отдаленных и внешне столь взаимно противоположных, прослеживая внимательно — так внимательно, как если бы предмет, который человек рассматривает, имел к нему непосредственное и личное отношений, — все мельчайшие и подчас едва уловимые черты как в характерах действующих лиц, так и в ходе событий, какие только позволяет обнаружить история и которые большей частью определяют успех дел, даже величайших, прибегая к этим и подобным методам... человек, наделенный способностями, может направить изучение истории к достижению надлежащей и основной цели. Он может усилить свою проницательность и внимание, развить способность к умозаключению, приобрести способность и привычку схватывать суть дела быстрее и заглядывать вперед дальше...

Таким образом, изучение истории подготовит нас для действия и наблюдения. История — древний автор, опыт — современный язык. Первая формирует наш вкус, мы переводим смысл и значение, мы впитываем в себя ее дух и суть; но мы подражаем лишь отдельным достоинствам оригинала — подражаем в соответствии с идиомами нашего родного языка, т. е. мы часто заменяем их эквивалентами и далеки от того, чтобы рабски их копировать. В заключение скажу: как опыт освещает настоящее, а настоящее позволяет нам предугадывать будущее, так история имеет дело с прошлым, а зная о том, что было, мы можем лучше судить о том, что есть.

Ту настоящую и основную пользу, милорд, которую я вижу в изучении истории, не имеют в виду те, кто писал о методе, которого следует придерживаться при ее изучении; а так как мы предлагаем различные цели, то, разумеется, должны быть избраны и различные пути. В мои руки попали лишь некоторые трактаты на эту

тему. Один из них, в котором изложен метод Бодена, человека, знаменитого в свое время, я, помнится, читал. Много лет назад я взялся за него с большими надеждами, прочел и остался крайне разочарован. Автор мог бы с тем же успехом дать этой книге почти любое другое название. В ней не много страниц, относящихся к делу больше, чем утомительная пятая глава, где он объясняет характеры отдельных народов их географическим положением на земном шаре и влиянием звезд, и уверяет читателя, что нет ничего важнее подобного изыскания “для универсального познания истории и непреложного суждения о ней”. Следуя его методу, мы сначала должны получить общее представление о всемирной истории и хронологии в кратких извлечениях, а затем уже перейти к истории отдельных государств и народов. Сенека говорит о людях, которые тратят всю свою жизнь на подготовку к деятельности... Я подозреваю, что этот метод Бодена повел бы нас по тому же или столь же плохому пути; он не оставит нам времени для деятельности или же сделает непригодными к ней. Толстая записная книга, в которую занесены все прославленные афоризмы и факты, имевшие место в истории, позволит нам говорить или писать как Боден, но никогда не сделает нас лучше, не поможет нам, как подобает полезным гражданам, содействовать безопасности, миру и благосостоянию или величию того общества, членами которого мы являемся. Поэтому я буду продолжать говорить о методе, который прямо и безошибочно ведет к таким целям, как эти...

...Я полагаю, что нужно остерегаться именно псевдоучености и именно безудержного любопытства... Труд, философа начинается с деятельности разума и заканчивается работой воображения. Историк же действует в обратной последовательности: он начинает свой труд, не опираясь на источники, и иногда заканчивает его, обращаясь к ним. Этот нелепый обычай столь распространен среди ученых, занимающихся историей...

...лживый дух перешел от церковных к другим историкам и мог бы заполнить многие страницы примерами

нелепых вымыслов, которые сочиняли представители разных народов, чтобы прославить свою древнейшую историю, облагородить своих предков и представить их в блеске мирных дел и военных триумфов. Когда голова достаточно разгорячена, а благочестие или тщеславие, подобие добродетели или подлинный порок и, сверх всего, споры и соперничество породили этот клубок страстей, который мы называем фанатизмом, результаты весьма сходны и история превращается очень часто или в лживый панегирик, или в пасквиль, ибо разные народы и разные партии внутри одного народа клеветают друг на друга без всякого уважения к истине...

Когда неполнота обусловлена отсутствием исторических записей — или тем, что они первоначально не велись, или тем, что они были утрачены... — мы должны смириться со своим неведением, и в этом нет большой беды. Защищенный от обмана, я смогу смириться и с неосведомленностью. Но когда исторические записи не полностью отсутствуют, когда одни из них были утрачены или уничтожены, а другие сохранены и получили распространение, тогда мы подвергаемся опасности быть обманутыми; и поистине должен быть слеп тот, кто принимает за правду историю какой бы то ни было религии или народа, а в еще большей мере — историю какой-либо секты или партии, не имея возможности сопоставить ее с другой исторической версией. Здравомыслящий человек не будет так слеп. Не на единственном свидетельстве, а на совпадении свидетельств станет он утверждать историческую истину. Если совпадения нет вовсе, он не будет доверять ничему; если оно есть хоть в чем-то немногом, он соразмерит соответственно свое согласие или несогласие. Даже слабый луч света, блеснувший из чужеземного исторического повествования, часто разоблачает целую систему лжи... Критика отделяет руду от породы и извлекает из различных авторов всю историческую правду, которая лишь частично могла быть найдена у каждого из них в отдельности; критика убеждает нас в своей правоте, когда она основывается на здравом смысле и

излагается беспристрастно. Если этого можно достичь благодаря историческим сочинениям, авторы которых сознательно стремились к обману, то насколько легче и эффективнее можно сделать это с помощью тех, кто с большим уважением относился к истине? Среди множества авторов всегда найдутся такие, кто не способен грубо искажать правду, опасаясь разоблачения и позора, в то время, как он ищет славы, или же такие, кто придерживается истины, исходя из более благородных и твердых принципов...

В вопросах, касающихся истории, мы справедливо предпочитаем свидетельства современников. Однако, авторы, современные историческим событиям, в особенности подвержены опасности уклониться от прямого пути истины, говоря о предметах ...в которых они принимали участие...

Когда искренность при изложении факта вызывает сомнение, мы добываем истину, сопоставляя различные сообщения ...Когда суждения производят впечатление пристрастных, мы можем сделать выводы самостоятельно или принять суждения авторов, сделав известные поправки, — в зависимости от конкретных обстоятельств жизни авторов или общего склада их ума, и тем самым нейтрализовать воздействие этих факторов... Короче говоря, Ваша светлость, благоприятные возможности для искажения истории нередко пресекались, а в настоящее время они уже отсутствуют в столь многих странах, что истина проникает даже туда, где ложь продолжает быть составной частью церковной и гражданской политики...»

Вопросы:

- 1. Как Болингброк опровергает сомнения о пользе истории?*
- 2. Каковы цели тех, кто изучает историю?*
- 3. Как, по мнению автора, взаимосвязаны история и политика?*
- 4. Какие две группы «авторов» исторических произведений различает автор?*

5. В чем суть первого, основного метода исторического исследования, который описывает автор в данном отрывке?

2.2.

Ницше, Ф. О пользе и вреде истории для жизни / Ф. Ницше // Сочинения: в 2 т. – Т. 1: Литературные памятники. – Москва : Мысль, 1990. – С. 164–169.

«...Исторические знание и чувство известного человека могут быть весьма ограничены, его горизонт может быть так же сужен, как горизонт обитателя альпийской долины, в каждое суждение он может вкладывать какую-нибудь несправедливость, в каждый опыт — ложное убеждение, что он первый его сделал, — и, несмотря на всю свою несправедливость и все свои ошибки, он будет стоять перед нами в своем неискоренимом здоровье и полной силе и радовать все взоры, в то время как рядом с ним несравненно более справедливый и образованный человек болеет и падает вследствие того, что линии его горизонта постоянно беспокойно передвигаются и что он поэтому никак не может выпутаться из несравненно более тонкой сети своей справедливости и истины, чтобы снова вернуться к непосредственным желаниям и влечениям. С другой стороны, мы видели животное, которое, будучи совершенно лишено исторического чувства и заключено внутри горизонта, сводящегося чуть ли не к одной точке, наслаждается, тем не менее, известным счастьем или, по крайней мере, живет, не зная пресыщения и притворства; поэтому мы должны считать способность чувствовать в известных пределах неисторически более важной и более первоначальной, поскольку она является фундаментом, на котором вообще только и может быть построено нечто правильное, здоровое и великое, нечто подлинно человеческое. Неисторическое подобно окутывающей атмосфере, в которой жизнь создается лишь с тем, чтобы исчезнуть вновь с уничтожением этой атмосферы. Правда, только благодаря тому, что человек может ввести в грани-

цы этот неисторический элемент при помощи мысли, передумывания, сравнения, отделения и соединения, только благодаря тому, что это обволакивающее, ограничивающее туманное облако прорезывается ярким, молниеносным лучом света, — т. е. только благодаря способности использовать прошедшее для жизни и бывшее вновь превращать в историю, человек делается человеком; но в избытке истории человек снова перестает быть человеком, а без упомянутой оболочки неисторического он никогда бы не начал и не отважился бы начать человеческого существования.

Где мы найдем те деяния, которые человек мог бы совершить, не войдя предварительно в туманную полосу неисторического? Или, оставляя в стороне образы и прибегая для иллюстрации этой мысли к примеру, представим себе человека, которого бросает во все стороны и влечет какая-нибудь сильная страсть к женщине или к великой идее: как изменяется для него его мир! Оглядываясь назад, он чувствует себя слепым; когда он прислушивается к чему-нибудь со стороны, все чужое кажется ему глухим шумом, лишенным всякого значения; все же, что он вообще способен теперь воспринимать, никогда он еще не воспринимал столь ощутительно близким, столь красочным, звучащим, освещенным, как бы действующим на все его чувства одновременно. Все его оценки подверглись изменению или потеряли прежнее значение, многого он совсем не может более ценить, ибо почти вовсе не ощущает его: он спрашивает себя, неужели он так долго был рабом чужих слов, чужих мнений; он удивляется тому, что его память неумолимо вращается все в том же круге и в то же время слишком слаба и утомлена, чтобы хоть раз решиться сделать скачок за пределы этого круга. Это самое несправедливое на свете состояние, ограниченное, неблагодарное к прошлому, слепое к опасностям, глухое к предупреждениям, маленький живой водоворот в мертвом море ночи и забвения; и все-таки это состояние — будучи глубоко неисторическим и антиисторическим — является лоном, порождающим

не только несправедливое, но, скорее, всякое действительное деяние, и ни один художник никогда не напишет своей картины, ни один полководец не одержит победы, ни один народ не завоеует свободы, если все они в подобном неисторическом состоянии предварительно не жаждали этой цели и не стремились к ней. Как всякий деятель, по выражению Гете, всегда бессовестен, так же он и чужд знанию, он забывает все остальное, чтобы достигнуть одного, он несправедлив к тому, что лежит позади него, и знает только одно право — право того, что в данную минуту должно совершиться. Поэтому каждый деятель любит свое деяние в бесконечно большей степени, чем оно этого заслуживает, и лучшие деяния совершаются при таком избытке любви, которого они, во всяком случае, не могут заслуживать, как бы неизмеримо велика ни была вообще их ценность.

Если бы кто получил возможность в целом ряде случаев проникнуть в ту неисторическую атмосферу, в которой возникает каждое великое историческое событие, и подышать ею некоторое время, то такой человек сумел бы, может быть, как познающее существо, возвыситься до надисторической точки зрения, на которую Нибур однажды указал как на возможный результат исторических размышлений. “Для одной цели, по крайней мере, — говорит он, — пригодна история, ясно и основательно понятая: она показывает, что даже величайшие и гениальнейшие представители нашего человеческого рода не сознают, насколько случайно их глаз принял ту форму/через которую они не только сами смотрят, но и насильственно заставляют смотреть всех других, — насильственно потому, что интенсивность их сознания необыкновенно велика. Кто не знает и не понял этого совершенно определенно и на основании целого ряда случаев, того поработает явление могучего духа, вкладывающего в данную форму высшее напряжение страсти”. Надисторической мы могли бы назвать эту точку зрения потому, что тот, кто стоит на ней, мог бы навсегда потерять охоту жить дольше

и участвовать в исторической работе, постигнув с полной ясностью важнейшее условие всякой деятельности, именно ту слепоту и ту несправедливость, которые царствуют в душе каждого деятеля; он был бы даже излечен от чрезмерного уважения к истории: ведь он научился бы по поводу каждого человека, по поводу каждого события греческой или турецкой истории времен первого или девятнадцатого столетия давать себе ответ на вопрос, как и для чего мы живем. Тот, кто вздумал бы спросить своих знакомых, желали бы они еще раз пережить последние десять или двадцать лет, мог бы легко подметить, кто из них имеет задатки для той надисторической точки зрения, о которой мы упоминали выше; правда, что они все ответили бы, вероятно, на этот вопрос “нет”, но они указали бы различные основания для этого “нет”. Одни, может быть, для своего утешения скажут “Следующие двадцать будут лучше”. Это те, о которых Дэвид Юм насмешливо замечает “От осадка жизни они надеются получить то, чего не могло дать первое страстное движение”...

Таких людей мы назовем историческими; всякое обращение к прошлому вызывает в них стремление к будущему, распаляет в них решимость продолжать жизненную борьбу, воспаляет в них надежду на то, что нужное еще придет, что счастье скрывается за той горой, к которой они направляют свой путь. Эти исторические люди верят, что смысл существования будет все более раскрываться в течение процесса существования, они оглядываются назад только затем, чтобы путем изучения предшествующих стадий процесса понять его настоящее и научиться энергичнее желать будущего, они не знают вовсе, насколько неисторически они мыслят и действуют, несмотря на весь свой историзм, и в какой степени их занятия историей являются служением не чистому познанию, но жизни.

Но тот же вопрос, на который мы получили первый ответ, может вызвать иногда и другой ответ. Правда, и этот ответ сведется к тому же “нет!” — но к иначе обоснованному “нет”, именно к “нет” надисторическо-

го человека, который видит спасение не в процессе, но для которого мир в каждое отдельное мгновение представляется как бы остановившимся и закопченным. Чему, в самом деле, могли бы еще научить новые десять лет такого человека, если это не удалось сделать предыдущим десяти годам! Заключается ли смысл исторического поучения в счастье или в резиньяции, в добродетели или в покаянии, в этом надисторические люди никогда не были согласны между собой, но, в противоположность всем историческим точкам зрения на прошлое, все они с полным единодушием приходят к одному выводу: прошлое и настоящее — это одно и то же, именно нечто, при всем видимом разнообразии типически одинаковое и, как постоянное повторение непреходящих типов, представляющее собой неподвижный образ неизменной ценности и вечно одинакового значения. Сотни различных языков соответствуют тем же типически прочным потребностям человека, так что тот, кто понял бы сущность этих потребностей, не мог бы из всех этих языков узнать ничего нового; точно так же надисторический мыслитель освещает себе изнутри всю историю народов и отдельных личностей, восстанавливая в своем ясновидении первоначальный смысл различных исторических иероглифов и постепенно даже уклоняясь от утомляющего притока все новых и новых письмен: ибо бесконечный избыток развертывающихся пред ним событий не может не вызывать в нем в конце концов чувства сытости, пресыщения и даже отвращения! Поэтому даже самый смелый между ними в конечном счете, может быть, готов сказать своему сердцу вместе с Джакомо Леопарди: “Среди живущего нет ничего, что было бы достойно твоего сочувствия, и земля не стоит твоего вздоха. Наше существование есть страдание и скука, а мир не что иное, как грязь. Успокойся”.

Но оставим надисторическим людям их отвращение и их мудрость: давайте лучше радоваться сегодня от всего сердца нашему неразумию и приветствовать в лице себя тех, кто деятельно идет вперед и поклоня-

ется процессу. Пусть наша оценка исторического есть только предрассудок Запада — лишь бы мы в пределах этих предубеждений шли вперед, а не стояли на месте! Если бы только мы могли постоянно делать успехи в одном — именно в изучении истории для целей жизни. Мы охотно будем тогда готовы признать, что надисторические люди обладают большим запасом мудрости, чем мы, если только мы могли бы быть уверены, что у нас больше жизни, чем у них: ибо тогда наше неразумие имеет, во всяком случае, больше будущности, чем их мудрость. И чтобы не оставить никаких сомнений в значении этой противоположности между жизнью и мудростью, я, пользуясь издавна известным и применявшимся всегда с успехом приемом, прямо выставлю несколько тезисов.

Историческое явление, всесторонне познанное в его чистом виде и претворенное в познавательный феномен, представляется для того, кто познал его, мертвым: ибо он узнал в нем заблуждение, несправедливость, слепую страсть и вообще весь темный земной горизонт этого явления и вместе с тем научился видеть именно в этом его историческую силу. Эта сила сделалась теперь бессильной для него как познавшего, но, может быть, еще не сделалась таковой для него как живущего. История понимается как чистая наука и, ставшая самодержавной, представляет собой для человечества род окончательного расчета с жизнью. Историческое образование может считаться целительным и обеспечивающим будущее, только когда оно сопровождается новым могучим жизненным течением, например нарождающейся культурой, т. е. когда оно находится во власти и в распоряжении какой-нибудь высшей силы, а не владеет и распоряжается самостоятельно. История, поскольку она сама состоит на службе у жизни, подчинена неисторической власти и потому не может и не должна стать, ввиду такого своего подчиненного положения, чистой наукой вроде, например, математики. Вопрос же, в какой степени жизнь вообще нуждается в услугах истории, есть один из важнейших вопросов,

связанных с заботой о здоровье человека, народа и культуры. Ибо при некотором избытке истории жизнь разрушается и вырождается, а вслед за нею вырождается под конец и сама история.

Что, тем не менее, жизнь нуждается в услугах истории, это должно быть понято с той же ясностью, как и другое положение, которое будет доказано дальше, именно, что избыток истории вредит жизни. История принадлежит живущему в тройном отношении: как существу деятельному и стремящемуся, как существу охраняющему и почитающему и, наконец, как существу страждущему и нуждающемуся в освобождении. Этой тройственности отношений соответствует тройственность родов истории, поскольку можно различать монументальный, антикварный и критический род истории.

История принадлежит прежде всего деятельному и мощному, тому, кто ведет великую борьбу, кто нуждается в образцах, учителях, утешителях и не может найти таковых между своими современниками и в настоящем».

Вопросы:

1. Как «исторические чувства» влияют на жизнь человека?
2. Что такое «надисторический человек»?
3. История и жизнь – как они взаимосвязаны?
4. В чем, по мнению автора, польза истории для жизни? В чем ее вред?

2.3.

Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок ; перевод Е. М. Лысенко ; примечание и статья А. Я. Гуревича. – 2-е изд., доп. – Москва : Наука, 1986. – С. 11–29.

«...История – не только наука, находящаяся в развитии. Это наука, переживающая детство, – как все науки, чьим предметом является человеческий дух, этот запоздалый гость в области рационального познания. Или, лучше сказать: состарившаяся, прозя-

бавшая в эмбриональной форме повествования, долго перегруженная вымыслами, еще дольше прикованная к событиям, наиболее непосредственно доступным, как серьезное аналитическое занятие история еще совсем молода. Она силится теперь проникнуть глубже лежащих на поверхности фактов; отдав в прошлом дань соблазнам легенды или риторики, она хочет отказаться от отравы, ныне особенно опасной, от рутины учености и от эмпиризма в обличье здравого смысла. В некоторых важных проблемах своего метода она пока еще только начинает что-то нащупывать. Вот почему Фюстель де Куланж и до него Бейль, вероятно, были не совсем неправы, называя историю “самой трудной из всех наук”...

...Любая наука, взятая изолированно, представляет лишь некий фрагмент всеобщего движения к знанию. Выше я уже имел повод привести этому пример: чтобы правильно понять и оценить методы исследования данной дисциплины – пусть самые специальные с виду, – необходимо уметь их связать вполне убедительно и ясно со всей совокупностью тенденций, которые одновременно проявляются в других группах наук. Изучение методов как таковых составляет особую дисциплину, ее специалисты именуют себя философами. На это звание я претендовать не вправе. От подобного пробыла в моем первоначальном образовании данный очерк, несомненно, много потеряет как в точности языка, так и в широте кругозора. Могу его рекомендовать лишь таким, каков он есть, т. е. как записи ремесленника, который всегда любил размышлять над своим ежедневным заданием, как блокнот подмастерья, который долго орудовал аршином и отвесом, но из-за этого не возомнил себя математиком...

1. Выбор историка

Слово “история” очень старо, настолько старо, что порой надоедало. Случалось – правда, редко, – что его даже хотели вычеркнуть из словаря. Социологи дюркгеймовской школы отводят ему определенное место – только подальше, в жалком уголке наук о человеке;

что-то вроде подвала, куда социологи, резервируя за своей наукой все, поддающееся, по их мнению, рациональному анализу, сбрасывают факты человеческой жизни, которые им кажутся наиболее поверхностными и произвольными. Мы здесь, напротив, сохраним за “историей” самое широкое ее значение. Слово это как таковое не налагает запрета ни на какой путь исследования — с обращением преимущественно к человеку или к обществу, к описанию преходящих кризисов или к наблюдению за явлениями более длительными. Само по себе оно не заключает никакого кредо — согласно своей первоначальной этимологии, оно обязывает всего лишь к “исследованию”, перед лицом необъятной и хаотической действительности историк всегда вынужден наметить участок, пригодный для приложения его орудий; затем он должен в нем сделать выбор, который, очевидно, не будет совпадать с выбором биолога, а будет именно выбором историка. Это — подлинная проблема его деятельности. Она будет сопутствовать нам на всем протяжении нашего очерка...

2. История и люди

Иногда говорят: “История — это наука о прошлом”. На мой взгляд, это неправильно. Ибо, во-первых, сама мысль, что прошлое как таковое способно быть объектом науки, абсурдна. Как можно, без предварительного отсеивания, сделать предметом рационального познания феномены, имеющие между собой лишь то общее, что они не современны нам? Точно так же можно ли представить себе всеобъемлющую науку о вселенной в ее нынешнем состоянии? У истоков историографии древние анналисты, бесспорно, не терзались подобными сомнениями. Они рассказывали подряд о событиях, единственная связь между которыми состояла в том, что все они происходили в одно время: затмения, град, появление удивительных метеоров вперемешку с битвами, договорами, кончинами героев и царей. Но в этой первоначальной памяти человечества, беспорядочной, как восприятие ребенка, неуклонное стремление к анализу мало-помалу привело к необходимости клас-

сификации. Да, верно, язык глубоко консервативен и охотно хранит название “история” для всякого изучения перемен, происходящих во времени... Привычка безопасна — она никого не обманывает. В этом смысле существует история Солнечной системы, ибо небесные тела, ее составляющие, не всегда были такими, какими мы их видим теперь. Эта история относится к астрономии. Существует история вулканических извержений, которая, я уверен, весьма важна для физики земного шара. Она не относится к истории историков. Или, во всяком случае, она к нашей истории относится лишь в той мере, в какой ее наблюдения могут окольным путем оказаться связанными со специфическими интересами истории человечества. Как же осуществляется на практике разделение задач? Конкретный пример, вероятно, поможет нам это понять лучше, чем долгие рассуждения...

В X веке в побережье Фландрии врезался глубокий залив Звин. Затем его занесло песком. К какому разделу знаний отнести изучение этого феномена? Не размышляя, всякий назовет геологию. Механизм наносов, роль морских течений, возможно, изменения уровня океанов — разве не для того и была создана и выпестована геология, чтобы заниматься всем этим? Несомненно. Однако, если приглядеться, дело вовсе не так просто. Прежде всего, видимо, надо отыскать причины изменения. И наша геология вынуждена задать вопросы, которые, строго говоря, уже не совсем относятся к ее ведомству. Ибо поднятию дна в заливе наверняка способствовали сооружение плотин, каналов, переносы фарватеров. Все это — действия человека, вызванные общественными нуждами и возможные лишь при определенной социальной структуре. На другом конце цепи — другая проблема: проблема последствий. Неподалеку от котловины залива поднимался город. Это был Брюгге. Город связывал с заливом короткий отрезок реки. Через Звин Брюгге получал и отправлял большую часть товаров, благодаря которым он был — в меньшем, разумеется, мас-

штабе — своего рода Лондоном или Нью-Йорком того времени. Но вот с каждым днем стало все сильнее ощущаться обмеление залива. Напрасно Брюгге, по мере того как отступала вода, выдвигал к устью реки свои аванпорты — его набережные постепенно замирали. Конечно, это отнюдь не единственная причина упадка Брюгге. Разве могут явления природные влиять на социальные, если их воздействие не подготовлено, поддержано или обусловлено другими факторами, которые идут от человека? Но в потоке каузальных волн эта причина входит, по крайней мере, в число наиболее эффективных. Итак, творчество общества, моделирующееся вновь и вновь соответственно нуждам почвы, на которой оно живет, это, как чувствует инстинктивно каждый человек, факт преимущественно “исторический”. То же можно сказать и о судьбе крупного центра товарообмена; этот вполне характерный пример из “топографии знаний” показывает, с одной стороны, точку скрещения, где союз двух дисциплин представляется необходимым для любой попытки найти объяснение; с другой стороны, это точка перехода, где, завершив описание феномена и занимаясь отныне только оценкой его последствий, одна дисциплина в какой-то мере окончательно уступает место другой. Что же происходит всякий раз, когда, по-видимому, действительно требуется вмешательство истории? Появление человеческого грамматическим выражением относительности. За зримыми очертаниями пейзажа, орудий или машин, за самыми, казалось бы, сухими документами и институтами, совершенно отчужденными от тех, кто их учредил, история хочет увидеть людей. Кто этого не усвоил, тот, самое большее, может стать чернорабочим эрудиции. Настоящий же историк похож на сказочного людоеда. Где пахнет человеческой, там, он знает, его ждет добыча. Из характера истории как науки о людях вытекает ее особое отношение к способу выражения. История — наука или искусство? Об этом наши прапрадеды времен около 1800 г. любили рассуждать с важностью. Позже, в го-

дах 1890-х, погруженных в атмосферу несколько примитивного позитивизма, специалисты в области метода возмущались, что публика, читая исторические труды, обращает чрезмерное внимание на то, что они называли формой. Искусство против науки, форма против содержания: сколько тяжб, которым место в архивах судов схоластики! В точном уравнении не меньше красоты, чем в изящной фразе. Но каждой науке свойственна ее особая эстетика языка. Человеческие факты — по сути своей феномены слишком тонкие, многие из них ускользают от математического измерения. Чтобы хорошо их передать и благодаря этому хорошо понять (ибо можно ли понять до конца то, что не умеешь высказать?), требуется большая чуткость языка, точность оттенков в тоне. Там, где невозможно высчитать, очень важно внушить. Между выражением реальностей мира физического и выражением реальностей человеческого духа — контраст в целом такой же, как между работой фрезеровщика и работой мастера, изготавливающего лютни: оба работают с точностью до миллиметра, но фрезеровщик пользуется механическими измерительными инструментами, а музыкальный мастер руководствуется главным образом чувствительностью своего уха и пальцев. Ничего путного не получилось бы, если бы фрезеровщик прибегал к эмпирическому методу музыкального мастера, а тот пытался бы подражать фрезеровщику.

3. Историческое время

“Наука о людях”, — сказали мы. Это еще очень расплывчато. Надо добавить: “о людях во времени”. Историк не только размышляет о “человеческом”. Среда, в которой его мысль естественно движется, — это категория длительности. Конечно, трудно себе представить науку, абстрагирующуюся от времени. Однако для многих наук, условно дробящих его на искусственно однородные отрезки, оно не что иное, как некая мера. Напротив, конкретная и живая действительность, необратимая в своем стремлении, время истории — это плазма, в которой плавают феномены, это как бы сре-

да, в которой они могут быть поняты. Число секунд, лет или веков, требующееся радиоактивному веществу для превращения в другие элементы, это основополагающая величина для науки об атомах. Но произошла ли какая-то из этих метаморфоз тысячу лет назад, вчера, сегодня или должна произойти завтра, — это обстоятельство, наверно, заинтересовало бы уже геолога, потому что геология — на свой лад дисциплина историческая, для физика же это обстоятельство совершенно безразлично. Зато ни один историк не удовлетворится констатацией факта, что Цезарь потратил на завоевание Галлии 8 лет; что понадобилось 15 лет, чтобы Лютер из эрфуртского новичка-ортодокса вырос в виттенбергского реформатора. Историк гораздо важнее установить для завоевания Галлии его конкретное хронологическое место в судьбах европейских обществ. И, никак не собираясь отрицать того, что духовный кризис, вроде пережитого братом Мартином, связан с проблемой вечности, историк все же решится подробно его описать лишь после того, как с точностью определит этот момент в судьбе самого человека, героя происшествия, и цивилизации, которая была средой для такого кризиса. Это подлинное время — по природе своей некий континуум. Оно также непрерывное изменение. Из антитезы этих двух атрибутов возникают великие проблемы исторического исследования. Прежде всего проблема, которая ставит под вопрос даже право на существование нашей работы. Возьмем два последовательных периода из чреды веков. В какой мере связь между ними, создаваемая непрерывным течением времени, оказывается более существенной, чем их несходство, которое порождено тем же временем, — иначе, надо ли считать знание более старого периода необходимым или излишним для понимания более нового?..

...

6. Понять настоящее с помощью прошлого

Если приглядеться, то привилегия самопонимания, которую приписывают настоящему, зиждется на ряде довольно странных постулатов. Прежде всего предпо-

лагается, что условия человеческой жизни претерпели за одно-два поколения изменение не только очень быстрое, но и тотальное, так что ни одно мало-мальски старое учреждение, ни один традиционный аспект поведения не избежали влияния революций в науке или технике. При этом, однако, забывают о силе инерции, присущей множеству социальных явлений. Человек тратит время на усовершенствования, а потом становится их более или менее добровольным пленником. Кого из проезжавших по нашему Северу и наблюдавших тамошний пейзаж не поражали странные контуры полей? Несмотря на изменения, которые в течение ряда веков происходили в первоначальной схеме земельной собственности, вид этих полос, непомерно узких и вытянутых, разрезающих пахотную землю на несметное множество парцелл, и сегодня повергает агронома в смущение. Затраты лишних усилий, обусловленные подобным расположением, неудобства при эксплуатации — факт бесспорный. Как его объяснить? Гражданским кодексом и его неизбежными следствиями, отвечали вечно спешащие публицисты. Измените, добавляли они, наши законы о наследовании, и зло будет полностью уничтожено. Если бы они лучше знали историю, если бы они к тому же лучше вникли в мышление крестьянина, формировавшееся веками практической деятельности, они бы не считали решение таким простым. Действительно, эта чересполосица восходит к временам столь древним, что до сих пор ни один ученый не сумел удовлетворительно ее объяснить; вероятно, в ней больше повинны землепашцы эпохи дольменов, чем законодатели Первой империи. Неверное, определение причины здесь, как почти всегда, мешает найти лекарство. Незнание прошлого не только вредит познанию настоящего, но ставит под угрозу всякую попытку действовать в настоящем. Более того, если бы общество полностью детерминировалось лишь ближайшим предшествующим периодом, оно, даже обладая самой гибкой структурой, при таком резком изменении лишилось бы своего костяка; при этом надо еще до-

пустить, что общение между поколениями происходит, я бы сказал, как в шествии гуськом, т. е. что дети вступают в контакт со своими предками только через посредство родителей. Но ведь так не бывает, даже если говорить о чисто устных контактах. Взгляните, к примеру, на наши деревни. Условия труда заставляют отца и мать почти весь день находиться вдали от дома, и дети воспитываются в основном дедушками и бабушками. Итак, при каждом новом этапе формирования сознания делается шаг вспять — в обход поколения, являющегося главным носителем изменений, умы наиболее податливые объединяются с наиболее отвердевшими. Отсюда идет, несомненно, традиционализм, присущий столь многим крестьянским обществам. Случай этот совершенно ясен. И он не единственный. Естественный антагонизм между возрастными группами имеет место в основном между группами смежными — молодежь часто бывает обязана урокам стариков, — во всяком случае не меньше, чем урокам людей среднего возраста. Еще большее влияние оказывает письменность, способствуя передаче идей поколениям, порой весьма отдаленным, т. е. по сути поддерживая преемственность цивилизации. Лютер, Кальвин, Лойола — это, несомненно, люди прошлого, люди XVI века, и историк, желающий их понять и сделать понятными для других, прежде всего должен поместить их в среду, окунуть в умственную атмосферу того времени, когда существовали духовные проблемы, уже, собственно, не являющиеся нашими проблемами. Но кто решится сказать, что для правильного понимания современного мира проникновение в суть протестантской реформы или католической контрреформации, отделенных от нас несколькими столетиями, менее необходимо, чем изучение многих других умственных или эмоциональных течений, пусть даже более близких во времени, но и более эфемерных? Ошибка здесь в общем ясна, и, чтобы ее избежать, наверно, достаточно ее сформулировать. Суть в том, что эволюцию человечества представляют как ряд коротких и глубоких рывков,

каждый из которых охватывает всего лишь несколько человеческих жизней. Наблюдение, напротив, убеждает, что в этом огромном континууме великие потрясения способны распространяться от самых отдаленных молекул к ближайшим. Что мы скажем о геофизике, который, ограничив свои расчеты километрами, решит, что влияние Луны на наш земной шар гораздо значительней, чем влияние Солнца? Во времени, как и во вселенной, действие какой-либо силы определяется не только расстоянием. Наконец, можно ли считать, что среди явлений, отошедших в прошлое, именно те, которые как будто перестали управлять настоящим, — исчезнувшие без следа верования, неудавшиеся социальные формы, отмершая техника — бесполезны для понимания настоящего? Это означало бы забыть, что нет истинного познания без шкалы сравнения. Конечно, при условии, что сопоставление захватывает факты хоть и различные, но вместе с тем родственные. Никто не станет спорить, что здесь именно такой случай. Разумеется, мы теперь уже не считаем, что, как писал Макиавелли и как полагали Юм или Бональд, во времени “есть по крайней мере нечто одно неизменное — человек”. Мы уже знаем, что человек также сильно изменился — и его дух и, несомненно, даже самые тонкие механизмы его тела. Да и могло ли быть иначе? Духовная атмосфера претерпела глубокие изменения, гигиенические условия, питание изменились не меньше. И все же, по-видимому, в человеческой природе и в человеческих обществах существует некий постоянный фонд. Без этого даже имена людей и названия обществ потеряли бы свой смысл. Можем ли мы понять этих людей, изучая их только в их реакциях на частные обстоятельства определенного момента? Даже чтобы понять, чем они являются в этот именно момент, данных опыта будет недостаточно. Множество возможностей, до поры до времени мало проявляющихся, но каждый миг способных пробудиться, множество стимулов, более или менее бессознательных, индивидуальных или коллективных настроений останутся в тени. Данные

единичного опыта всегда бессильны для выявления его же компонентов и, следовательно, для его истолкования.

7. Понять прошлое с помощью настоящего

Общность эпох настолько существенна, что познавательные связи между ними и впрямь обоюдны. Незнание прошлого неизбежно приводит к непониманию настоящего. Но, пожалуй, столь же тщетны попытки понять прошлое, если не представляешь настоящего. Однажды я сопровождал в Стокгольм Анри Пиренна. Едва мы прибыли в город, он сказал: “Что мы посмотрим в первую очередь? Здесь, кажется, выстроено новое здание ратуши. Начнем с него”. Затем, как бы предупреждая мое удивление, добавил: “Будь я антикваром, я смотрел бы только старину. Но я историк. Поэтому я люблю жизнь”. Способность к восприятию живого — поистине главное качество историка. Пусть не вводит нас в заблуждение некая сухость стиля — этой способностью отличались самые великие среди нас: Фюстель, Мэтланд, каждый на свой лад (эти были более строгими), не менее, чем Мишле. И, быть может, она-то и является тем даром фей, который невозможно приобрести, если не получил его в колыбели. Однако ее надо непрестанно упражнять и развивать. Каким образом? Пример этому дал сам Пиренн — постоянным контактом с современностью. Ибо в ней, в современности, непосредственно доступен нашим чувствам трепет человеческой жизни, для восстановления которого в старых текстах нам требуется большое усилие воображения. Я много раз читал, часто сам рассказывал истории о войне и поражениях. Знал ли я действительно — в полном смысле слова “знать”, — знал ли я нутром это жгучее отвращение, прежде чем сам его испытал, прежде чем узнал, что означает для армии окружение, а для народа — поражение? Прежде чем я сам летом и осенью 1918 г. вдохнул радостный воздух победы (надеюсь, что мне придется еще раз вдохнуть его полной грудью, но, увы, запах его вряд ли будет таким же), знал ли я

подлинный смысл этого прекрасного слова? По правде сказать, мы сознательно или бессознательно в конечном счете всегда заимствуем из нашего повседневного опыта, придавая ему, где должно, известные новые нюансы, те элементы, которые помогают нам воскресить прошлое. Самые слова, которыми мы пользуемся для характеристики исчезнувших состояний души, отмерших социальных форм, — разве имели бы они для нас какой-то смысл, если бы мы прежде не наблюдали жизнь людей? Это инстинктивное смешение гораздо разумней заменить сознательным и контролируемым наблюдением. Думается, что великий математик будет не менее велик, если пройдет по миру, в котором он живет, с закрытыми глазами. Но эрудит, которому неинтересно смотреть вокруг себя на людей, на вещи и события, вероятно, заслуживает, чтобы его, как сказал Пиренн, назвали антикварным орудием. Ему лучше отказаться от звания историка. Не всегда, однако, дело лишь в воспитании исторической чуткости. Бывает, что знание настоящего в каком-то плане еще более непосредственно помогает пониманию прошлого. Действительно, было бы грубой ошибкой полагать, что порядок, принятый историками в их исследованиях, непременно должен соответствовать порядку событий. При условии, что история будет затем восстановлена в реальном своем движении, историкам иногда выгодней начать ее читать, как говорил Мэтланд, “наоборот”. Ибо для всякого исследования естественно идти от более известного к более темному. Конечно, далеко не всегда свидетельства документов проясняются по мере того, как мы приближаемся к нашему времени. Мы несравненно хуже осведомлены, например, о X в. нашей эры, чем об эпохе Цезаря или Августа. Однако в большинстве случаев наиболее близкие к нам периоды совпадают с зонами относительной ясности. Добавьте, что, механически двигаясь от дальнего к ближнему, мы всегда рискуем потерять время на изучение начал или причин таких явлений, которые, возможно, окажутся на поверку воображаемыми. Даже славнейшие из нас

совершали порой странные ошибки, отвергая в своей практике регрессивный метод тогда и там, где он был нужен. Фюстель де Куланж сосредоточился на «истоках» феодальных учреждений, о которых он, боюсь, имел довольно смутное представление, и на зачатках серважа, который он, зная лишь из вторых рук, видел в совершенно ложном свете. Вовсе не так уж редко, как обычно думают, случается, что для достижения полной ясности надо в исследовании доходить вплоть до нынешних дней. В некоторых своих основных чертах наш сельский пейзаж, как мы уже видели, восходит к эпохам чрезвычайно далеким. Но чтобы истолковать скудные документы, позволяющие нам проникнуть в этот туманный генезис, чтобы правильно поставить проблемы, чтобы их хотя бы представить себе, надо выполнить одно важнейшее условие: наблюдать, анализировать пейзаж современный. Он сам по себе дает перспективу целого, из которой необходимо исходить. Не для того, конечно, чтобы рассматривать этот облик как раз навсегда застывший и навязывать его каждому этапу прошлого, встречающемуся при движении к верховьям потока времени. Здесь, как и повсюду, историк хочет уловить изменение. Но в фильме, который он смотрит, целым остался только последний кадр. Чтобы восстановить стершиеся черты остальных кадров, следует сперва раскручивать пленку в направлении, обратном тому, в котором шла съемка. Стало быть, есть только одна наука о людях во времени, наука, в которой надо непрерывно связывать изучение мертвых с изучением живых. Как ее назвать? Я уже говорил, почему древнее слово «история» мне кажется наиболее емким, наименее ограничивающим; оно также более всего насыщено волнующими воспоминаниями о многовековом труде. Следовательно, оно наилучшее. Если мы, вопреки известным предрассудкам — впрочем, куда менее старым, чем оно, — расширяем его до познания настоящего, то при этом — надо ли тут оправдываться? — мы не преследуем никаких узкокорпоративных интересов. Жизнь слишком коротка, зна-

ния приобретаются слишком долго, чтобы даже самый поразительный гений мог надеяться освоить тотальный опыт человечества. Современная история всегда будет иметь своих специалистов, так же как каменный век или египтология. Мы только просим помнить, что в исторических исследованиях нет места автаркии. Изолировавшись, каждый из специалистов сможет что-либо постичь лишь наполовину, даже в собственной области; единственно подлинная история, возможная лишь при взаимопомощи, — это всемирная история. Всякая наука, однако, определяется не только своим предметом. Ее границы в такой же мере могут быть установлены характером присущих ей методов. Остается задать вопрос, не следует ли придерживаться в корне различной техники исследования в зависимости от того, приближаемся мы или удаляемся от настоящего Момента. Это и есть проблема исторического наблюдения».

Вопросы:

- 1. На каком этапе развития находится современная автору историческая наука? Почему?*
- 2. Какой смысл вкладывает М. Блок в понятие «история»?*
- 3. Приведите рассуждения автора о междисциплинарности в истории.*
- 4. Почему история — это «наука о людях во времени»?*
- 5. Что значит «понять настоящее с помощью прошлого»?*
- 6. Что значит «понять прошлое с помощью настоящего»?*

2.4.

Тойнби, А. Дж. Постигание истории / А. Дж. Тойнби. — Москва : Айрис-Пресс, 2010. — С. 2–7.

«Относительность исторического мышления. В каждую эпоху и в любом обществе изучение и познание истории, как и всякая иная социальная деятельность,

подчиняются господствующим тенденциям данного времени и места. В настоящий момент жизнь западного мира определяют два института: индустриальная система экономики и столь же сложная и запутанная политическая система, которую мы называем “демократией”, имея в виду ответственное парламентарное представительное правительство суверенного национального государства. Эти два института — экономический и политический — стали господствующими в западном мире на закате прошлого века и дали пусть временное, но все же решение главных проблем того периода. Прошлый век искал и нашел спасение, завещая свои находки нам. И то, что выработанные в прошлом веке институты сохраняются по сей день, говорит прежде всего о творческой силе наших предшественников. Мы живем и воспроизводим свое бытие в индустриальной системе и парламентарном национальном государстве, и вполне естественно, что эти два института имеют существенную власть над нашим воображением и реальными плодами его. Гуманитарный аспект промышленной системы связан непосредственно с человеком, разделением труда: другой ее аспект обращен к физической среде обитания человека. Задача индустриальной системы заключается в том, чтобы максимально увеличивать свою производительную способность, перерабатывая рукотворными средствами сырье в определенные продукты и вовлекая в этот механически организованный труд большое количество людей. Эта особенность индустриальной системы была осознана западной мыслью еще в первой половине прошлого столетия. Поскольку развитие индустриальной системы опирается на успехи физических наук, вполне естественно предположить, что между индустрией и наукой была некая “предустановленная гармония”... Если же это так, то не следует удивляться, что научное мышление стало организовываться индустриальным образом. В любом случае это вполне правомерно для науки на ее ранних ступенях — а современная наука весьма молода даже по сравнению с западным обществом, — поскольку

ку для дискурсивного мышления необходимо вначале накопить достаточно эмпирических данных. Однако тот же самый метод в последнее время нашел распространение во многих областях знания и вне сугубо научной среды — в мышлении, которое обращено к Жизни, а не к неодушевленной природе, и, более того, даже в мышлении, которое изучает различные формы человеческой деятельности. Историческое мышление также оказалось захваченным чуждой ему индустриальной системой, а именно в этой сфере, где исследуются отношения между людьми, современная западная промышленная система демонстрирует, что она вряд ли является тем режимом, при котором хотелось бы жить и работать. Показателен здесь пример жизни и творчества Теодора Моммзена. Молодой Моммзен создал объемный труд, который, конечно, навсегда останется шедевром западной исторической литературы. Его “История Римской республики” была опубликована в 1854—1856 гг. Но едва книга увидела свет, как автор начал стыдиться своего труда и постарался направить свою энергию в совершенно другое русло. Моммзен потратил всю оставшуюся жизнь на составление полного собрания латинских надписей и издание энциклопедического собрания римского конституционного права. В этом Моммзен проявил себя типичным западным историком своего поколения, — поколения, которое ради престижа индустриальной системы готово было превратить себя в “интеллектуальных рабочих”. Со времен Моммзена и Ранке историки стали тратить большую часть своих усилий на сбор сырого материала надписей, документов и т. п. и публикацию их в виде антологий или частных заметок для периодических изданий. При обработке собранных материалов ученые нередко прибегали к разделению труда. В результате появлялись обширные исследования, которые выходили сериями томов, что и ныне практикуется Кембриджским университетом. Такие серии — памятники человеческому трудолюбию, “фактографичности” и организационной мощи нашего общества. Они займут свое место наряду с

изумительными туннелями, мостами и плотинами, лайнерами, крейсерами и небоскребами, а их создателей будут вспоминать в ряду известных инженеров Запада. Завоевывая царство исторической мысли, индустриальная система породила выдающихся стратегов и, победив, добыла немалые трофеи. Однако вдумчивый наблюдатель вправе усомниться в масштабах достигнутого, а сама победа может показаться заблуждением, родившимся из ложной аналогии. В наше время нередко встречаются учителя истории, которые определяют свои семинары как “лаборатории” и, возможно не сознавая этого, решительно ограничивают понятие “оригинальное исследование” открытием или верификацией каких-либо фактов, прежде не установленных. Более того, это понятие стало распространяться и на обзоры исторических статей, помещенных в периодических изданиях и сборниках. Налицо явная тенденция недооценивать исторические работы, написанные одним человеком, и эта недооценка особенно заметна, когда речь идет о трудах, касающихся всеобщей истории. Например, “Очерк истории” Герберта Уэллса был принят с нескрываемой враждебностью целым рядом специалистов. Они беспощадно критиковали все неточности, допущенные автором, его сознательный уход от фактологии. Вряд ли они были способны понять, что, воссоздавая в своем воображении историю человечества, Г. Уэллс достиг чего-то недоступного им самим, о чем они и помыслить не смели. Фактически значимость книги Г. Уэллса в более или менее полной мере была оценена широкой читающей публикой, но не узкой группой специалистов того времени. Индустриализация исторического мышления зашла столь далеко, что в некоторых своих проявлениях стала достигать патологических форм гипертрофии индустриального духа. Широко известно, что те индивиды и коллективы, усилия которых полностью сосредоточены на превращении сырья в свет, тепло, движение и различные предметы потребления, склонны думать, что открытие и эксплуатация природных ресурсов — деятельность, ценная сама по себе, независи-

мо от того, насколько ценны для человечества результаты этих процессов. Для европейцев подобное умонастроение характеризует определенный тип американского бизнесмена, но этот тип, по сути, есть крайнее выражение тенденции, присущей всему западному миру. Современные европейские историки стараются не замечать, что в настоящее время болезнь эта, являющаяся результатом нарушения пропорций, присуща и их сознанию. Эта готовность гончара превратиться в раба своей глины является столь очевидной абберацией, что, подыскивая для нее соответствующий корректив, можно и не обращаться к модному сравнению процесса исторического исследования с процессами промышленного производства. В конце концов, и в промышленности одержимость сырьевой базой безрезультатна. Удачливый промышленник — это человек, который первым предвидит экономический спрос на тот или иной товар или услугу и начинает в связи с этим интенсивно перерабатывать сырье, используя рабочую силу. Причем ни сырье, ни рабочая сила сами по себе не представляют для него никакого интереса. Другими словами, он хозяин, а не раб природных ресурсов; он капитан промышленного корабля, прокладывающий путь в будущее. Известно, что обращение с людьми или животными как с неодушевленными предметами может иметь катастрофические последствия. Почему же нельзя предположить, что подобный образ действия не менее ошибочен и в мире идей? Почему мы должны считать, что научный метод, созданный для анализа неодушевленной природы, может быть перенесен в историческое мышление, которое предполагает исследование людей и их деятельности? Когда профессор истории называет свой семинар “лабораторией”, не отгораживается ли он тем самым от своей естественной среды? Оба названия — метафоры, но каждая из них уместна лишь в своей области. Семинар историка — это питомник, в котором живые учатся говорить живое слово о живых. Лаборатория физика является — или являлась таковой до определенного времени — мастерской, в которой из неодушевленного при-

родного сырья изготавливаются искусственные или полусинтетические предметы. Ни один практик, однако, не согласится организовывать питомник на принципах фабрики, равно как фабрику — на началах питомника. В мире идей ученые также должны избегать неверного использования метода. Нам достаточно хорошо известно и мы всегда помним так называемое “патетическое заблуждение”, одухотворяющее и наделяющее жизнью неживые объекты. Однако теперь мы скорее становимся жертвами противоположного — “апатетического заблуждения”, согласно которому с живыми существами поступают так, словно они неодушевленные предметы. Если бы индустриальная система была единственным институтом, определяющим жизнь современного Запада, влияние ее престижа на западное историческое мышление могло бы рухнуть под собственной тяжестью, ибо свойственные ей методы могут применяться к историческому исследованию лишь в крайних случаях необходимого разделения труда. В промышленности человечество признало разделение труда как цену того благополучия, которое оно приносит. Аналогичное мнение распространилось и в области естествознания. Возможно, следует согласиться с А. Бергсоном, который утверждал, что наш интеллект обладает свойством схватывать отдельные проявления физической природы в формах, пригодных для последующего осуществления действий. Однако, даже если в этом заключается оригинальная структура человеческого ума и если другие методы мышления представляются нам неестественными, существует все же человеческая способность, на которую также обратил внимание А. Бергсон, — смотреть на мир не как на неодушевленную природу, а как на целое, с острым ощущением присутствия или отсутствия в нем жизни... Это глубинное побуждение охватить и попятить целостность Жизни имманентно присуще мышлению историков, поэтому разделение труда, характерное для индустриальной системы, действовало столь раздражающе, что они восстали бы против его тира-

нии, если бы не существование в современной западной жизни второго доминирующего института, который оказался в состоянии совместить целостность взгляда на историю с индустриализацией исторического мышления. Таким вторым институтом оказалось “суверенное государство”, которое в наш “демократический” век вдохновляется духом национального единства. И вновь мы должны отметить, что институт, доминирующий в определенное время и в определенном обществе, оказывает влияние на мировоззрение и деятельность историков, оказавшихся под его сенью. Дух нации — это закваска для молодого вина в ветхих мехах трайбализма. Идеал современной западной демократии заключается в том, чтобы наполнить практическую политику христианским чувством всеобщего братства, но в реальности политика оказалась воинственной и наполненной племенными раздорами. Современный западный демократический идеал, таким образом, сводится к попыткам примирить два духа и две силы, которые находятся почти в полной противоположности друг к другу. Индустриализм и национализм (более, чем индустриализм и демократия) суть две силы, которые фактически господствовали в западном обществе в течение века (приблизительно до 1875 г.). Промышленная революция и нынешняя форма национализма действовали тогда сообща, создавая “великие империи”, каждая из которых претендовала на универсальный охват, становясь как бы космосом сама в себе. Конечно, это притязание было неоправданно. Уже тот простой факт, что “великих держав” было больше, чем одна, свидетельствует о неспособности ни одной из них стать полностью универсальной. Однако каждая великая держава успешно оказывала постоянное влияние на жизнь общества, так что в некотором смысле она могла рассматривать себя как ось, вокруг которой вращается весь мир: и каждая великая держава надеялась также заменить собой весь мир, поскольку она была замкнута и самодостаточна. Претензии эти распространялись не только на область экономики и политики, но

также и на область духовной культуры. Такой образ мышления, характерный для населения великих держав, постепенно распространялся и на представителей стран меньшего калибра, и скоро все западные нации — от самых больших до самых малых — отстаивали суверенное право самим организовывать свою жизнь и быть независимыми от всего остального мира. Это требование выдвигалось столь настойчиво и принималось столь широко, что самое существование и единство западного мира оказались под сомнением. Возникла глубинная внутренняя потребность ощутить Жизнь как целостность, противоположную видимой повседневной изменчивости. Это чувство охватило как малые нации, так и сообщества, в состав которых входили эти нации. Такие сгущения социальных эмоций в национальных группах стали почти повсеместными, и у историков иммунитет против них был не сильнее, чем у остальных людей. Действительно, дух национального взывал к историкам с особой силой, поскольку он в какой-то мере обещал примирить индустриальное разделение труда с внутренним стремлением к целостности. Противопоставлять себя “всеобщей истории”, которая создается на индустриальных принципах, задача непосильная даже для самого одаренного, самого энергичного индивидуума. Вот почему в поисках единства взгляда историк приходил к отказу от универсальности, ибо сужение научно-исследовательской цели неизбежно проливает новый свет на любой исторический ландшафт. Когда же он в своих поисках вновь обретал единство и в этом смысле достигал некой универсальности, могла возникнуть проблема примирения его интеллекта с его социальным чувством, но это внутреннее противоречие предполагалось снять духом национального. В данной схеме рассуждения националистическая точка зрения наиболее привлекательна для современных западных историков, и она овладевала их умами различными путями. Они принимали ее не только потому, что в духе этих идей воспитывались с детства, но также и

потому, что исходный материал являл собой некую устойчивую национальную данность. Самыми богатыми “залежами”, которые им приходилось разрабатывать, были открытые для общественности архивы западных правительств. Неисчерпаемость этого специфического естественного источника приводила к редкостному увеличению объема их продукции. Таким образом, направленность деятельности историков частично определялась их профессиональным опытом, частично — проблемами психологического свойства, а частично — так называемым духом времени. Западное общество ныне отнюдь не занимает того господствующего положения, которое характеризовало ситуацию прошлого века, — века, отлившего форму умов современных историков. Приблизительно до 1875 г. два господствовавших тогда института — индустриализм и национализм — действовали сообща, созидая великие державы. После 1875 г. начался обратный процесс: индустриальная система стала резко наращивать свою активность, так что размах ее деятельности обрел глобальный характер, тогда как система национализма стала проникать вглубь, в сознание национальных меньшинств, побуждая их к созданию своих собственных суверенных национальных государств, хотя те вопреки проектам их лидеров порой не только не были способны оформиться в великие державы, но и были не в состоянии образовать даже малые экономически, политически и культурно независимые государства. Мировая война 1914—1918 гг. вынесла на поверхность тенденцию, подспудно зреющую уже не менее века. К 1918 г. одна из тех восьми великих держав, которые существовали в 1914 г., совершенно исчезла с политической карты, две другие, искалеченные, находились в состоянии протрации, а одна из более или менее благополучно выживших стала энергично перестраиваться в поисках “самоуправления доминионов”... Общая развязка этих частично революционных, а частично эволюционных изменений одинакова. Мировая арена была захвачена

великими державами, каждая из которых представляла собой замкнутый универсум. Характерной особенностью обществ нового века является взаимозависимость небольших государств. Некоторые из них (например, доминионы Британской метрополии) не являются полностью независимыми единицами, другие (например, Чехословакия, Австрия, Венгрия) лишены морского побережья, у третьих отсутствует ярко выраженная или подлинно оригинальная национальная культура. К тому же в этом новом мире даже великие державы стали казаться меньше и индустриализм, вышедший на мировую арену, стал тормозить их экономическое развитие. Все государства в равной степени начинают сознавать, что не могут самостоятельно выжить экономически, и либо резко протестуют против военной, финансовой, тарифной, миграционной политики, либо обращаются за помощью к техническим международным организациям, которые были созданы вокруг секретариата Лиги Наций и Международного бюро труда в Женеве. Эти различные тенденции можно суммировать в одной формуле: в наш век главным в сознании общества является осмысление себя, как части более широкого универсума, тогда как особенностью общественного самосознания прошлого века было притязание считать себя, свое общество замкнутым универсумом. Это изменение безошибочно указывает на конец прилива, достигшего своей высшей точки в 1875 г. и начало отлива, который будет протекать в течение четырех веков, если он предвещает повторение предыдущей, так называемой средневековой, фазы в западной истории, когда сознание западного общества было под эгидой папы и Священной Римской империи, символизировавших нечто главенствующее и центральное, между тем как королевства, муниципальные города и лены, равно как и другие местные учреждения, воспринимались как нечто подчиненное и окраинное... Как бы то ни было, представляется, что отлив идет в этом направлении — здесь трудно быть определенным, потому что слишком мало времени прошло после того,

как совершился поворот. Если это наблюдение верно и если верно то, что историк не может абстрагироваться в своих мыслях и чувствах от влияния среды, в которой живет, то мы можем надеяться увидеть в недалеком будущем изменение во взглядах и научных подходах западных историков. И это будет соответствовать изменениям, охватившим западное общество в целом. Именно на закате прошлого века работа историков находилась в полной гармонии с индустриальной системой, а их взгляды были пронизаны и связаны национальной идеей. Однако новый век очертил свое поле исследования, не ограниченное рамками одной национальности, и ученые вынуждены будут приспособить свой метод к интеллектуальным операциям более широкого масштаба. Возникают два вопроса: “Каково умопостигаемое... поле исторического исследования?” и “Возможно ли поле исторического исследования, не соотносимое с конкретными историческими и социальными обстоятельствами и независимое от историка?”. До сих пор наше исследование приводило нас к выводу, что способ исторического мышления находится под сильным влиянием сиюминутного социального окружения, в котором случайно оказывается мыслитель. Если это влияние настолько сильно, что благодаря ему в сознании мыслителя формируются априорные категории, то можно считать, что ответ на поставленный вопрос получен. Это бы означало, что относительность исторической мысли и социальной среды безусловна и что, следовательно, нет необходимости искать в потоке исторической литературы очертания некой устойчивой формы. Историк должен бы признать, что если он в состоянии познавать морфологию своей собственной мыслительной деятельности с помощью анализа влияния данного, конкретного, современного ему общества, то для него не представляется возможным анализировать общественные образования, принадлежащие прошлому. Однако это заключение не противоречит пока нашим утверждениям. До сих пор мы видели, что на переднем плане исторической мысли различимо

мерцание относительности, и, возможно, установление этого факта первый шаг в фиксации устойчивого и абсолютного объекта на заднем плане исторической мысли. Поэтому нашим следующим шагом является исследование возможности существования умопостигаемого поля исторического исследования, независимого от особенностей восприятия, обусловленных местом и временем».

Вопросы:

1. *От каких институтов зависит историческая наука в современном обществе?*
2. *Почему, по мнению автора, современное научное мышление организовано «индустриальным образом»?*
3. *В чем проявляется «индустриализация» исторического мышления и исторической науки?*
4. *Какое влияние оказывает на историческое мышление современное суверенное, демократическое государство как институт, по мнению автора?*
5. *Дух нации, национализм – каким образом влияет на историческую науку?*
6. *Какие процессы повлияли, по мнению автора, на изменение во взглядах и научных подходах западных историков в XX веке?*
7. *Насколько, по мнению автора, способ исторического мышления находится под влиянием сиюминутного социального окружения? Может ли историк быть свободным от этого влияния?*

2.5.

Тош, Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Д. Тош ; перевод с английского. – Москва : Издательство «Весь Мир», 2000. – С. 18–32.

«Историческое сознание, в том смысле как его понимают сторонники историзма, основывается на трех принципах. Первый и наиболее фундаментальный из них – это различие; то есть признание, что нашу эпоху и все предыдущие разделяет пропасть. Поскольку ничто в истории не стоит на месте, время существенно

изменило наш образ жизни. Ответственность историка в первую очередь состоит в учете различия между прошлым и настоящим; и соответственно, одним из величайших его прегрешений является бездумная убежденность в том, что люди прошлого вели себя и мыслили так же, как мы. Эти различия частично относятся к материальным условиям жизни, о чем нам порой столь ярко напоминают уцелевшие объекты прошлого – здания, орудия труда и одежда. Не столь очевидны, но еще более важны различия в менталитете: у предыдущих поколений были другие ценности, приоритеты, страхи и надежды. Мы можем воспринимать красоты природы как должное, но в средние века люди боялись лесов и гор и старались как можно реже сворачивать с проторенных троп. В английских деревнях конца XVIII в. развод и повторный брак иногда осуществлялись путем публичной продажи жен; хотя это частично являлось реакцией на практическую невозможность законного развода для бедняков, современный читатель, вероятнее всего, подумает о крайнем проявлении патриархальных ценностей в таком унижении жены, которую муж на веревке ведет на рынок... В тот же период публичные казни в Лондоне неизменно привлекали по 30 тысяч и даже более зрителей, как богачей, так и бедняков, и большинство из них обычно составляли женщины. Мотивы у всех были разные: кто-то хотел увидеть, как вершится правосудие, кто-то – извлечь урок из того, насколько мужественно держится осужденный или выразить свое возмущение его смертью; но всех этих людей отличала готовность наблюдать за актом хладнокровной жестокости, который у большинства наших современников вызвал бы лишь ужас и отвращение... Более поздние периоды, возможно, не покажутся нам столь чуждыми, но и здесь следует ожидать множества различий. Даже в середине викторианского периода в Англии вдумчивый и образованный человек мог описывать бедняков Восточного Лондона как “шевелиющуюся массу червей на куске падали”... Историческое сопереживание, которого так

не хватало в последние годы в школьном образовании, часто трактуют как признание человеческой общности между нами и нашими предками. Но более реалистичская (и строгая) трактовка сопереживания основана на необходимости напрячь воображение, чтобы проникнуть в менталитет людей прошлого, с которым наш собственный опыт утратил всякую связь. Как заметил романист Л. П.Хартли, “Прошлое — это другая страна”... Конечно, как и чужие страны, прошлое не бывает полностью незнакомым. Помимо шока отворачивания историки испытывают и шок узнавания, видя, например, естественную непринужденность в поведении родителей по отношению к детям в Англии XVII в., или обнаруживая наличие культуры потребления в Лондоне XVIII в. Недаром говорится, что “всякая история — это переговоры между известным и неизвестным”... Но в любом научном исследовании на первый план выступают именно отличия прошлого от настоящего, ведь время превратило общепринятые вещи в экзотику. Уже само выявление этих различий способно существенно изменить наши сегодняшние представления. Но историкам этого явно недостаточно. Их цель не просто раскрыть подобные различия, но и объяснить их, а значит, погрузить их в историческую обстановку. То, что нам кажется странным или неприятным, становится вполне объяснимым, хотя, возможно, вызывает не меньший шок, как характерная черта конкретного общества. Если мы в ужасе отворачиваемся от устрашающих деталей, сопровождавших обвинения против ведьм в Европе раннего нового времени, мы, несомненно, признаем, что нас от той эпохи отделяет пропасть, но тем самым мы делаем лишь первый шаг. Сейчас мы понимаем этот феномен гораздо лучше, чем тридцать лет назад, потому что историки соотнесли его с тогдашними представлениями о человеческом теле, со структурой народных религиозных верований за пределами церкви и неравноправным положением женщин... Таким образом, вторым компонентом исторического сознания является

контекст. Предмет исследования нельзя вырывать из окружающей обстановки — таков основополагающий принцип работы историка. Точно так же, как нельзя судить о важности археологической находки, не зафиксировав ее точное положение на месте раскопок; любые наши знания о прошлом следует помещать в современный им контекст. Это жесткий стандарт, требующий обширных знаний. Часто именно этим профессиональный историк и отличается от любителя. Энтузиаст, работающий над семейной историей в местном архиве, способен, при минимальной технической помощи, проследить последовательность рождений, браков и смертей на протяжении многих поколений; трудности у любителя возникают не из-за фактических пробелов, а из-за недостаточного понимания соответствующей экономической или социальной обстановки. Для профессионального специалиста по социальной истории семейная история — это не столько генеалогия или даже установление среднего размера семьи в разные периоды; это, прежде всего, место семьи в меняющемся контексте домашнего производства, здравоохранения, религии, образования и государственной политики... Все профессиональные навыки историка заставляют его протестовать против изображения прошлого в виде фиксированной однолинейной последовательности событий; необходимо постоянное внимание к контексту. Но история — это не просто коллекция моментальных снимков прошлого, даже самых ярких и контекстуально богатых. Третий фундаментальный аспект исторического сознания — это понимание истории как процесса, связи между событиями во времени, что придает им больший смысл, чем их рассмотрение в изоляции. Так, историков по-прежнему интересует применение силы пара в хлопкопрядильном производстве и конце XVIII в., но не столько в качестве яркого примера технического и предпринимательского гения, а в связи с огромной ролью этого события в промышленной революции. Конкретные завоевания и ходе “борьбы за Африку” привлекают внимание как прояв-

ления широкомасштабной империалистической политики европейских держав, и так далее. Помимо интереса к событиям как таковым, в основе нашего любопытства к этим проявлениям исторического процесса лежит более общий вопрос — как мы попали из “тогда” в “теперь”. Исследования по более узкой проблематике являются частями этого “большого рассказа”. Возможно, “их” от “нас” отделяет пропасть, но она на самом деле возникает за счет процессов роста, упадка и перемен, и задачей историка является их раскрытие. Так, если мы сейчас лучше понимаем феномен колдовства в XVI–XVII вв., то немедленно возникает вопрос, каким образом эта форма верований пришла в упадок и приобрела дурную славу до такой степени, что в нынешнем западном обществе среди ее приверженцев остались лишь единицы, стесняющиеся собственных взглядов. Исторические процессы порой отмечаются быстрыми переменами, когда сам ход истории ускоряется, например, в период великих революций. Но есть и другая крайность: история как бы останавливается и ее течение способен уловить лишь ретроспективный взгляд с высоты прошедших столетий, как это происходит с системами землепользования и родства во многих доиндустриальных обществах... Если историческое сознание основано на понятии континуума, то эта основа имеет обоюдоострый характер: прошлое не сохранилось в неизменности, но и наш мир является продуктом истории. Любой аспект нашей культуры, поведения и верований является результатом процессов, происходивших в прошлом. Это относится не только к почтенным институтам вроде христианских конфессий или британской монархии, которые, очевидно, возникли в ходе многовековой эволюции, но и к самой обычной повседневной жизни (брак, вопросы личной гигиены и т. д.), которая куда реже помещается в исторические рамки. Никакая человеческая деятельность не стоит на месте; всегда необходимо наличие исторической перспективы, раскрывающей динамику перемен во времени. Это одна из причин, почему кур-

сы истории для студентов должны охватывать достаточно продолжительные временные периоды. Ныне в британских школах и университетах основной упор делается на работу с документами и узкую специализацию, и поэтому основные исторические тенденции отступают на задний план...

Таким образом, историческое сознание в его понимании приверженцами историзма означает признание независимости прошлого и попытку реконструировать его во всей “особости”, а лишь затем применять сделанные открытия к современности. Результатом этой программы стало углубление различий между элитарным и народным взглядом на прошлое, существующих и по сей день. Профессиональные историки настаивают на необходимости длительного погружения в первоисточники, намеренного отказа от сегодняшних представлений и чрезвычайно высокого уровня сопереживания и воображения. С другой стороны, популярное историческое знание характеризуется крайне избирательным интересом к дошедшим до нас элементам прошлого, отфильтровано сегодняшними представлениями и лишь попутно — стремлением понять прошлое “изнутри”...

В чем большинство историков действительно обычно расходятся с хранителями социальной памяти, так это в строгой приверженности принципам историзма, описанным в данной главе, — историческое сознание должно превалировать над социальной потребностью».

Вопросы:

- 1. На каких принципах основано историческое сознание?*
- 2. В чем состоит ответственность историка?*
- 3. Объясните историческими примерами необходимость понимания различия и важность контекста.*
- 4. Почему необходимо понимание истории как процесса, связи между событиями во времени?*
- 5. Чем отличается профессиональное историческое знание от популярного?*

2.6.

Зарецкий, Ю. П. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография / Ю. П. Зарецкий. – Москва : Новое литературное обозрение, 2011. – С. 7–9.

«Тезис первый. Историческое знание обусловлено той действительностью и теми эпистемами (М. Фуко), в которых живут и работают историки. Из этой обусловленности следуют, по крайней мере, два вывода относительно особенностей этого знания. Во-первых, что причины изменений в нем следует искать не только (а может быть, и не столько) в самой исторической науке (то есть в накоплении сведений о прошлом, совершенствовании научных методов его постижения и т. п.), но и в изменениях социокультурных и эпистемологических контекстов. Во-вторых, что одного “правильного”, раз и навсегда установленного образа прошлого существовать не может в принципе: и неустранимая гетерогенность этих контекстов в каждый отдельный момент, и их трансформации во времени неизбежно порождают различия создаваемых историками картин. Тезис второй. Историк, будучи сам частью социокультурной действительности, всегда находится в той или иной метапозиции по отношению к предмету своего исследования, всегда практикует тот или иной “режим историчности” (Фр. Артог). Сказанное распространяется на всех историков, включая тех, которые считают, что никакой позиции по отношению к прошлому не занимают, а лишь объективно (“научно”, “эмпирически”, “с позиций здравого смысла” и т. п.) его изучают. В этом случае их позиции просто остаются ими не отрефлексированными — ведь «научность», “эмпиризм”, логика “здравого смысла” также являются исследовательскими стратегиями, имеющими вполне определенные теоретические основания. Тезис третий. В последние десятилетия и в самом историческом знании, и в представлениях о его теоретических основаниях произошли существенные перемены (вслед за Фр. Артогом можно сказать, что произошла “смена режима историчности”). В результате этих перемен

сегодняшнее понимание того, что такое “история”, далеко ушло от сложившегося в XIX в., не говоря уже о более ранних античном, средневековом и ренессансном периодах. Во второй половине XX в. традиционному позитивистскому взгляду на историческую науку был брошен решительный вызов историей ментальностей, микроисторией, исторической антропологией, новым историзмом, тендерной историей и другими историографическими направлениями, обратившимися к прошлому с новыми вопросами. Одновременно теоретики обрушились с критикой на эпистемологические основания позитивистской историографии, в особенности на ее веру в достижимость научной объективности. В ходе этой критики определились постмодернистские взгляды на историческое знание, фактически возвращающие его к прежнему “донаучному” статусу одной из разновидностей литературы. Тезис четвертый. Эти перемены в теории и практике исторического знания принципиально для него важны, а потому заслуживают того, чтобы обратить на них специальное внимание. Историкам гораздо полезней попытаться разобраться в новациях, чем игнорировать их как преходящую “моду”. Логика тут очевидна: если историческая наука — как и любая другая — не стоит на месте, а постоянно обновляется, то совершенно необходимо внимательно следить за тем, что появляется в ней нового. А в том, что история со времен Геродота не раз претерпевала драматические обновления, вряд ли кто-то может всерьез сомневаться: достаточно сравнить работы Фукидида и Евсевия Кесарийского, Макиавелли и Вико, Вольтера и Гизо, Ранке и Броделя. Однако нельзя не заметить: признание того, что сейчас, в начале XXI в., историческая наука снова принципиально меняется, к историкам приходит трудно. Тезис пятый. Одним из следствий произошедших перемен стало то, что “прозрачность” прошлого для историков стала гораздо более проблематичной, чем раньше. Они теперь все чаще задают себе “неудобные” вопросы эпистемологического характера и все глубже осознают, что на

эти вопросы не существуют простых ответов. В какой мере рисуемая мною картина соотносится с исторической действительностью? Не создаю ли я лишь иллюзию достоверности? Где проходит грань, за которой мой рассказ перестает быть реконструкцией прошлого и становится его конструкцией или даже вообще выдумыванием? Осознание этой проблематичности сопровождается сугубой рефлексией по поводу задач, методов и возможностей исторического “ремесла”. Последнее же понимается теперь не только как добыча, критика, систематизация и изложение материала в рамках традиционных процедур исторического анализа и синтеза, но и как осмысление и переосмысление самих этих процедур. Тезис шестой. Проблематизация возможности достижения достоверного знания о прошлом усиливает индивидуально-личностный характер современной историографии. Заявления историков о том, что создаваемые ими образы прошлого — это не безличная “объективная истина”, а именно их видение его, уже давно перестали быть редкостью. Одним из наиболее очевидных внешних признаков этого индивидуалистического сдвига в историографии стала трансформация традиционной объективистской формы нарратива в рассказ от первого лица. Авторское Я теперь нередко открыто заявляет о себе не только во введении исследования, но и в основной его части, что же касается еще сравнительно недавно общепринятого у историков и других гуманитариев “мы”, то оно стало откровенным архаизмом. Другой признак этого индивидуалистического сдвига — частое присутствие в исторических работах теоретико-методологических отступлений, разъясняющих авторские позиции и исследовательские стратегии. Наконец, современные историки, выстраивая свои рассказы о событиях прошлого, сплошь и рядом отказываются от прямолинейной позитивистской логики и строгой хронологической последовательности, подчеркивая тем самым их субъективный характер. Для большинства теоретиков эти мои соображения и наблюдения, по-видимому, пока-

жутся банальностями — многое из сказанного выше, действительно, хорошо известно. Большинству же историков-практиков они, скорее всего, покажутся избыточными: ведь главное их дело все-таки состоит не в том, чтобы размышлять об эпистемологических, методологических или историко-научных основаниях своего труда, а в том, чтобы добывать знания о прошлом».

Вопросы:

1. Назовите особенности исторического знания.
2. Возможно ли в чистом виде объективное изучение истории?
3. В чем особенности современного положения истории?
4. Почему «прозрачность» прошлого для историков стала гораздо более проблематичной, чем раньше?
5. В чем состоит индивидуально-личностный характер современной историографии?

РАЗДЕЛ № 3.

Проанализировать выдержки из работ основоположников теорий исторического процесса и ответить на вопросы

3.1.

Маркс, К. К критике политической экономии. Предисловие / К. Маркс // Сочинения. — 2-е изд. — Т. 13. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1959. — С. 6–9.

«Общий результат, к которому я пришел и который послужил затем руководящей нитью в моих дальнейших исследованиях, может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных про-

изводительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства — от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их суще-

ствования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества...»

Вопросы:

- 1. В чем состоит материализм исторической концепции К. Маркса?*
- 2. «Производственные отношения», «базис», «надстройка» – дайте определения этим понятиям.*
- 3. Как вы понимаете фразу, что «не сознание людей определяет бытие, а их общественное бытие определяет сознание»?*
- 4. Как взаимосвязаны отношения собственности и производственные отношения?*
- 5. Место социального конфликта в историческом процессе.*
- 6. При каком условии завершается история общественно-экономической формации?*
- 7. Какие способы производства (общественно-экономические формации) выделяет К. Маркс в этой работе?*

3.2.

Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – Москва : Книга, 1991. – С. 23–51.

«Мы слышим клеветы, мы знаем оскорбленья
Тысячглавой лжи газет,
Измены, зависти и страха порожденья.
Друзей у нашей Руси нет!

“Взгляните на карту, — говорил мне один иностранец, — разве мы можем не чувствовать, что Россия давит на нас своею массой, как нависшая туча, как какой-то грозный кошмар?” Да, ландкартное давление действительно существует, но где же оно на деле, чем и когда выражалось? Франция при Людовике XIV и Наполеоне, Испания при Карле V и Филиппе II, Австрия при Фердинанде II действительно тяготели над Европой, грозили уничтожить самостоятельное, свободное развитие различных ее национальностей, и большого труда стоило ей освободиться от такого давления. Но есть ли что-нибудь подобное в прошедшей истории России? Правда, не раз вмешивалась она в судьбы Европы, но каков был повод к этим вмешательствам? В 1799-м, в 1805-м, в 1807 гг. сражалась русская армия, с разным успехом, не за русские, а за европейские интересы. Из-за этих же интересов, для нее, собственно, чуждых, навлекла она на себя грозу двенадцатого года; когда же смела с лица земли полумиллионную армию и этим одним, казалось бы, уже довольно послужила свободе Европы, она не остановилась на этом, а, вопреки своим выгодам, — таково было в 1813 году мнение Кутузова и вообще всей так называемой русской партии, — два года боролась за Германию и Европу и, окончив борьбу низвержением Наполеона, точно так же спасла Францию от мщения Европы, как спасла Европу от угнетения Франции. Спустя тридцать пять лет она опять, едва ли не вопреки своим интересам, спасла от конечного распада Австрию, считаемую, справедливо или нет, краеугольным камнем политической системы европейских государств. Какую благодарность за все это получала она

как у правительств, так и у народов Европы — всем хорошо известно, но не в этом дело. Вот, однако же, все, чем ознаменовалось до сих пор деятельное участие России в делах Европы, за единственным разве исключением бесцельного вмешательства в Семилетнюю войну. Но эти уроки истории никого не вразумляют. Россия, — не устают кричать на все лады, колоссальное завоевательное государство, беспрестанно расширяющее свои пределы, и, следовательно, угрожает спокойствию и независимости Европы. Это одно обвинение. Другое состоит в том, что Россия будто бы представляет собой нечто вроде политического Аримана, какую-то мрачную силу, враждебную прогрессу и свободе. Много ли во всем этом справедливого? Посмотрим сначала на завоевательность России. Конечно, Россия не мала, но большую часть ее пространства занял русский народ путем свободного расселения, а не государственного завоевания. Надел, доставшийся русскому народу, составляет вполне естественную область, — столь же естественную, как, например, Франция, только в огромных размерах, — область, резко означенную со всех сторон (за некоторым исключением западной) морями и горами. Область эта пререзывается на два отдела Уральским хребтом, который, как известно, в своей средней части так полог, что не составляет естественной этнографической перегородки. Западная половина этой области пререзывается расходящимися во все стороны из центра реками: Северною Двиною, Невою — стоком всей озерной системы, Западною Двиною, Днепром, Доном и Волгою точно так же, как в малом виде Франция: Маасом, Сеною, Лоарою, Гаронною и Роною. Восточная половина пререзывается параллельным течением Оби, Енисея и Лены, которые также не разделены между собою горными преградами. На всем этом пространстве не было никакого сформированного политического тела, когда русский народ стал постепенно выходить из племенных форм быта и принимать государственный строй. Вся страна была или пустыней, или заселена полудикими финскими

племенами и кочевниками; следовательно, ничто не препятствовало свободному расселению русского народа, продолжавшемуся почти во все первое тысячелетие его истории, при полном отсутствии исторических наций, которые надлежало бы разрушать и попирать ногами, чтобы занять их место. Никогда занятие народом предназначенного ему исторического поприща не стоило меньше крови и слез. Он терпел много неправд и утеснений от татар и поляков, шведов и меченосцев, но сам никого не утеснял, если не назовем утеснением отражения несправедливых нападений и притязаний. Воздвигнутое им государственное здание не основано на костях попранных народностей. Он или занимал пустыри, или соединял с собою путем исторической, нисколько не насильственной ассимиляции такие племена, как чудь, весь, меря или как нынешние зыряне, черемисы, мордва, не заключавшие в себе ни зачатков исторической жизни, ни стремлений к ней; или, наконец, принимал под свой кров и свою защиту такие племена и народы, которые, будучи окружены врагами, уже потеряли свою национальную самостоятельность или не могли долее сохранять ее, как армяне и грузины. Завоевание играло во всем этом самую ничтожную роль, как легко убедиться, проследив, каким образом достались России ее западные и южные окраины, слывающие в Европе под именем завоеваний ненасытимо алчной России. Но прежде надо согласиться в значении слова “завоевание”. Завоевание есть политическое убийство или, по крайней мере, политическое изувечение; так как, впрочем, первое из этих выражений употребляется совершенно в ином смысле, скажем лучше: национальное, народное убийство или изувечение. Хотя определение это метафорическое, тем не менее оно верно и ясно. Впоследствии представится случай подробно изложить наши мысли о значении национальностей, но пока удовольствуемся афористическим положением, которое, впрочем, и не требует особенных доказательств в наше время, ибо составляет, в теории по крайней мере, убеждение боль-

шинства мыслящих людей: что всякая народность имеет право на самостоятельное существование в той именно мере, в какой сама его сознает и имеет на него притязание. Это последнее условие очень важно и требует некоторого разъяснения. Если бы, например, Пруссия покорила Данию или Франция Голландию, они причинили бы этим действительное страдание, нарушили бы действительное право, которое не могло бы быть вознаграждено никакими гражданскими или даже политическими правами и льготами, дарованными датчанам или голландцам; ибо, кроме личной и гражданской, кроме политической, или так называемой конституционной, свободы, народы, жившие самостоятельно государственною и политическою жизнью, чувствуют еще потребность, чтобы все результаты их деятельности — промышленной, умственной и общественной составляли их полную собственность, а не приносились в жертву чуждому им политическому телу, не терялись в нем, не составляли материала и средства для достижения посторонних для них целей. Они не хотят им служить, потому что каждая историческая национальность имеет свою собственную задачу, которую должна решить, свою идею, свою отдельную сторону жизни, которые стремится осуществить, — задачу, идею, сторону жизни, тем более отличные и оригинальные, чем отличное сама национальность от прочих в этнографическом, общественном, религиозном и историческом отношениях. Но необходимое условие для достижения всего этого составляет национально-политическая независимость. Следовательно, уничтожение самостоятельности такой национальности может быть по всей справедливости названо национальным убийством, которое возбуждает вполне законное негодование против его совершителя. К этому же разряду общественных явлений относится и то, что я назвал национальным изувечением. Италия, например, ощущала действительное страдание оттого, что часть ее — Венеция оставалась присоединенной к чуждому ей политическому телу — Австрии, хотя это и не составляло

непреодолимого препятствия к развитию ее национальной жизни; точно так, как отсечение руки или ноги не прекращает жизни отдельного человека, но тем не менее лишает ее той полноты и разносторонности проявлений, к которым она была бы способна без этого увечья. Исторический народ, пока не соберет воедино всех своих частей, всех своих органов, должен считаться политическим калекою. Таковы были в недавнее время итальянцы; таковы до сих пор греки, сербы и даже русские, от которых отделены еще три или четыре миллиона их галицких и угорских единоплеменников. А сколько еще пока под спудом почивающих народностей, чающих своего воскресения! Сказанное здесь было бы, однако ж, несправедливо и неразумно относить и к таким племенам, которые не жили самостоятельную историческую жизнью, потому ли, что вовсе не имели для сего внутренних задатков, или потому, что обстоятельства для них сложились неблагоприятно и возможность их исторического развития была уничтожена в такой ранний период их жизни, когда они составляли только этнографический материал, еще не успевший принять формы политической индивидуальности, — так сказать, прежде, чем в них был вдунут дух жив. Такие племена, — как, например, баски в Испании и Франции, кельты княжества Валисского и наши многочисленные финские, татарские, самоедские, остяцкие и другие племена, — предназначены к тому, чтобы сливаться постепенно и нечувствительно с той исторической народностью, среди которой они рассеяны, ассимилироваться ею и служить к увеличению разнообразия ее исторических проявлений. Эти племена имеют, без сомнения, право на ту же степень личной, гражданской и общественной свободы, как господствующая историческая народность, но не на политическую самостоятельность, ибо, не имея ее в сознании, они и потребности в ней не чувствуют, и даже чувствовать не могут. Нельзя прекратить жизни того, что не жило; нельзя изувечить тела, не имеющего индивидуального объединения. Тут нет, следовательно, ни национального убийства, ни на-

ционального увечья, а потому нет и завоевания. Оно даже невозможно в отношении к таким племенам. Самый этимологический смысл слова “завоевание” не применим к подчинению таких племен, ибо они и сопротивления не оказывают, если при этом не нарушаются их личные, имущественные и другие гражданские права. Когда эти права остаются неприкосновенными, им, собственно, и защищать более нечего. После этого небольшого отступления, необходимого для уяснения понятия о завоевании, начнем наш обзор с северо-западного угла Русского государства, с Финляндии, — прямо с одного из политических преступлений, в которых нас укоряет Европа. Было ли тут завоевание в том именно значении национального убийства, которое придает ему ненавистный, преступный характер? Без сомнения нет, так как не было и национальности, которую лишили бы при этом своего самостоятельного существования или изувечили отделением какой-либо составной ее части. Финское племя, населяющее Финляндию, подобно всем прочим финским племенам, рассеянным по пространству России, никогда не жило историческую жизнью. Коль скоро нет нарушения народной самостоятельности, то политические соображения относительно географической округленности, стратегической безопасности границ и т. п., сами по себе еще не могущие оправдать присоединения какой-либо страны, получают свое законное применение. Россия вела войну с Швецией, которая с самого Ништадтского мира не могла привыкнуть к мысли об уступке того, что по всем правам принадлежало России, и искала всякого, по ее мнению, удобного случая возобновить эту войну и вернуть свои прежние завоевания. Россия победила и приобрела право на вознаграждение денежное, земельное или другое, лишь бы оно не простиралось на часть самой Швеции, — ибо национальная территория не отчуждаема и никакие договоры не могут освятить в сознании народа такого отчуждения, пока отчужденная часть не потеряет своего национального характера. Тогда, конечно, но толь-

ко тогда, приходится покориться невозвратно. Но мало сказать, что присоединением Финляндии от Швеции к России ничьи существенные права не были нарушены, выгоды самой Финляндии, т. е. финского народа, ее населяющего, более, чем выгоды России, требовали перемены владычества. Государство, столь могучее, как Россия, могло в значительной мере отказаться от извлечения выгод из приобретенной страны; народность, столь могучая, как русская, могла без вреда для себя предоставить финской народности полную этнографическую самостоятельность. Русское государство и русская народность могли довольствоваться малым; им было достаточно иметь в северо-западном углу своей территории нейтральную страну и доброжелательную народность вместо неприятельского передового поста и господства враждебных шведов. Государство и народность русская могли обойтись без полного слияния с собою страны и народности финской, к чему, конечно, по необходимости, должна была стремиться слабая Швеция, в отношении к которой Финляндия составляла три четверти ее собственного пространства и половину ее населения. И действительно, только со времени присоединения Финляндии к России начала пробуждаться финская народность и достигла наконец того, что за языком ее могла быть признана равноправность со шведским в отношении университетского образования, администрации и даже прений на сейме. Сделанное Россией для финской национальности будет, без сомнения, оценено беспристрастными людьми; во враждебном лагере, конечно, возбуждает оно пока только негодование, доходящее иногда до смешного. В мою бытность в Норвегии меня серьезно уверял один швед, что русское правительство, из вражды к Швеции, искусственно вызвало финскую национальность и сочинило, с этой именно целью, эпическую поэму Калевалу. Удивительное правительство, которое, по отзывам поляков, указами создает русский язык и научает ему своих монгольских подданных, а по от-

зывам шведов, сочиняет народные эпосы!..

Итак, состав Русского государства, войны, которое оно вело, цели, которые преследовало, а еще более — благоприятные обстоятельства, столько раз повторявшиеся, которыми оно не думало воспользоваться, — все показывает, что Россия не честолюбивая, не завоевательная держава, что в новейший период своей истории она большею частью жертвовала своими очевиднейшими выгодами, самыми справедливыми и законными, европейским интересам, — часто даже считала своею обязанностью действовать не как самобытный организм (имеющий свое самостоятельное назначение, находящий в себе самом достаточное оправдание всем своим стремлениям и действиям), а как служебная сила.

Откуда же и за что же, спрашиваю, недоверие, несправедливость, ненависть к России со стороны правительств и общественного мнения Европы? Обращаюсь к другому капитальному обвинению против России. Россия гасительница света и свободы, темная мрачная сила, политический Ариман, как выразился я выше. У знаменитого Роттека высказана мысль, — которую, не имея под рукой его “Истории”, не могу, к сожалению, буквально цитировать, — что всякое преуспеяние России, всякое развитие ее внутренних сил, увеличение ее благоденствия и могущества есть общественное бедствие, несчастье для всего человечества. Это мнение Роттека есть только выражение общественного мнения Европы. И это опять основано на таком же песке, как и честолюбие и завоевательность России. Какова бы ни была форма правления в России, каковы бы ни были недостатки русской администрации, русского судопроизводства, русской фискальной системы и т. д., до всего этого, я полагаю, никому дела нет, пока она не стремится навязать всего этого другим. Если все это очень дурно, тем хуже для нее и тем лучше для ее врагов и недоброжелателей. Различие в политических принципах еще не может служить препятствием к дружбе правительств и народов. Не была ли Англия постоян-

ным другом Австрии, несмотря на конституционализм одной и абсолютизм другой? Не пользуется ли русское правительство и русский народ симпатиями Америки, и наоборот? Только вредное вмешательство России во внутреннюю политику иностранных государств, давление, которым она препятствовала бы развитию свободы в Европе, могут подлежать ее справедливой критике и возбуждать ее негодование. Посмотрим, чем же его заслужила Россия, чем так провинилась перед Европой? До времен французской революции о таком вмешательстве, о таком давлении и речи быть не могло, потому что между континентом Европы и Россией не существовало тогда никакой видимой разности в политических принципах. Напротив того, правление Екатерины по справедливости считалось одним из самых передовых, прогрессивных, как теперь говорится. Под конец своего царствования Екатерина имела, правда, намерение вооружиться против революции, что наследник ее и сделал. Но если французская революция должна считаться светильником свободы, то гасить и заливать этот светильник спешила вся Европа, и впереди всех — конституционная и свободная Англия. Участие России в этом общем деле было кратковременно и незначительно. Победам Суворова, впрочем, рукоплескала тогда вся Европа. Войны против Наполеона не были, конечно, да и не считались войнами против свободы. Эти войны окончились, и ежели побежденная Франция тогда же получила свободную форму правления, то была обязана этим единственно императору Александру. Во время войны за независимость многие государства обещали своим подданным конституции, и никто не сдержал своих обещаний, кроме опять-таки императора Александра относительно Польши. После Венского конгресса, по мысли русского императора, Россия, Австрия и Пруссия заключили так называемый Священный союз, приступить к которому приглашали всех государей Европы. Этот Священный союз составляет главнейшее обвинение против России и выставляется заговором государей против своих на-

родов. Но в этом союзе надо строго отличать идею, первоначальный замысел, которые одни только и принадлежали Александру, от практического выполнения, которое составляет неотъемлемую собственность Меттерниха. В первоначальной же идее, каковы бы ни были ее практические достоинства, конечно, не было ничего утеснительного. Император Александр стоял, бесспорно, за конституционный принцип везде, где, по его мнению, народное развитие допускало его применение. Он был противником и врагом Партий, насильственно вынужденных бунтом и революцией, но зато был другом октроированных конституций; и после недавних опытов, после стольких бедствий, претерпленных Европой, можно ли было думать иначе? Да и без отношения к обстоятельствам, не справедлив ли вообще такой взгляд? Разве добросовестное соглашение, сознательная уступка могут быть хуже насилия и по принципу и по последствиям? Вынудивший силою, если сила остается на его стороне, редко остается доволен вынужденным; можно ли ожидать умеренности от разгоряченных страстей, упоенных гордостью успеха? Если, наоборот, после первой вспышки, первого удачного натиска сила переходит опять на сторону уступившей этому натиску власти, можно ли ожидать от нее добросовестного выполнения вынужденного? Напротив того, уступка, сделанная в полноте силы, по сознанию ее пользы и справедливости, заключает в себе все залогов долговечности...

Еще в моде у нас относить все к незнанию Европы, к ее невежеству относительно России. Наша пресса молчит, или, по крайней мере, до недавнего времени молчала, а враги на нас клеветают. Где же бедной Европе узнать истину? Она отуманена, сбита с толку. *Risum teneatis, amici*, или, по-русски, курам на смех, друзья мои. Почему же Европа, которая все знает от санскритского языка до ирокезских наречий, от законов движения сложных систем звезд до строения микроскопических организмов, не знает одной только России? ..Европа не знает, потому что не хочет знать,

или, лучше сказать, знает так, как знать хочет, то есть как соответствует ее предвзятым мнениям, страстям, гордости, ненависти и презрению. Смешны эти ухаживания за иностранцами с целью показать им Русь лицом, а через их посредство просветить и заставить прозреть заблуждающееся и ослепленное общественное мнение Европы... Просвещение общественного мнения книгами, журналами, брошюрами и устным словом может быть очень полезно и в этом отношении, как и во всех других, — только не для Европы, а для самих нас, русских, которые даже на самих себя привыкли смотреть чужими глазами, для наших единоплеменников. Для Европы это будет напрасный труд: она и сама без нашей помощи узнает, что захочет, и если захочет узнать. Дело в том, что Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т. д., материалом, который можно бы формировать и обделывать по образу и подобию своему, как прежде было надеялась, как особенно надеялись немцы, которые, несмотря на препрославленный космополитизм, только от единой спасительной германской цивилизации чают спасения мира. Европа видит поэтому в Руси и в славянстве не чуждое только, но и враждебное начало. Как ни рыхл и ни мягок оказался верхний, наружный, выветрившийся и обратившийся в глину слой, все же Европа понимает, или, точнее сказать, инстинктивно чувствует, что под этой поверхностью лежит крепкое, твердое ядро, которое не растолочь, не размолотить, не растворить, — которое, следовательно, нельзя будет себе ассимилировать, претворить в свою кровь и плоть, — которое имеет и силу и притязание жить своею независимою, самобытною жизнью. Гордой, и справедливо гордой, своими заслугами Европе трудно — чтобы не сказать невозможно перенести это. Итак, во что бы то ни стало, не крестом, так пестом,

не мытьем, так катаньем, надо не дать этому ядру еще более окрепнуть и разрастись, пустить корни и ветви вглубь и вширь».

Вопросы:

1. Почему, по мнению автора, Европа враждебна России?
2. Каково отношение европейцев к образу политического правления в России?
3. Как относится Европа к внешнеполитической деятельности России?
4. В чем выражается «цивилизационное противостояние» России и Европы?
5. В чем проявляется «невежество Европы относительно России»?

3.3.

Тойнби, А. Дж. Постижение истории / А. Дж. Тойнби. — Москва : Айрис-Пресс, 2010. — С. 14–16.

«...Более детальный анализ этого исторического периода позволяет определить исконное имя нашего общества. Поскольку на земли эти распространилось духовное владычество папы, то их можно назвать “западным христианством”; с другой стороны, это были владения Карла Великого — так называемое франкское государство Австразия.., а следовательно, правомочно название “мир франков”. Это “франкское” имя не является во всех отношениях подходящим, потому что королевство франков и исследуемое нами общество не полностью совпадают территориально. Англичане, например, стали членами этого общества, почти не испытав на себе правления франков, а для ломбардцев франкское правление было преходящим... К тому же название “франки” устарело среди самих франков уже к концу так называемых средних веков... В то же время это имя, будучи собирательным, является единственным общим именем, которое употребляется для обозначения всего нашего сообщества, а то, что мы не смогли подыскать для себя никакого другого обще-

признанного имени, весьма примечательно. Это означает, что мы не осознаем присутствия в мире других равноценных нам обществ и рассматриваем свое общество тождественным “цивилизованному” человечеству. Народы, живущие вне нашего общества, для нас просто “туземцы”. Мы относимся к ним терпимо, самонадеянно присваивая себе монопольное право представлять цивилизованный мир, где бы мы ни оказались. К своему же собственному устройству, к разделению нашего общества на отдельные национальные группы мы относимся как к великому делению Человечества и, употребляя такие определения, как “французы”, “англичане”, “немцы” и т. д., забываем, что это всего лишь подразделения единой группы внутри единой семьи. Не случайно наше собственное имя умерло для нас самих, а вместо него мы стали употреблять частные имена отдельных национальностей, что произошло к началу так называемого нового периода истории, когда влияние нашего общества на другие стало постоянным и устойчивым. Исторический факт забвения собственного имени — характерная черта нашего микрокосма. Однако вряд ли мы существенно продвинемся в поисках умопостигаемого поля исторического исследования, если не восстановим или не воссоздадим исторического имени нашего общества, хотя бы для того, чтобы отличать это общество от других. Поскольку определение “франки” не является точным, а в наши дни и вовсе стало экзотическим, есть смысл восстановить название “западное христианство”. Против этого можно возразить, что со времен Реформации религиозная лояльность стала не только основным мотивом разнообразных социальных, политических, экономических и культурных движений, но и признаком дифференциации. Поэтому, видимо, целесообразней опустить слово “христианство” и говорить о “Западе”, “западном мире” или “западном обществе”. Это географическое название, лишенное каких-либо оттенков, может без заметных натяжек служить адекватным определением как современного нам общества, так и общества вре-

мен Карла Великого. Стоит лишь задуматься, подыскивая подходящее нашему обществу имя, как другие образы и другие имена приходят на ум особенно, если сконцентрировать внимание на культурном плане. В этом плане в настоящее время мы можем безошибочно различить наличие по крайней мере четырех других живых обществ того же вида, что и наше: 1) православно-христианское, или византийское общество... расположенное в Юго-Восточной Европе и России; 2) исламское общество, сосредоточенное в аридной зоне..., проходящей по диагонали через Северную Африку и Средний Восток от Атлантического океана до Великой Китайской стены; 3) индуистское общество... в тропической субконтинентальной Индии к юго-востоку от аридной зоны; 4) дальневосточное общество в субтропическом и умеренном районах между аридной зоной и Тихим океаном. При более детальном изучении обнаруживаются реликтовые общества, которые можно сгруппировать следующим образом: 1) группа, включающая монофизитских христиан Армении, Месопотамии, Абиссинии и Египта, несторианских христиан Курдистана и Малабара, а также евреев и парсов.; 2) группа ламаистских буддистов махаяны в Тибете и Монголии, буддистов хинаяны на Цейлоне, в Бирме и Таиланде..., а также джайнов в Индии... Интересно отметить, что, обращаясь к 775 г., мы обнаруживаем, что количество и основные черты обществ на карте мира не претерпели с течением веков особых изменений. В сущности, мировая карта остается неизменной со времени возникновения западного общества. В борьбе за существование Запад стал доминировать в экономическом и политическом планах, но он не смог полностью обезоружить соперников, лишив их исконно присущей им культуры. В духовном поединке последнее слово еще не сказано. Итак, исследуя общество, именуемое нами “западным”, мы обнаружили, что оно проявляет тенденцию к постоянному расширению. Однако мы должны признать, что за все время существования общества это так и не добилось

доминирующего положения в мире во всех его трех планах — экономическом, политическом и культурном. Это заключение весьма важно для определения метода исследования. Прежде всего отметим наличие двух типов связи: отношения между общинами в рамках одного общества и отношения между обществами в рамках более крупной единицы. В терминологии современных историков, которые игнорируют образования более крупные, чем нация, отношения второго рода называются двусмысленным термином «международные». Отсюда значительно больше внимания уделяется международным отношениям в буквальном смысле этого слова, чем международным отношениям в смысле отношений между различными типами обществ. Для дела развития исторической науки было бы целесообразно ввести различие между международными отношениями, которые определяют связи между государствами внутри данного общества, и международными отношениями, определяющими связи экуменического... характера между самими обществами. И предстоит затратить немало усилий, чтобы исследовать отношения второго типа».

Вопросы:

1. *А. Тойнби о европоцентризме.*
2. *Какие основные цивилизации («общества») выделяет автор на современном этапе?*
3. *Что понимает А. Тойнби под «реликтовыми» обществами?*
4. *Основная черта западного общества.*
5. *В чем состоит неоднозначность понятия «международные отношения» для исторической науки?*

3.4.

Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — Москва : Издательство АСТ, 1996. — С. 11–17.

«Многополюсный, полицивилизационный мир
Политика в мире после холодной войны впервые в

истории стала и многополюсной, и полицивилизационной. Большую часть существования человечества цивилизации контактировали друг с другом лишь время от времени или не имели контактов вовсе. Затем, с началом современной эры, около 1500 года н. э., глобальная политика получила два направления. На протяжении более четырехсот лет национальные государства Запада — Британия, Франция, Испания, Австрия, Пруссия, Германия, Соединенные Штаты и другие — представляли собой многополюсную международную систему в пределах западной цивилизации. Они взаимодействовали и конкурировали друг с другом, вели войны друг против друга. В то же время западные нации расширялись, завоевывали, колонизировали и оказывали несомненное влияние на все остальные цивилизации... Во время холодной войны глобальная политика стала биполярной, а мир был разделен на три части. Группа наиболее процветающих и могущественных держав, ведомая Соединенными Штатами, была втянута в широкомасштабное идеологическое, экономическое и временами военное противостояние группе небогатых коммунистических стран, сплоченных и ведомых Советским Союзом. Этот конфликт в значительной степени проявлялся за пределами двух лагерей — в третьем мире, который состоял зачастую из бедных, политически нестабильных государств, которые лишь недавно обрели независимость и заявили о политике неприсоединения... В конце 1980-х коммунистический мир рухнул, и международная система времен холодной войны стала историей. В мире после холодной войны наиболее важными между людьми стали уже не идеологические, политические или экономические различия, а культурные. Народы и нации пытаются дать ответ на самый простой вопрос, с которым может столкнуться человек: кто мы есть. И они отвечают традиционным образом — обратившись к понятиям, имеющим для них наибольшую важность. Люди определяют себя, используя такие понятия, как происхождение, религия, язык, история, ценности, обычаи и

общественные институты. Они идентифицируют себя с культурными группами: племенами, этническими группами, религиозными общинами, нациями и — на самом широком уровне — цивилизациями. Не определившись со своей идентичностью, люди не могут использовать политику для преследования собственных интересов. Мы узнаем, кем являемся, только после того, как нам становится известно, кем мы не являемся, и только затем мы узнаем, против кого мы. Основными игроками на поле мировой политики остаются национальные государства. Их поведение, как и в прошлом, определяется стремлением к могуществу и процветанию, но определяется оно и культурными предпочтениями, общностями и различиями. Наиболее важными группировками государств являются уже не три блока времен холодной войны, но, скорее, семь или восемь основных мировых цивилизаций... Не-западные общества, особенно в Южной Азии, повышают свое экономическое благосостояние и создают основу для увеличения военной мощи и политического влияния. С повышением могущества и уверенности в себе не-западные страны все больше утверждают свои собственные ценности и отвергают те, которые “навязывает” им Запад. “Международная система двадцать первого века, — заметил Генри Киссинджер, — будет состоять по крайней мере из шести основных держав — Соединенных Штатов, Европы, Китая, Японии, России и, возможно, Индии, а также из множества средних и малых государств”... Шесть держав Киссинджера принадлежат к пяти различным цивилизациям, и, кроме того, есть еще влиятельные исламские страны, чье стратегическое расположение, большое население и запасы нефти делают их весьма значимыми фигурами мировой политики. В этом новом мире локальная политика является политической этнической, или расовой, принадлежности; глобальная политика — это политика цивилизаций. Соперничество сверхдержав сменилось столкновением цивилизаций. В этом новом мире наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут не

между социальными классами, бедными и богатыми, а между народами различной культурной идентичности. Внутри цивилизаций будут случаться межплеменные войны и этнические конфликты. Столкновения и вспышки насилия между странами различной цивилизационной принадлежности несут с собой потенциал эскалации, так как чреватые втягиванием в конфликт “братских народов”... Кровавое столкновение кланов в Сомали не несет угрозы расширения конфликта. Кровавое столкновение племен в Руанде имеет последствия для Уганды, Заира и Бурунди, но не более того. Кровавые столкновения цивилизаций в Боснии, на Кавказе, Центральной Азии или в Кашмире могут разрастись в большие войны. В югославском конфликте Россия предоставляла дипломатическую помощь сербам, а Саудовская Аравия, Турция, Иран и Ливия предоставляли финансовую помощь и оружие боснийцам не по причинам идеологии, политики с позиции силы или экономических интересов, но из-за культурного родства. “Культурные конфликты, — заметил Вацлав Гавел, — усиливаются, и сегодня стали опаснее, чем когда-либо в истории”; а Жак Делор согласился, что “грядущие конфликты будут загораться от искры скорее национального фактора, чем экономического или идеологического”. И наиболее опасные культурные конфликты — те, которые имеют место вдоль линий разлома между цивилизациями. В мире после холодной войны культура является силой одновременно и объединяющей, и вызывающей рознь. Люди, разделенные идеологией, но ощущающие культурное родство, объединяются, как это уже сделали две Германии, и еще начинают делать две Кореи и несколько Китаев. Общества, объединенные идеологией, но в силу исторических обстоятельств разделенные культурно, распадаются, как это случилось с Советским Союзом, Югославией и Боснией, или входят в состояние напряженности, как в случае с Украиной, Нигерией, Суданом, Индией, Шри-Ланкой и многими другими странами. Страны, сходные в культурном плане, со-

трудничают экономически и политически. Международные организации, основанные на государствах с культурной общностью, как, например, Европейский союз, намного более успешны, чем те, которые пытаются перешагнуть культурные барьеры. На протяжении сорока пяти лет железный занавес был центральной линией раздела в Европе. Сейчас эта линия переместилась на несколько сот миль на восток. Сейчас она отделяет народы западного христианства от мусульманских и православных. Философские воззрения, основополагающие ценности, социальные отношения, обычаи и общие взгляды на жизнь значительно отличаются в разных цивилизациях. Возрождение религии в большей части мира усиливает эти культурные различия. Культуры могут изменяться, и природа их влияния на политику и экономическое развитие может различаться в разные исторические периоды. И все же очевидно, что основные различия политического и экономического развития цивилизаций имеют корни в различии культур. Восточноазиатский экономический успех обусловлен восточноазиатской культурой, как и трудности, с которыми столкнулись восточноазиатские страны на пути построения стабильных демократических систем. Причины провала установления демократии в большей части мусульманского мира во многом кроются в исламской культуре. Развитие посткоммунистических обществ Восточной Европы и на пространстве бывшего Советского Союза определяется цивилизационной идентичностью. Страны с западно-христианскими корнями добиваются успеха в экономическом развитии и установлении демократии; перспективы экономического и политического развития в православных странах туманны; перспективы мусульманских стран и вообще безрадостны. Запад есть и еще долгие годы будет оставаться самой могущественной цивилизацией. И все же его могущество по отношению к другим цивилизациям сейчас снижается. В то время как Запад пытается утвердить свои ценности и защитить свои интересы, незападные общества стоят перед выбором. Некоторые из

них предпринимают попытки подражать Западу, присоединиться к нему и слиться с ним. Другие — конфуцианские и исламские — общества стремятся наращивать свою экономическую и военную мощь, чтобы противостоять Западу, создавая достойный противовес. Центральной осью политики мира после холодной войны является, таким образом, силовое соотношение и политическое взаимодействие и западной и незападных цивилизаций. Всего в мире после холодной войны насчитывается семь или восемь главных цивилизаций. Характер связей между странами, общность интересов или антагонизм определяются общностью или различием культурных корней. Важнейшие страны мира принадлежат к совершенно различным цивилизациям. Наибольшую степень вероятности перерастания в крупномасштабные войны имеют локальные конфликты между группами и государствами из различных цивилизаций. Доминирующие модели политического и экономического развития не одинаковы в разных цивилизациях. Нарастание государственной мощи смещается от давно господствующего Запада к незападным цивилизациям. Глобальная политика стала многополюсной и полицивилизационной... Конечно, это упрощение — считать, что картина мировой политики после холодной войны и в самом деле определяется только культурными факторами и касается взаимоотношений между странами и группами из различных цивилизаций, поскольку при этом не учитываются многие факторы, некоторые вещи искажаются, а другие становятся неясными. Но для вдумчивого анализа ситуации в мире и эффективного воздействия на нее необходима какая-то упрощенная карта реальности, какая-то теория, модель, парадигма. Без таких умозрительных построений останется, как выразился Уильямс Джемс, лишь “пестрое шумное смятение”. Интеллектуальный и культурный прогресс, как показал Томас Кун в своем классическом труде “Структура научных революций”, состоит из замены одной парадигмы, которая перестала нахо-

дить объяснения новым или вновь открытым фактам, той, которая более удовлетворительно толкует эти факты...

На протяжении сорока лет в области международных отношений было принято думать и действовать в рамках крайне упрощенной, но весьма полезной парадигмы мировых взаимоотношений времен холодной войны. Эта парадигма не могла привлечь во внимание все, что происходило в мировой политике. Было много аномалий, выражаясь языком Куна, и временами этот традиционный взгляд закрывал глаза ученых и государственных деятелей на важные события, как, например, китайско-советский конфликт. И все же, как простая модель глобальной политики, она позволяла рассматривать больше значительных явлений, чем все ее конкуренты, была важной отправной точкой для понимания международных дел, а вследствие этого была принята практически повсеместно и формировала видение мировой политики двух поколений. Упрощенные парадигмы, схемы и карты необходимы для человеческого мышления и деятельности. С одной стороны, мы можем ясно формулировать теории или модели и сознательно применять их как ориентиры нашего поведения. С другой стороны, мы можем отрицать необходимость подобных ориентиров и делать вид, что мы действуем в рамках каких-то “объективных” факторов, разбираясь каждый раз “по существу”. Однако если примем такую позицию, мы будем обманывать себя. Потому что где-то в глубине нашего сознания сидят скрытые допущения, предубеждения и предрас судки, которые определяют наше восприятие реальности, и наше видение фактов, и наше суждение об их важности и сущности. Нужны явные (эксплицитные) или неявные (имплицитные) модели, которые позволили бы нам: систематизировать и обобщать реальность; понимать причинные связи между явлениями; предчувствовать и, если повезет, предсказывать будущие события; отделять важное от неважного; показывать, каким путем двигаться, чтобы достичь наших целей.

Любая модель или карта является абстракцией и будет более полезной для одних целей, чем для других. Карта дорог показывает нам, как доехать из пункта А в пункт Б на машине, но она вряд ли поможет нам, если мы летим на самолете, — в таком случае понадобится карта с указанными аэродромами, радиомаяками, летными коридорами и топографией. Однако совсем без карты мы заблудимся. Чем более подробна карта, тем более подробно она отражает реальность. Но самая подробная карта далеко не всегда самая подходящая. Если мы хотим добраться из одного большого города в другой по главной автострате, нам не нужна будет (и мы сочтем ее запутанной) карта, на которой приведено много информации, не относящейся к автомобильному транспорту, а главные шоссе потеряются в паутине второстепенных дорог. С другой стороны, карта, на которой указана только одна автострада, будет ограничивать нас в способности найти альтернативный маршрут в случае крупной автокатастрофы и возникшей после нее “пробки”. Короче говоря, нам нужна карта, которая одновременно и отображает, и упрощает реальность таким образом, чтобы это лучше всего подходило нашим целям...

Один мир: эйфория и гармония

Одна широко озвученная парадигма была основана на предпосылке, что конец холодной войны означал конец широкомасштабного конфликта в глобальной политике и возникновение одного относительно гармоничного мира. Наиболее широко обсуждаемая формулировка этой модели — тезис о “конце истории”, выдвинутый Фрэнсисом Фукуямой... “Видимо, мы становимся свидетелями, — утверждал Фукуяма, — конца истории как таковой: это означает конечную точку идеологической эволюции человечества и универсализацию западной либеральной демократии как конечной формы человеческого правления. Конечно же, кое-где в третьем мире могут иметь место конфликты, но глобальный конфликт позади, и не только в Европе. Именно в неевропейском мире произошли огромные изменения, в пер-

вую очередь в Китае и Советском Союзе. Война идей подошла к концу. Поборники марксизма-ленинизма могут по-прежнему встречаться в местах типа Манагуа, Пхеньяна и Кембриджа с Массачусетсом, но победу с триумфом одержала всемирная либеральная демократия. Будущее посвящено не великим битвам за идеи, но, скорее, решению приземленных экономических и технических проблем. И все это будет достаточно скучно"... Это настроение эйфории было широко распространено. Политики и выдающиеся представители интеллигенции развивали подобные взгляды. Берлинская стена была разрушена, коммунистические режимы рухнули, роль ООН становилась более значимой, и бывшие соперники времен холодной войны стали вовлекаться в "партнерство" и "великую сделку", актуальными стали миролюбие и миротворчество. Президент ведущей державы мира заявил о "новом мировом порядке"; президент ведущего, пожалуй, университета в мире наложил вето на назначение профессора по курсу обеспечения безопасности, потому что нужда в этом отпала: "Аллилуйя! Мы больше не проходим войну, потому что войны больше нет". Момент эйфории по окончании холодной войны породил иллюзию гармонии, и вскоре оказалось, что это была именно иллюзия. Мир стал другим по сравнению с началом 1990-х годов, но не обязательно более мирным. Изменения были неизбежными; прогресс — нет».

Вопросы:

1. Какие различия между людьми и народами стали наиболее важными в мире после холодной войны?
2. Кого автор считает «основными игроками на поле мировой политики»?
3. Почему, по мнению автора, современная глобальная политика — это политика цивилизаций?
4. Соперничество сверхдержав, характерное для мира после Второй мировой войны, сменилось столкновением цивилизаций после холодной войны. Согласны ли вы с утверждением С. Хантингтона?

5. Какие цивилизации выделяет С. Хантингтон в современном мире?

6. Как аргументирует автор необходимость разработки новой теории, парадигмы, объясняющей процессы, происходящие в современном мире?

3.5.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / перевод с английского П. М. Кудюкина ; под общей редакцией кандидата политических наук Б. Ю. Кагарлицкого. – Санкт-Петербург : Издательство «Университетская книга», 2001. – С. 19–39.

«РОЖДЕНИЕ И БУДУЩАЯ КОНЧИНА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ МИРОСИСТЕМЫ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Рост индустриального сектора капиталистической мироэкономики (так называемая "промышленная революция") сопровождался развитием очень сильного течения мысли, которое характеризовало эти изменения в терминах процесса органического развития и прогресса. Были теоретики, считающие это экономическое развитие и сопутствующие ему изменения в социальном строе некоей предпоследней стадией мирового развития, нахождение которым своей окончательной формы не более чем вопрос времени. Можно назвать таких разных мыслителей, как Сен-Симон, Конт, Гегель, Вебер, Дюркгейм. А кроме того, были критики, самый заметный среди них — Маркс, которые доказывали, если угодно, что настоящее XIX столетия было лишь стадией развития, предшествующей предпоследней, что капиталистическому миру предстояло познать катаклизм политической революции, которая затем приведет в полном своем развитии к завершающей форме социума, в этом случае к бесклассовому обществу. Одной из сильнейших сторон марксизма было то, что, как оппозиционное и потому критическое учение, он привлекал внимание не просто к противоречиям системы, но и к противоречиям ее идеологов, апеллируя к эмпирически очевидным историческим фактам,

тем самым вскрывая негодность моделей, предлагаемых для объяснения общества. Критики-марксисты видели в абстрактных моделях рационализацию конкретных интересов и обосновывали свой подход, указывая на неудачи оппонентов в анализе социального целого. Как сформулировал это Лукач, “не первичность экономических мотивов в историческом объяснении составляет решающее различие между марксизмом и буржуазной мыслью, но подход с точки зрения целостности”. ...В середине XX столетия теории развития, господствовавшие в странах, составлявших сердцевину капиталистической мироэкономики, мало что добавили к концепциям основоположников этой школы, живших в XIX в., если не считать квантификации моделей и придания им еще большей абстрактности добавлением поправок типа эпициклов, позволяющих справляться со все большими отклонениями прогнозов от эмпирических данных. Что является неверным в этих моделях, было показано уже много раз и с разных позиций. Я сошлюсь только на одного критика, не марксиста, Роберта Нисбета, заключающего свои очень убедительные размышления о том, что он называет “западной теорией развития”, таким резюме: “[Мы] обращаемся к истории и только к истории, если то, что мы ищем, — реальные причины, источники и условия открытого изменения моделей и структур в обществе. Вопреки обывательской мудрости современных социальных теорий, мы не найдем объяснения изменениям в тех исследованиях, которые абстрагируются от истории; будь то исследования малых групп в социальной лаборатории, групповая динамика в целом, эксперименты с использованием методов социальной драмы по социальным взаимодействиям или математический анализ так называемых социальных систем. Не обнаружим мы источника изменений и во вновь появившихся в наше время образцах сравнительного метода с его иерархиями случаев культурных сходств и различий, заимствованных из разных мест и времен”. Обратимся ли мы в таком случае к критическим школам,

особенно к марксизму, чтобы они дали нам лучшее описание социальной реальности? В принципе, да; на практике, однако, существует много разных, часто противоречащих друг другу, дошедших до нас версий “марксизма”. Но что еще более существенно — во многих странах марксизм является сегодня официальной государственной доктриной. Марксизм более не является исключительно оппозиционным учением, как это было в XIX в. Социальная судьба официальных доктрин состоит в том, что они испытывают постоянное толкающее их к догматизму и апологетике ... социальное давление, которому очень трудно, хотя не вовсе невозможно противостоять. Именно поэтому они часто попадают в тот же интеллектуальный тупик построения антиисторических моделей. Именно на это обращена критика Фернана Броделя: “Марксизм содержит в себе целый ряд моделей социальных явлений... Я бы присоединил и мой голос к его [Сартра] протестам, но не против модели как таковой, а против некоторых способов ее употребления. Гений Маркса, секрет силы его мысли состоит в том, что он первый сконструировал действительные социальные модели, основанные на долговременной исторической перспективе. Эти модели были увековечены в их первоначальной простоте тем, что к ним стали относиться как к неизменным законам, априорным объяснениям, автоматически приложимым ко всем обстоятельствам и всем обществам... Эта жесткая интерпретация ограничила творческую силу самой мощной системы социального анализа, созданной в прошлом веке. Восстановить ее возможно только в долговременном анализе”... Ничто не иллюстрирует искажающего воздействия внеисторических моделей социального изменения лучше, чем дилеммы, порождаемые понятием стадий развития. Если мы должны иметь дело с социальными трансформациями долговременного характера (“длительная временная протяженность” Броделя) и если мы должны дать объяснение как преимущества, так и преобразованию, мы должны логически разделить

длительный период на отрезки с целью проследить структурные изменения между временем А и временем Б. Но на самом деле в реальности эти отрезки времени не дискретны, а непрерывны... То есть, иначе говоря, мы не можем дать конкретное предсказание будущего, но мы можем предсказывать прошлое. Важнейшая проблема при сравнении “стадий” — определить те исторические единицы, синхронистическим описанием (или, если угодно, “идеальным типом”) которых являются “стадии”. И фундаментальная ошибка а-исторической общественной науки (включая а-исторические версии марксизма) состоит в овеществлении частей целостности в таких единицах и сравнение затем этих овеществленных структур. Например, мы можем взять способы распределения сельскохозяйственной продукции и назвать их выращиванием урожая для собственного потребления и выращиванием урожая на продажу. Мы можем затем рассматривать их как единицы анализа, являющиеся “стадиями” развития. Мы можем говорить о решениях групп крестьян перейти от одной к другой. Мы можем описывать иные частичные объекты, например государства, как имеющие внутри две отдельные “экономики”, каждая из которых основана на особом способе распределения сельскохозяйственной продукции. Если мы предпримем каждый из этих последовательных шагов, каждый из которых является ошибочным, мы закончим вводящей в заблуждение концепцией “дualной экономики”, как многие либеральные экономисты, занимающиеся так называемыми слаборазвитыми странами мира. Хуже того — мы можем овеществить неверное прочтение истории Великобритании в систему универсальных “стадий”, как это сделал Росту. Марксистские ученые часто попадали в точно такую же ловушку. Если мы возьмем способы оплаты труда в сельском хозяйстве и противопоставим “феодальный” способ, когда работнику позволено удерживать из продукции часть, необходимую, чтобы обеспечить свое существование, капиталистическому способу, где тот же самый работник передает собственнику земли все про-

изведенное, получая часть обратно в виде заработной платы, мы можем начать рассматривать эти два способа как “стадии” развития. Мы можем говорить об интересах “феодальных” землевладельцев, препятствующих превращению их способа оплаты в систему заработной платы. Затем мы можем объяснять тот факт, что в XX в. частичный объект, скажем латиноамериканское государство, еще не стал индустриальным вследствие господства таких землевладельцев. Если мы предпримем каждый из этих последовательных шагов, каждый из которых... является ошибочным, мы закончим вводящей в заблуждение концепцией “государства, где господствуют феодальные элементы”, как будто бы такое явление могло бы существовать в капиталистической мироэкономике. Но, как ясно показал Андре Гундер Франк, такой миф долгое время господствовал в “традиционной марксистской” мысли Латинской Америки. Неверная идентификация объектов, подлежащих сравнению, не только приводит нас к ложным концепциям, но и создает несуществующую проблему: можно ли миновать те или иные стадии? Этот вопрос является логически осмысленным, лишь если мы имеем “стадии”, которые “существуют” внутри единых эмпирических рамок. Если внутри капиталистической мироэкономике мы определяем одно государство как феодальное, другое как капиталистическое, а третье как социалистическое, то лишь в этом случае мы можем поставить вопрос: может ли страна “перескочить” из феодальной стадии на социалистическую стадию национального развития, “минуя капитализм”. Но если такой вещи как “национальное развитие” (если под этим мы понимаем естественный ход развития) нет и адекватным объектом сравнения является мировая система, то проблема минования стадий — бессмыслица. Если стадию можно миновать, значит, это не стадия.... Если мы собираемся говорить о стадиях развития — а нам надо говорить о стадиях, — это должны быть стадии развития социальных систем, то есть целостностей. А единственными целостностями, которые

существуют или существовали исторически, являются минисистемы и миросистемы, а в XIX–XX вв. существовала лишь одна миросистема — капиталистическая мироэкономика. Мы берем в качестве определяющей характеристики социальной системы существование внутри нее разделения труда, так что различные секторы либо географические зоны внутри нее зависимы от экономического обмена с другими для беспрепятственного и непрерывного обеспечения потребностей зоны. Ясно, что такой экономический обмен может существовать без общей политической структуры и даже, что еще более очевидно, без общей разделяемой всеми культуры. Минисистема — это объект, содержащий внутри себя полное разделение труда и единые культурные рамки. Такого рода системы можно найти только в очень простых аграрных или охотничье-собирательских обществах. Таких минисистем в мире более не существует. Более того, их и в прошлом существовало гораздо меньше, чем это часто предполагается, поскольку любая такая система, которая становилась привязанной к империи уплатой дани в качестве “платы за защиту”, тем самым переставала быть “системой”, не обладая более самодостаточным разделением труда. Для такого района уплата дани означала сдвиг, говоря языком Полани, от экономики взаимности к участию в более широкой перераспределительной экономике. Оставляя в стороне ныне не функционирующие минисистемы, единственным видом социальной системы является миросистема, которую мы определяем очень просто — как общность с единой системой разделения труда и множественностью культурных систем. Отсюда логически следует, что могут существовать две разновидности такой миросистемы — с общей политической системой и без нее. Мы можем описать их соответственно как мир-империю и как мир-экономику. Эмпирически оказывается, что миры-экономики исторически были нестабильными структурами, которые приходили либо к дезинтеграции, либо к завоеванию одной группой и тем самым к трансформа-

ции в мир-империю. Примерами таких миров-империй, возникших из миров-экономик, являются все так называемые великие цивилизации в период до нового времени: Китай, Египет, Рим (в соответствующие периоды своей истории). С другой стороны, так называемые империи XIX в., такие, как Великобритания или Франция, были вовсе не мирами-империями, а национальными государствами с колониальными придатками, действующими в рамках единой мироэкономики. Миры-империи по своей экономической форме в основе были перераспределительными. Несомненно, они питали группы купцов, вовлеченных в экономический обмен (прежде всего в торговлю на большие расстояния), но такие группы, пусть и значительные, составляли лишь небольшую часть всей экономики и не играли определяющей роли в ее судьбе. Такая торговля на большие расстояния имела тенденцию, как доказывал Полани, быть “администрируемой торговлей”, использующей “вольные торговые города”, а не рыночной торговлей. И лишь с возникновением современного мира-экономики в Европе XVI в. мы видим полное развитие и преобладание рыночной торговли. Это была система, которую называют капитализмом. Капитализм и мироэкономика (то есть единая система разделения труда при политическом и культурном многообразии) являются двумя сторонами монеты. Одна не является причиной другой. Мы просто определяем один и тот же неразделяемый феномен разными характеристиками. Как и почему случилось, что этот особый европейский мир-экономика XVI в. не преобразовался в перераспределительный мир-империю, но развился в конечном счете в капиталистическую мироэкономику, я объяснил во многих других местах... Генезис этого поворотного пункта мировой истории не является предметом, обсуждаемым в данном докладе, который касается скорее вопроса о понятийном аппарате, необходимом для анализа развития в рамках именно капиталистической мироэкономики. Давайте, в связи с этим, обратимся к капиталистической мироэкономике.

Мы постараемся разобраться с двумя псевдопроблемами, порожденными ловушкой отказа от анализа целостностей. Это проблема так называемой устойчивости феодальных форм и проблема так называемого создания социалистической системы. Делая это, мы предложим альтернативную модель, которую применим к сравнительному анализу, укорененному в исторически специфической целостности, каковой является мировая капиталистическая экономика. Таким образом мы хотим продемонстрировать, что историческая специфичность вовсе не исключает аналитической универсальности. Напротив, единственный путь к номотетическим предположениям лежит через исторически конкретное, точно так же как в космологии единственный путь к теории законов, управляющих вселенной, лежит через конкретный анализ исторической эволюции этой самой вселенной. В обсуждении проблемы “феодализма” мы берем в качестве отправной точки принадлежащую Франку концепцию “развития слаборазвитости”, то есть тот взгляд, что экономические структуры современных слаборазвитых стран — не форма, которую “традиционные” общества принимают в результате контакта с “развитыми” обществами, и не более ранние стадии в “переходе” к индустриализации. Это скорее результат вовлечения в мироэкономику в качестве периферийной, сырьевой зоны, или, как сказал Франк применительно к Чили, “слаборазвитость... необходимый продукт четырех столетий самого существования капитализма”. Эта формулировка направлена против большой группы работ, касающихся слаборазвитых стран, написанных в период 1950—1970-х гг., против литературы, которая искала факторы, объясняющие “развитие” в таких не являющихся системами единицах, как “государства” или культуры, а открыв, как предполагали авторы, такие факторы, настаивала на их воспроизводстве в слаборазвитых регионах как на пути к спасению. Теория Франка направлена также, как мы уже отмечали, против людей, принявших ортодоксальную версию марк-

сизма, долгое время доминировавшую в левых партиях и интеллектуальных кругах Латинской Америки. Этот “старый” марксистский взгляд на Латинскую Америку как совокупность феодальных обществ на более или менее добуржуазной стадии развития пал перед критикой Франка и многих других, равно как и перед политической реальностью, символизируемой кубинской революцией со всеми ее многочисленными последствиями. Недавние работы, анализирующие ситуацию в Латинской Америке, вместо этого сделали своим центральным понятием “зависимость”. Тем не менее недавно Эрнесто Лакло предпринял атаку на Франка, в которой, принимая его критику теории отсталости и дуальной экономики, одновременно отказывается принять определение государств Латинской Америки как капиталистических. Вместо этого Лакло утверждает, что “мировая капиталистическая система... включает, на уровне своего определения, различные способы производства”. Он обвиняет Франка в смешивании понятий “капиталистический способ производства” и “участие в мировой капиталистической экономической системе”. Конечно, если все дело в определениях, тогда и спорить не о чем. Полемика в этом случае вряд ли имеет большую пользу, поскольку сводится к вопросам семантики. Далее, Лакло настаивает, что определение принадлежит не ему, а Марксу, что более спорно. Роза Люксембург указала на ключевой элемент марксовой двусмысленности или непоследовательности в этом конкретном обсуждении, двусмысленности, которая позволяет как Франку, так и Лакло возвести свои идеи к Марксу: “Маркс обстоятельно рассматривает как процесс присвоения некапиталистических средств производства (...Люксембург имеет в виду первичные продукты, производимые в периферийных регионах в условиях принудительного труда. — **И. В.**), так и процесс превращения крестьянства в капиталистический пролетариат. Вся 24 глава I тома “Капитала” посвящена возникновению английского пролетариата, земледельческого класса капита-

листических арендаторов и промышленного капитала. Особую роль в возникновении последнего Маркс приписывает ограблению колониальных стран европейским капиталом. Но все это рассматривается под углом зрения так называемого “первоначального накопления”. Названные процессы иллюстрируют у Маркса лишь тезис, час рождения капитала; они изображают муки родов при выходе капиталистического способа производства из недр феодального общества. Когда он дает теоретический анализ процесса капитала — производства и обращения, — он постоянно возвращается к своей предпосылке, к общему и исключительному господству капиталистического производства (...то есть производства, основанного на наемном труде. — **И. В.**)”

...Суть проблемы сводится к существованию свободного труда как определяющей характеристики капиталистического способа производства: “Основное экономическое отношение капитализма состоит в продаже свободным работником своей рабочей силы, необходимой предпосылкой чего является потеря непосредственным производителем собственности на средства производства... Если мы теперь противопоставим утверждению Франка, что социально-экономические комплексы Латинской Америки были капиталистическими с периода Конкисты, доступные и сейчас эмпирически очевидные факты, мы можем прийти к выводу, что тезис о “капитализме” не выдерживает критики. В регионах с плотным автохтонным населением — в Мексике, Перу, Боливии или Гватемале — непосредственные производители не были лишены своей собственности на средства производства, в то время как внеэкономическое насилие с целью максимизировать различные системы службы трудом... последовательно интенсифицировалось. На плантациях Вест-Индии хозяйство было основано на способе производства, сущность которого определялась рабским трудом, в то время как в горнодобывающих районах развивались скрытые формы рабства и другие типы принудительного труда, которые не несли в себе ни малейшего

сходства с формированием свойственного капитализму пролетариата”. Именно в этом суть проблемы. Западная Европа, по крайней мере Англия начиная с конца XVII в., имела преимущественно безземельных наемных работников. В Латинской Америке тогда, а отчасти и сейчас, работники были не пролетариями, а рабами и “крепостными”. Есть пролетариат, значит, есть капитализм. Конечно. Нет сомнения. Но является ли единицей анализа Англия, или Мексика, или Вест-Индия? Или же единицей анализа является (для XVI—XVIII вв.) европейский мир-экономика, включая Англию и Мексику, а если так, то что является “способом производства” в этом мире-экономике? Прежде чем обсуждать наш ответ на этот вопрос, давайте обратимся к совершенно иной дискуссии, происходившей между Мао Цзэдуном и Лю Шаоци в 1960 г. по поводу того, является ли Китайская Народная Республика “социалистическим государством”. Это была полемика, имеющая длительную предысторию в развитии общественной мысли марксистских партий. Маркс, как часто отмечалось, фактически ничего не говорил о постреволюционном политическом процессе. Энгельс говорил в своих довольно поздних работах о “диктатуре пролетариата”. Теорию об этой диктатуре оставалось тщательно разработать Ленину в его произведении “Государство и революция”, опубликованном в августе 1917 г., на последнем этапе перед тем, как большевики захватили власть в России. Приход к власти большевиков привел к важным дискуссиям о природе того режима, который был установлен. В конечном счете было определено теоретическое различие между “социализмом” и “коммунизмом” как между двумя стадиями исторического развития, одна из которых осуществлена в настоящем, а другая — будет осуществлена только в будущем. В 1936 г. Сталин провозгласил, что СССР стал социалистическим (но еще не коммунистическим) государством. Как мы знаем, прочно утвердилось представление о том, что после буржуазного правления проходят три стадии — после-

революционное правительство, социалистическое государство и, наконец, коммунизм. Когда после Второй мировой войны в разных государствах Восточной Европы были утверждены различные режимы, возглавляемые коммунистическими партиями, эти режимы были объявлены “народно-демократическими”, новое наименование, данное послереволюционному этапу. Позже некоторые из этих стран, например Чехословакия, доказывали, что они перешли ко второму этапу и стали социалистическими республиками. В 1961 г. XXII съезд КПСС изобрел четвертую стадию, находящуюся между бывшими второй и третьей, а именно — социалистическое государство, ставшее “общенародным”. Утверждалось, что СССР достиг этой стадии. В Программе, принятой съездом, утверждалось, что “государство, как общенародная организация, сохранится до полной победы коммунизма”. Один из комментаторов определил “внутреннюю сущность и основные отличительные черты” этой стадии так: “Сокровенный смысл общенародного государства как раз и состоит в том, что оно представляет собой первое в мире государство, где нет классовой борьбы, а стало быть, классового господства и подавления”. Одним из наиболее ранних признаков основного несогласия, возникшего между Коммунистической Партией Советского Союза и Коммунистической Партией Китая в 1950-х гг., стала теоретическая дискуссия по вопросу о “постепенном переходе к коммунизму”. По существу КПСС утверждала, что различные социалистические страны будут по отдельности совершать такой переход, в то время как КПК доказывала, что все социалистические страны будут переходить к коммунизму одновременно. Как мы можем убедиться, эта последняя форма дискуссии о “стадиях” подспудно поднимала проблему единицы анализа, поскольку КПК по существу утверждала, что “коммунизм” является характеристикой не национальных государств, но мироэкономики в целом. Эта полемика была перенесена на внутривнутриполитическую сцену Китая в форме идеологических дебатов,

имевших, как теперь известно, глубокие и далеко уходящие корни и приобретших в конечном счете форму “культурной революции”. Одним из побочных проявлений этих споров о “стадиях” стал вопрос о том, будет ли продолжаться классовая борьба в послереволюционном государстве вплоть до наступления коммунизма. XXII съезд КПСС в 1961 г. утверждал, что СССР стал государством без внутренней классовой борьбы, государством, в котором больше не существуют антагонистические классы. Ничего не говоря о СССР, Мао Цзэдун в 1957 г. доказывал в Китае: “Классовая борьба еще не закончилась... Классовая борьба... остается длительной и сложной, а иногда и очень ожесточенной борьбой... Как среди населения в целом, так и среди интеллигенции марксисты по-прежнему остаются в меньшинстве. Поэтому марксизм, как и прежде, должен развиваться в борьбе... Такая ... борьба никогда не прекратится. Это — закономерность развития истины, и, конечно, закономерность развития марксизма”. Если такая борьба никогда не кончится, то многие поверхностные обобщения о “стадиях”, которые проходят “социалистические” государства, ставятся под вопрос. Во время “культурной революции” доказывалось, что доклад Мао “О правильном разрешении противоречий внутри народа”, цитируемый выше, так же как и еще один, “полностью опровергали “теорию отмирания классовой борьбы”, которую защищал Лю Шаоци”. Мао особенно настаивал на том, что “отмена системы собственности эксплуататорских классов посредством социалистических преобразований не означает исчезновения борьбы в политической и идеологической сферах”. Действительно, такова логика культурной революции. Мао утверждает, что даже если достигнута политическая власть (диктатура пролетариата) и произведены экономические преобразования (упразднение частной собственности на средства производства), революция все еще далека от завершения. Революция — это не событие, а процесс. Этот процесс Мао называет “социали-

стическим обществом” — с моей точки зрения, это какой-то бессвязный набор слов, но это не важно, — и “социалистическое общество занимает довольно длительный исторический период”. Более того, “классы и классовая борьба существуют на протяжении всего периода социалистического общества”. X Пленум Центрального Комитета КПК восьмого созыва (24–27 сентября 1962 г.), принимая взгляды Мао, вообще отказался от слов “социалистическое общество”, говоря вместо этого об “историческом периоде пролетарской революции и пролетарской диктатуры... историческом периоде перехода от капитализма к коммунизму”, который, как было сказано, “будет продолжаться десятки лет или даже дольше”, и во время которого “существует классовая борьба между пролетариатом и буржуазией и борьба между капиталистическим и социалистическим путем. Мы не располагаем прямыми возражениями Лю. Мы можем, однако, считать выражением альтернативной позиции недавно опубликованный в СССР анализ отношений между социалистической системой и мировым развитием. Там было признано, что в некий неуточненный момент после Второй мировой войны “социализм перерос границы одной страны и стал мировой системой”. Далее утверждается, что “капитализм, возникший в XVI в., стал мировой экономической системой только в XIX в. Буржуазным революциям потребовалось 300 лет на то, чтобы покончить с властью феодальной элиты. Социализму потребовалось 30 или 40 лет для того, чтобы собрать силы для новой мировой системы”. Наконец, в книге говорится о “капиталистическом международном разделении труда” и “международной социалистической кооперации труда” как о двух отдельных явлениях, из этой противоположности выводится политическое заключение: “Единство социалистической системы серьезно пострадало от раскольнического курса, проводимого руководством Китайской Народной Республики”, этот курс определяется как “великодержавный шовинизм Мао Цзэдуна и его груп-

пы”. Обратите особое внимание на контраст между этими двумя позициями. Мао Цзэдун вел дискуссию, исходя из видения “социалистического общества” скорее как процесса, чем как структуры. Как Франк и Суизи, и вновь скорее неявно, чем определенно. Он берет для анализа в качестве целого скорее миросистему, чем национальное государство. Анализ, проводимый советскими учеными, напротив, особо доказывает наличие двух мировых систем с двумя разделениями труда, существующими бок о бок, хотя признавалось, что социалистическая система “разделена”. Если она разделена политически, объединена ли она экономически? Нужно думать, что едва ли. На основании чего же в таком случае доказывается существование системы? Или это только моральный императив? И означает ли это, что советские ученые строят свои концепции на основе метафизики Канта? Давайте посмотрим теперь, не сможем ли мы интерпретировать вопросы, затронутые в двух этих дискуссиях, в рамках общей системы концепций, которая могла бы быть использована для анализа функционирования миросистем, и особенно исторически специфической капиталистической мироэкономики, которая к настоящему моменту существует уже четыре или пять столетий. Мы должны начать с того, как доказывается существование единого разделения труда. Мы можем рассматривать разделение труда как сеть взаимозависимостей. Экономические акторы действуют в некоем допущении (очевидно, редко ясном для каждого из них), что целостность их существенных потребностей — в поддержании жизни, защите и удовольствии — будет удовлетворена в разумные по длительности сроки комбинацией их собственных производственных усилий и обмена в той или иной форме. Сеть взаимозависимостей наименьшего размера, которая в основном удовлетворяла бы ожидания подавляющего большинства акторов в этих пределах, составляет единую систему разделения труда. Причина, по которой маленькая земледельческая община, единственная значимая связь которой с внеш-

ним миром состоит в выплате ежегодной дани, не может рассматриваться в качестве такой единой системы разделения труда, состоит в том, что человек, живущий в ней, ожидает обеспечения своей защиты в связи с “обменом” с другими частями мира-империи. Это понятие сети отношений обмена предполагает, однако, различие между существенными актами обмена и тем, что может быть названо актами обмена “предметами роскоши” (или “безделушками”). Несомненно, такое различие коренится в социальном восприятии акторов, причем связано как с их социальной организацией, так и с культурой. Восприятие может меняться. Но различие имеет значение, если мы не попадаем в ловушку отождествления любой деятельности по обмену с существованием системы. Составные части системы (будь то минисистема или миросистема) могут быть связаны ограниченными обменами с элементами, расположенными вне системы, во “внешней зоне” системы. Формы такого обмена очень ограничены. Элементы двух систем могут быть вовлечены в обмен безделушками. То есть каждый из них может экспортировать другим то, что в его системе социально оценивается как не имеющее большой цены, импортируя в обмен нечто, полагаемое весьма ценным. Это не просто педантическое упражнение в образовании терминов, поскольку обмен безделушками между миросистемами может быть чрезвычайно важным в исторической эволюции данной миросистемы. Причина, почему он так важен, состоит в том, что при обмене безделушками импортер стремится “сорвать куш”, а не стремится к получению нормальной прибыли. Оба партнера по обмену могут одновременно гнаться за удачей, но лишь один при этом получает максимум прибыли, в то время как обмен прибавочной стоимостью внутри системы — игра с нулевой суммой. Мы подходим, как вы видите, к существенной черте капиталистической мирэкономике, состоящей в производстве для продажи на рынке, где цель состоит в получении максимальной прибыли. В такой системе

производство постоянно расширяется, пока рост производства остается прибыльным, и люди постоянно обновляют способы производства вещей, чтобы расширить пределы прибыльности. Экономисты-классики пытались доказать, что такое рыночное производство является неким “естественным” состоянием человека. Но сочетание трудов антропологов и марксистов оставило мало сомнений, что такой способ производства (в наше время называемый “капитализмом”) был лишь одним из нескольких возможных способов. Поскольку, однако, интеллектуальные споры между либералами и марксистами происходили в эру промышленной революции, *de facto* появилась тенденция к смешению капитализма и общества с господством промышленности. После 1945 г. это поставило либералов перед дилеммой, потребовалось объяснение, каким образом стало индустриальным некапиталистическое, по видимому, общество — СССР. Наиболее изощренный ответ состоял в доказательстве, что “либеральный капитализм” и “социализм” были двумя вариантами “индустриального общества”, обреченными на “конвергенцию”. Этот аргумент был ярко изложен Раймоном Ароном. Но то же самое смешение поставило марксистов, в том числе и самого Маркса, перед проблемой объяснения, что за способ производства господствовал в Европе с XVI по XVIII в., то есть до промышленной революции. Большинство марксистов говорили о “переходной” стадии, что на самом деле является размытым понятием-пустышкой без операциональных указателей. Эта дилемма становится еще более острой, если в качестве единицы анализа берется государство, в этом случае приходится объяснять, почему в разных странах переход происходил в разное время и с разной скоростью. Сам Маркс справлялся с этим, прописав различие между “торговым капитализмом” и “промышленным капитализмом”. Это, я полагаю, неудачная терминология, так как она ведет к заключениям типа того, которое Морис Дobb делает о “переходном” периоде: “Но почему о нем вообще надо говорить как

о стадии капитализма? Работники в общем еще не были пролетаризованы: то есть они не были отделены от орудий труда, а во многих случаях и от занимаемого ими участка земли. Производство было рассеянным, децентрализованным и неконцентрированным. Капиталист все еще был главным образом торговцем... который не осуществлял прямого контроля за производством и не навязывал своей собственной дисциплины труда ремесленникам, которые работали как индивидуальные (или семейные) предприятия и сохраняли значительную степень независимости (пусть и постоянно уменьшающейся)". Можно задать вопрос: как это так? Особенно если вспомнить, как несколькими страницами раньше Добб подчеркивал, что капитализм — это способ производства (как же тогда капитализм может быть главным образом торговым?), что он основан на концентрации собственности в руках немногих, что капитализм — не синоним частной собственности и отличается от системы, в которой собственниками являются "мелкие производители — крестьяне или ремесленники". Добб доказывает, что определяющая черта частной собственности при капитализме состоит в том, что одни "обязаны [работать на тех, кто является собственниками], поскольку [сами не владеют] ничем и [не имеют] доступа к средствам производства [и поэтому] не имеют иных средств к жизни". Принимая во внимание это противоречие, даваемый Доббом ответ на его собственный вопрос является, на мой взгляд, чрезвычайно слабым: "Хотя верно, что ситуация в это время была переходной, и отношения наемный труд — капитал еще не развились до зрелости, тем не менее они уже начали приобретать свои характерные черты". Если капитализм — это способ производства, производства для извлечения прибыли на рынке, тогда мы должны, я полагаю, рассмотреть, существовало или нет такое производство. На самом деле оказывается, что существовало, и в весьма реальной форме. Однако большей частью это не было промышленное производство. То, что происходило в Европе с XVI по XVIII в., может

быть описано следующим образом. В большом географическом районе, в Европе от Польши на северо-востоке к западу и юго-западу, а также в значительной части Западного полушария рос мир-экономика с единым разделением труда, внутри которого был мировой рынок, на который люди производили главным образом сельскохозяйственные продукты, чтобы продавать их и получать прибыль. Я бы полагал, что проще всего назвать это аграрным капитализмом. Это, помимо прочего, разрешает проблему, порожденную неправильным использованием понятия наемного труда как определяющей характеристики капитализма. Индивид не становится в меньшей степени капиталистом, эксплуатирующим труд, если государство помогает ему платить своим работникам низкую зарплату (в том числе и натурой) и отрицает за работником право сменить место занятости. Рабство и так называемое "второе издание крепостного права" не следует оценивать как аномалии в капиталистической системе. Скорее так называемый крепостной в Польше или индеец в испанской энкомьенде в Новой Испании в мире-экономике XVI в. работали на землевладельца, который "платил" им (при всей эвфемистичности этого термина) за производство урожая на продажу. Это отношение, в котором рабочая сила выступает в качестве товара (где это может проявляться сильнее, чем при рабстве?), совершенно отличное от отношения феодала к своему сеньеру в Бургундии XI в., где экономика не была ориентирована на мировой рынок и где рабочая сила (именно из-за этого?) ни в каком смысле не покупалась и не продавалась. Капитализм, таким образом, совершенно точно означает труд как товар. Но в эпоху аграрного капитализма наемный труд — лишь один из способов привлечения и возмещения труда на рынке труда. Рабство, принудительное производство урожая на продажу (мое название для так называемого "второго феодализма"), издольщина и аренда — все это альтернативные способы. Было бы слишком долго рассматривать здесь условия, в кото-

рых различные регионы мираэкономки приходили к специализации на различных видах сельскохозяйственной продукции, — я сделал это в другом месте. Что нам необходимо отметить сейчас — эта специализация произошла в специфических и отличающихся друг от друга географических регионах мира-экономики. Эта региональная специализация пришла как результат стремления акторов на рынке уйти от нормального функционирования рынка повсюду, где оно не приводило к максимизации их прибыли. Попытки этих акторов использовать нерыночные средства для обеспечения краткосрочных прибылей заставляло их обращаться к политическим общностям, которые на самом деле обладали необходимой мощностью, чтобы воздействовать на рынок — к нациям-государствам. (Вновь возникающий вопрос — почему на этой стадии развития они не могли обратиться к городам-государствам — вовлек бы нас в долгое обсуждение, но оно несомненно должно было бы касаться состояния военной и морской технологии, потребности европейцев XV в. в заморской экспансии, если они хотели сохранить уровень доходов различных групп аристократии, в сочетании с состоянием политической дезинтеграции, в которое Европа впала в Средние века.) В любом случае местные капиталистические классы — землевладельцы, производящие зерно на продажу (часто, и даже обычно, представители знати), и купцы — обращались к государству не только чтобы освободиться от нерыночных ограничений (как традиционно подчеркивала либеральная историография), но и чтобы создать новые ограничения на новом рынке, рынке европейского мира-экономики. Серией случайностей — исторических, экологических, географических — северо-западная Европа оказалась в XVI в. лучше приспособленной, чем другие части Европы, чтобы разнообразить свою сельскохозяйственную специализацию, добавив к этому и кое-какую промышленность (текстиль, кораблестроение, металлообработку). Северо-западная Европа возникла в качестве сердцевинной зоны этого мира-

экономики, специализирующейся на сельскохозяйственном производстве, требующем более высокого уровня квалификации, что способствовало (по причинам, вновь слишком сложным, чтобы объяснить их здесь) развитию аренды и наемного труда как форм контроля над трудом. Восточная Европа и Западное полушарие стали периферийными зонами, специализирующимися на экспорте зерна, драгоценных металлов, дерева, хлопка, сахара — все это благоприятствовало использованию рабства и барщины как форм контроля над трудом. Европейское Средиземноморье стало полупериферийной зоной этого мира-экономики, специализирующейся на дорогой промышленной продукции (например, шелк), кредитной деятельности и транзакциях со специями, что имело своим следствием развитие в сельскохозяйственных районах издольщины как формы контроля над трудом и небольшой экспорт в другие регионы. Три структурные позиции мира-экономики — сердцевина (центр), периферия и полупериферия — стабилизировались примерно к 1640 г. Как конкретные районы вошли в определенные зоны, а не в другие — долгая история. Ключевой факт состоял в том, что в северо-западной Европе изначально заданные легкие отличия совпали с интересами различных местных групп, приведя к развитию сильного государственного механизма, а в периферийных районах они остро разошлись, приведя к ослаблению государственного механизма. Как только мы получили разницу в силе государственных машин, в действие вступил “неравный обмен”, навязываемый сильными государствами слабым, государствами сердцевины периферийным регионам. Таким образом, капитализм использует не только присвоение собственником прибавочной стоимости, производимой работником, но и присвоение зоной сердцевины прибавочной стоимости, производимой в мироэкономке в целом. В раннем средневековье, конечно же, существовала торговля. Но она была в основном либо “локальной”, в районе, который можно рассматривать как “расширенное поместье”, или же

“дальней”, преимущественно предметами роскоши. Не существовало обмена “основными” товарами в районах промежуточной протяженности и, соответственно, производства для таких рынков. Позже в Средние века можно говорить о появлении миров-экономик — один с центром в Венеции и второй — с центром в городах Фландрии и Ганзы. По различным причинам эти структуры сильно пострадали от потрясений (экономических, демографических и экологических) периода 1300–1450 гг. И лишь с созданием европейского разделения труда после 1450 г. капитализм обрел прочные корни. Капитализм изначально был явлением мироэкономики, а не национальных государств. Результат неправильной оценки ситуации — заявлять, что капитализм стал “всемирным” явлением только в XX в., хотя такое заявление часто делается в различных работах, особенно марксистами. Типичный образец такой аргументации — ответ Шарля Беттельгейма Арриги Эммануэлю в дискуссии о неравном обмене: “Тенденция капиталистического способа производства к превращению во всемирный проявляется не только через конституирование группы национальных экономик, которые формируют сложную иерархическую структуру, включая империалистический полюс и полюс, находящийся под господством первого, и не только через антагонистические отношения, развивающиеся между различными “национальными экономиками” и различными государствами, но и через постоянное “преодоление” “национальных пределов” крупным капиталом (формирование “международного крупного капитала”, “всемирных фирм” и т. д.)”. Весь тон этих замечаний игнорирует тот факт, что капитал никогда не ограничивал своих устремлений национальными границами в капиталистической мироэкономике и что создание “национальных” барьеров — в общем виде в форме меркантилизма — исторически были защитным механизмом капиталистов в странах, находящихся уровнем ниже, чем высшие пункты силы в системе. Это был случай Англии по отношению к

Нидерландам в 1660–1715 гг., Франции по отношению к Англии в 1715–1815 гг., Германии по отношению к Великобритании в XIX в., Советского Союза по отношению к США в XX в. В ходе такого процесса большое число стран создало национальные экономические барьеры, последствия чего часто выходили далеко за пределы своих первоначальных целей. В конце концов те же самые капиталисты, которые оказывали давление на свои национальные правительства в пользу введения ограничений, сейчас находят эти ограничения сдерживающими развитие. Это не “интернационализация” “национального” капитала. Это просто новая политическая потребность определенных секторов капиталистических классов, которые в любой момент времени должны стремиться к максимизации своих прибылей на реальном экономическом рынке, рынке мира-экономики».

Вопросы:

- 1. В чем сила марксизма как научной теории и слабость как официальной доктрины?*
- 2. В чем проблема понятия стадий развития?*
- 3. Как трактует автор понятия «мини-системы», «мир-система», «мир-империя»?*
- 4. Что является единственным видом современной социальной системы?*
- 5. Как на примере Латинской Америки автор показывает несовершенство стадияльной теории?*
- 6. Что автор называет «ловушкой отказа от анализа целостностей», каковы ее последствия?*
- 7. Что заимствовано Валлерстайном из марксизма и в чем его новаторство?*
- 8. Классовая борьба, революция, стадии развития общества, общественно-экономическая формация, капитализм — в чем особенность критики и понимания И. Валлерстайном этих терминов?*
- 9. Структурные элементы мир-экономики по Валлерстайну?*
- 10. Когда капитализм стал «всемирным явлением»?*

Раздел 4.
Ознакомьтесь с отрывками из
произведений, посвященных изучению
факторов исторического развития
и ответьте на вопросы

4.1.

Монтескье, Ш. Л. О духе законов / Ш. Л. Монтескье. – Москва : Мысль, 1999. – С. 198–209.

«Книга четырнадцатая.

О законах в их отношении к свойствам климата

Насколько люди различны в различных климатах. Холодный воздух производит сжатие окончаний внешних волокон нашего тела, отчего напряжение их увеличивается и усиливается приток крови от конечностей к сердцу. Он вызывает сокращение этих мышц и таким образом еще более увеличивает их силу. Наоборот, теплый воздух ослабляет наружные волокна, растягивает их и, следовательно, уменьшает их силу и упругость. Поэтому в холодных климатах люди крепче. Деятельность сердца и реакция окончаний волокон там совершаются лучше, жидкости находятся в большем равновесии, кровь энергичнее стремится к сердцу, и сердце в свою очередь обладает большей силой. Эта большая сила должна иметь немало последствий, каковы, например, большее доверие к самому себе, т. е. большее мужество, большее сознание своего превосходства, т. е. меньшее желание мстить, большая уверенность в своей безопасности, т. е. больше прямоты, меньше подозрительности, политиканства и хитрости. Поставьте человека в жаркое замкнутое помещение, и он по вышеуказанным причинам ощутит очень сильное расслабление сердца. И если бы при таких обстоятельствах ему предложили совершить какой-нибудь отважный поступок, то, полагаю, он выказал бы очень мало расположения к этому. Расслабление лишает его душевной бодрости, он будет бояться всего, потому что будет чувствовать себя ни к чему не способным.

Народы жарких климатов робки, как старики; народы холодных климатов отважны, как юноши. Обратив внимание на последние войны, которые по своей близости к нам позволяют подметить некоторые легкие и незаметные издала влияния, мы увидим, что народы севера, сражаясь в южных странах, не совершили там таких прекрасных подвигов, как их соотечественники, которые, сражаясь в своем родном климате, обладали всем своим мужеством. Благодаря силе своих мышц народы севера извлекают из пищи самые грубые соки. Отсюда два последствия: во-первых, частицы лимфы вследствие их значительного размера крепче удерживаются в волокнах и лучше питают их, во-вторых, по причине своей грубости они менее способны придавать некоторую остроту нервному соку, поэтому у этих народов будут крупные тела и мало живости. Нервы, которые со всех сторон примыкают к нашей кожной ткани, соединены в нервные пучки. Обыкновенно возбуждается не весь нерв, а лишь бесконечно малая часть его. В жарких климатах, где кожная ткань ослаблена, концы нервов развернуты и доступны самому слабому действию самых ничтожных предметов. В холодных странах кожная ткань сокращена, бугорки ее сжаты и малые нервные клеточки как бы парализованы; впечатление доходит до мозга лишь в том случае, если оно чрезвычайно сильно и овладевает всем первым целиком. Но известно, что воображение, вкус, чувствительность и живость зависят от восприимчивости к бесконечному множеству малых впечатлений. ...В холодных климатах чувствительность человека к наслаждениям должна быть очень мала, она должна быть более значительна в странах умеренного климата и чрезвычайно сильна в жарких странах. Подобно тому как различают климаты по градусам широты, их можно было бы различать, так сказать, и по степеням чувствительности людей... Так обстоит дело и с ощущением боли: она возбуждается в нас разрывом волокон нашего тела. Создатель природы устроил так, что боль ощущается тем сильнее, чем значительнее эти разрывы. Но оче-

видно, что массивные тела и грубые волокна народов севера способны подвергаться такому расстройству менее, чем нежные волокна народов жарких стран, душа их поэтому менее чувствительна к ощущению боли. Чтобы пробудить в москвите чувствительность, надо с него содрать кожу... В северных странах организм здоровый, крепко сложенный, но тяжеловесный, находит удовольствие во всякой деятельности, которая может расшевелить душу: в охоте, странствованиях, войне, вине. В северном климате вы увидите людей, у которых мало пороков, немало добродетелей и много искренности и прямоты. По мере приближения к югу вы как бы удаляетесь от самой морали: там вместе с усилением страстей умножаются преступления, и каждый старается превзойти других во всем, что может благоприятствовать этим страстям. В странах умеренного климата вы увидите народы, непостоянные в своем поведении и даже в своих пороках и добродетелях, так как недостаточно определенные свойства этого климата не в состоянии дать им устойчивость. В климате чрезмерно жарком тело совершенно лишается силы. Тогда расслабление тела переходит и на душу: такой человек ко всему равнодушен, не любопытен, не способен ни на какой благородный подвиг, ни на какое проявление великодушия, все его склонности приобретают пассивный характер, лень становится счастьем, там предпочитают переносить наказания, чем принуждать себя к деятельности духа, и рабство кажется более легким, чем усилия разума, необходимые для того, чтобы самому управлять собою.

...Индийцы от природы лишены мужества, даже европейцы, рожденные в Индии, утрачивают мужество, свойственное европейскому климату. Но как совместить с этим их жестокость, их обычаи и варварские наказания? Мужчины там подвергают себя невероятным мучкам, а женщины сами себя сжигают: вот сколько силы при такой слабости. Природа, которая дала этим людям слабость, делающую их робкими, наделила их вместе с тем столь живым воображением, что все поражает их

сверх меры. Та же самая чувствительность органов, которая заставляет их бояться смерти, заставляет их страшиться многого более смерти. И та же самая чувствительность, которая заставляет их избегать опасностей, даст им силу презирать эти опасности. Подобно тому как хорошее воспитание более необходимо для детей, чем для людей зрелого ума, народы этих климатов более нуждаются в мудрых законодателях, чем народы нашего климата. Чем люди впечатлительнее, тем важнее, чтобы получаемые ими впечатления были правильными, чтобы они не усваивали предрассудков и чтобы ими руководил разум. Во времена римлян народы Северной Европы жили без ремесел, без воспитания и почти без законов; и тем не менее благодаря одному лишь здравому рассудку, связанному с грубыми волокнами тела жителей этих климатов, они с удивительной мудростью противостояли римскому могуществу и, наконец, вышли из своих лесов, чтобы разрушить его. ... Если к этой нежности органов, благодаря которой народы Востока получают самые сильные в мире впечатления, вы присоедините некоторую лень ума, естественно, связанную с такою же ленью тела, что делает их неспособными ни к какому подвигу, ни к какому усилию, ни к какому самообладанию, вы поймете, почему душа их, раз восприняв те или иные впечатления, не может уже более изменить их. Вот отчего законы, нравы и обычаи, относящиеся даже к таким, по-видимому, безразличным вещам, как одежда, остаются и теперь на Востоке такими, какими они были тысячу лет тому назад...

В этих странах, где чрезмерная жара обессиливает и подавляет людей, покой доставляет такое наслаждение, а движение так тягостно, что эта метафизическая система кажется вполне естественной. Будда... законодатель Индии, следовал внушению собственных чувств, рекомендуя людям состояние полной пассивности, но его учение, порожденное созданной климатом ленью и в свою очередь поощряющее эту лень, причинило неисчислимое зло. Законодатели Китая проявили более здравого смысла: имея в виду не то

состояние покоя, к которому некогда придут люди, а ту деятельность, которая им необходима для выполнения житейских обязанностей, они дали своей религии, своей философии и своим законам чисто практическое направление. Чем более физические причины склоняют людей к покою, тем более должны удалять их от него причины моральные...

Земледелие — самый важный труд людей. Чем более климат побуждает их избегать этого труда, тем более должны поощрять их к нему религия и законы. Поэтому законы Индии, которые отдают земли государям и лишают частных лиц духа собственности, усиливают неблагоприятное влияние климата, то есть, производимую им лень.

...Такое же зло производит там и монашество. Оно родилось в жарких странах Востока, где люди более склонны к созерцанию, чем к деятельности...

...ленивые нации обыкновенно отличаются тщеславием. Можно было бы обратить следствие против его причины и бороться с ленью посредством тщеславия. На юге Европы, где народы так чувствительны к почестям, следовало бы назначать премии наиболее отличившимся в своем деле земледельцам и ремесленникам. Эта мера хороша даже для всякой страны. В наши дни она способствовала учреждению в Ирландии одной из самых значительных во всей Европе мануфактур полотна...

О законах, относящихся к трезвости народов. В жарких странах водянистая часть крови сильно улетучивается вследствие испарения и ее нужно восполнять подобною же жидкостью. Поэтому вода там в большом употреблении; крепкие же напитки произвели бы там сгущение кровяных шариков, которые остаются после испарения водянистых частей крови. В холодных странах водянистая часть крови испаряется слабо, она остается в крови в избытке, поэтому там можно употреблять спиртные напитки, не опасаясь сгущения крови. Там тела переполнены влагой, и крепкие напитки, усиливающие движение крови, не будут не-

уместны. Закон Магомета, запрещающий пить вино, является, таким образом, законом самого климата Аравии; известно, что вода и до Магомета была обычным напитком арабов. Карфагенский закон, запрещающий употребление вина, был тоже законом климата; и в самом деле, обе эти страны имеют почти одинаковый климат. Подобный закон не годился бы для холодных стран, где в силу климата развивается некоторое национальное пьянство, сильно отличающееся от пьянства отдельного лица. Пьянство распространено по всей земле в прямом отношении к холоду и сырости климата. Двигаясь от экватора к нашему полюсу, вы увидите, что пьянство возрастает вместе с градусами широты. Двигаясь от экватора к полюсу, противоположному нашему, вы увидите, что тут оно возрастает в направлении к югу, подобно тому как там возрастало в направлении к северу. Естественно, что там, где употребление вина противно климату, а следовательно, и здоровью, злоупотребление им наказывается строже, чем в странах, где дурные последствия пьянства не велики как для личности, так и для общества и где оно только дурманит людей, а не делает их свирепыми. Поэтому закон, каравший пьяного человека и за совершенный им проступок, и за его пьянство, касался только его личного, а не национального пьянства. Немец напивается по обычаю, испанец, — по личному желанию. В жарких странах вследствие расслабленного состояния волокон происходит сильное выделение жидкостей посредством испарения, но твердые части тела сохраняются лучше. Волокна, действующие вяло и с малым напряжением, почти не изнашиваются, и требуется немного питательных соков для их восстановления; поэтому люди там очень умеренны в пище. От различия в потребностях, порождаемого различием климатов, происходит различие в образе жизни, а от различия в образе жизни — различие законов. Для народа, у которого существует большое общение между людьми, нужны одни законы, для народа, у которого такого общения нет, — другие...

Следствия, вытекающие из климата для Англии. Для нации, у которой порождаемая климатом болезнь удручает душу до такой степени, что поселяет в нем отвращение ко всему на свете, вплоть до самой жизни, для людей, которым все стало невыносимо, наиболее подходящим образом правления был бы тот, при котором они не могли бы возлагать вину за свое несчастье на одно лицо, при котором страной управляют не столько люди, сколько законы, и потому для изменения государственного строя пришлось бы ниспровергать самые законы. И если бы при этом та же нация получила от климата некоторую нетерпеливость характера, которая не позволяла бы ей долго терпеть однообразие, то очевидно, что образ правления, о котором мы только что говорили, оказался бы для нее еще более подходящим. Эта нетерпеливость характера сама по себе еще не имеет большого значения, но в соединении с мужеством она может стать великим благом. Она не похожа на ту легкость, с которой люди принимают за дела неизвестно зачем и оставляют их неизвестно почему. Она ближе к настойчивости, потому что порождается таким живым ощущением зла, которое не притупляется даже привычкой терпеть его. Такой характер у народа свободного был бы очень большим препятствием для происков тирании, действия которой обыкновенно бывают столь же вялы и медлительны при ее начале, как они быстры и решительны в конце, которая начинает помогать одной рукой для того, чтобы вслед за тем угнетать всем бесчисленным множеством своих рук. Порабощению всегда предшествует усыпление. Но народ, который не знает покоя ни в каком положении, который постоянно как бы ощупывает себя, обнаруживая все свои больные места, такой народ не может поддаться сну. Политика — беззвучная пила, которая незаметно совершает свою работу и медленно достигает своей цели. Но люди, о которых мы только что говорили, не были бы в состоянии выдержать медлительность, мелочность хладнокровных переговоров; тут они нередко оказывались бы слабее всякой другой

нации и могли бы утратить посредством своих трактатов то, что приобрели своим оружием.

...Другие следствия климата Наши отцы — древние германцы — жили в климате, где страсти людей не были бурными. В своих законах они принимали вещи такими, какими видели их, не давая простора собственной фантазии. Судя об обидах, нанесенных мужчинам, по величине полученных ими ран, они с той же простотой оценивали и обиды, нанесенные женщинам. Очень своеобразен в этом отношении закон алеманнов. За обнажение головы женщины надо было платить штраф в шесть солидов, за обнажение ее ноги до колена — столько же и вдвое больше — за обнажение выше колена. Кажется, закон измерял величину оскорбления, нанесенного женщине, так, как измеряют величину геометрической фигуры: он наказывал не преступление воображения, а преступление глаз. Но когда одна из германских наций переправилась в Испанию, климат этой страны внушил ей совсем иные законы. ...законы эти отнеслись с величайшим вниманием к поведению обоих полов. Но, судя по установленным ими наказаниям, они, кажется, стремились более удовлетворять требования личной, чем общественной, мести. Так, в большинстве случаев они отдавали обоих виновных в рабство родителям или оскорбленному супругу. Свободнорожденная женщина, отдавшаяся женатому человеку, предоставлялась в полное распоряжение его супруги. Эти законы обязывали рабов связать и привести к мужу женщину, застигнутую ими во время прелюбодеяния. Они разрешали детям этой женщины обвинять свою мать и подвергать ее рабов пытке, для того чтобы уличить ее. Поэтому эти законы были более пригодны для утонченной разработки определенного вопроса чести, чем для должной охраны нравов. ...Нет ничего удивительного и в том, что при подобном состоянии нравов мавры так легко смогли поселиться в Испании, удержаться там и замедлить падение своей империи.

...О влиянии климата на доверие законодателей и

народу. Японский народ обладает таким свирепым характером, что его законодатели и правители не могли питать к нему никакого доверия. Они говорят ему только о суждениях, угрозах и наказаниях. Японец и шагу не может ступить без полицейского надзора. Эти законы, которые из пяти глав семейства ставят одного как бы правителем над четырьмя прочими, эти законы, которые за одно преступление карают всю семью или целый квартал, эти законы, для которых нет невинных там, где имеется хотя бы один виноватый, эти законы созданы для того, чтобы люди не доверяли друг другу, чтобы каждый следил за поведением другого и был для него сыщиком, свидетелем и судьей. Индийский народ, напротив, кроток, нежен и сострадателен, поэтому его законодатели выказали к нему большое доверие. Они установили немного наказаний, и притом не очень строгих и не со всей строгостью применяемых. Они поручили племянников дядям и сирот — опекунам, как у других поручают детей их отцам: они основали право наследования на признании наследника достойным. Кажется, что они думали, что каждый гражданин должен полагаться на природные добрые качества прочих граждан. Они охотно отпускают на волю своих рабов, они женят их, они обращаются с ними, как со своими детьми. Счастливый климат, который порождает чистые нравы и производит кроткие законы!»

Вопросы:

1. Как связывает Монтескье среду проживания, климат и физиологические и психические особенности человека?
2. Как влияет климат на особенности быта, общественного строя и законы?
3. Какие примеры воздействия климата на особенности исторического развития стран Востока приводит автор?
4. Какие примеры воздействия климата на европейскую историю приводит автор?

4.2.

Чижевский, А. Физические факторы исторического процесса. Влияние космических факторов на поведение организованных человеческих масс и на течение всемирно-исторического процесса, начиная с V в. до Р. Х. и по сие время. Краткое изложение исследований и теории / А. Чижевский. – Калуга : 1-я Гостиполитография, 1924. – С. 7–28.

«Необходимо отметить и тот факт, что сфера точных дисциплин совершенно не коснулась истории в целом даже в то время, когда она проникла в области психологии, подчиняя процессы сознания физико-математическим законам... И опять-таки главной причиной отсутствия подобных исследований надо признать слепое, но общее убеждение в независимости психической и социальной деятельности человека от каких-либо физико-химических явлений в окружающем его мире.

Однако, современная наука стремится свести психологические явления на процессы физиологические, в которых ищет и находит физико-химическую основу, а в последней — механику элементарных частиц. Это обстоятельство позволяет глубже проникнуть в сущность психической жизни, тесно связанной с жизнью целого организма и окружающего его внешнего мира.

Поэтому не должны ли быть приложены к изучению исторического процесса и социальной эволюции методы и принципы физики и математики? Владения физики — вся вселенная, вся целиком, а потому физика должна сказать свое слово при рассмотрении любого в мире вопроса.

Она должна осветить лицо истории своими законами о веществе, связать человека с человеком, человечество с природою путем установления для органических существ законов, аналогичных законам неорганического мира. Математика в теоретическом синтезе должна выявить формы исторических явлений и вскрыть исторические пути народов и человечества. Современная точная наука мало-помалу уже вступает на этот путь. Успехи биофизики в течение последних десятилетий

начинают лишать человека и его мыслительные процессы того таинственного ореола, которым они были окружены столько тысячелетий. Это происходит вследствие слияния наук воедино на почве физико-математического анализа. Последний, будучи приложен к исследованию психических процессов, постепенно устраняет заблуждения о сверхъестественном происхождении сознания, функции которого выражаются в физико-химических превращениях и подчиняются математическим формулам. Таким образом, человеческая воля становится доступной опыту, и сам человек из сферы чудес переводится в ряд закономерных физико-химических явлений природы.

Между последними существуют никогда не прерывающиеся связи и постоянные взаимодействия, а потому и всякое явление природы находится в зависимости от влияний окружающей его среды: в жизни природы все последовательно и все сопричинно связано между собою. Мир есть сложная система зависимых переменных, а не музей отдельных явлений, не перечень неподвижных фактов.

В свете современного научного мировоззрения судьбы человечества, без сомнения, находятся в зависимости от судеб вселенной. И это есть не только поэтическая мысль, могущая вдохновлять художника к творчеству, но истина, признание которой настоятельно требуют итоги современной точной науки. В той или иной степени всякое небесное тело, перемещающееся в пространстве относительно Земли, при своем движении, оказывает известное влияние на распределение силовых линий магнитного поля Земли, внося этим различные изменения и пертурбации в состояние метеорологических элементов и воздействуя на ряд других явлений, развивающихся на поверхности нашей планеты. Кроме того, состояние Солнца, первоисточника всякого движения и всякого дыхания на Земле, находится в известной зависимости от электромагнитной жизни мира вообще и, в частности, от положения других небесных тел.

Не связывает ли это изумительно тонкими, но в то же время величественными связями интеллектуальное развитие человечества с жизнедеятельностью целой вселенной? Мировой процесс, охватывающий все стороны неорганической и органической Эволюции, представляет собою явление вполне закономерное и взаимозависимое во всех своих частях и проявлениях. Изменение одних частей, центральных и управляющих, влечет за собою соответственное изменение всех частей, периферических и подчиненных.

Включая человека и его психическую деятельность в область обычных явлений природы, современная наука тем самым дает основания предполагать некоторую зависимость, существующую между проявлениями интеллектуальной и социальной деятельности человека и рядом мощных явлений окружающей его природы. Жизнь Земли, всей Земли, взятой в целом, с ее атмосферой и литосферой, а также со всеми растениями, животными, и со всем населяющим Землю человечеством мы должны рассматривать, как жизнь одного общего организма.

Став на такую точку зрения, следует уже а priori допустить, что важнейшие события в человеческих сообществах, охватывающие при участии народных масс целые страны, протекают одновременно с какими-либо колебаниями или изменениями сил окружающей природы. Действительно, всякое массовое общественное событие есть весьма сложный комплекс. Расчленив этот комплекс на несколько частей, простых и ясных, а затем упростить понимание явлений — вот главнейшая задача естественно-исторического знания.

Нами было произведено исследование хода исторических явлений в связи с периодической деятельностью Солнца... Здесь мы изложили предложенную нами теорию периодических изменений поведения организованных масс, одновременных с периодическими изменениями в деятельности Солнца, а также принципы открытого нами одиннадцатилетнего цикла общечеловеческой, коллективной и индивидуальной,

военно-политической и творческой активности. Кроме того, мы установили основную и первую измерительную единицу отсчета времени исторического процесса и наметили пути к обнаружению физических законов, управляющих ходом социальной эволюции...

Люди всегда чувствовали свою зависимость от Солнца, они угадывали, что судьбы Земли тесно связаны с судьбами Солнца. Поэтому нет ничего удивительного в том, что издревле человек признавал источник света, тепла и жизни своим главным богом и представлял его в антропоморфических и зооморфических образах. Богом Солнца индусов был Сурья и Савитар; персов — Ормузд; ассирийян — Издубар и Нимрод; вавилонян — Мардук; египтян — Озирис, Пта, Ра; финикийян — Геракл; греков — Апполон, Гелиос, Феб; скандинавов — Один; германцев — Бальдер; славян — Дажь-бог, Хор, Велес, Бел-бог и т. д.

Религии древнего Востока, культы Греции и Рима, культы Мексики и Перу, наконец, религии литовцев, славян, германцев и других народов создавали секты поклоняющихся Солнцу и огню, как земному прообразу первого. Огнепоклонничество развито было в Индии и Персии. Гимны Риг-Веды, сложенные в незапамятные времена, воспевают бога Агни (ignis-огонь); культ огня мы находим в учении Зороастра. Славянские праздники — коляда, праздник Марены, купала сопряжены с языческими обрядами поклонения Солнцу... Таким образом, учение о действии центрального вечно животворящего огня, как первоисточника всего существующего и первичной субстанции, занимает главное место во всех мифологиях, натурфилософиях и искусствах народов старого мира.

Солнце служило воплощением идеи мощи красоты и плодородия. Греки называли его Гелиос, считая Солнце за основное проявление жизни, за сердце мира, все оживляющее своими лучами. Вспомним великую мудрость надписи на древнем храме Дианы в Эфесе: "... лишь Солнце своим сияющим светом дарит жизнь!" Через всю древнюю словесность, средневековую и но-

вую поэзию слышится неумолкающий гимн нашему светилу, хвалебная песня, которая, наконец, в словах умирающего Тернера обращается в молитву: the Sun is God! А в наши дни один выдающийся французский астроном, учитывая, на основании данных точной науки, величайшее влияние Солнца на Землю и человека, предложил французскому астрономическому обществу ходатайствовать перед своим правительством об учреждении всеобщего ничтожного по размеру, но справедливого по существу налога для работ по изучению Солнца, ибо зависимость человека от Солнца не имеет границ: "Солнце одинаково светит всем и возвращает посевам всех, потому, а priori, представляется справедливым, чтобы все люди вносили свою лепту на солнечные исследования".

Но что такое климат? Под этим именем нужно понимать среднее состояние метеорологических факторов, создающее те или иные условия существования представителям органического мира. Понятие "климат" тесно связано с понятием "жизнь", и рассматривать климатические условия можно лишь по отношению к растительному или животному миру... Свойства земной поверхности и состояние атмосферы имеют на климат значительное воздействие. Но главным фактором климата, основным его элементом все же является лучистая энергия. Великое разнообразие органической жизни на земной поверхности вызывается теми потоками энергии, которые врываются в атмосферу в форме солнечного излучения. Стоит ли останавливаться на давно и хорошо всем известной истине, что Солнце представляет собою единственный источник для всех форм энергии, которую мы наблюдаем в жизни природы, начиная от нежного движения зефира и произрастающих семян растений и кончая смерчами и ураганами, и умственной деятельностью человека. Все это — работа Солнца, творчество Солнца.

С точки зрения современной науки, все самые разнообразные и разнохарактерные явления на Земле — и химические превращения земной коры, и динамика

самой планеты и составляющих ее частей, атмо-, гидро- и литосферы, протекают под непосредственным действием Солнца...

С изменением широты места и почвы изменяются ее производительные силы, степень ее населенности и т. д. Распределение на поверхности Земли растительных и животных видов находится в зависимости от географического положения... С несомненностью установлено, что зеленые растения получают необходимую им для жизни энергию прямо от Солнца, которое таким образом является основным источником их существования, способствуя приготовлению ими органических веществ из веществ неорганических. В этом заключается мировая функция зеленых растений, поддерживающих жизнь и развитие всего животного царства. Процесс фотосинтеза происходит в лаборатории хлорофилловых зерен... Солнечное тепло, освобождаемая в наших организмах, печах и топках машин обуславливает собою всякое наше движение и всякую работу, совершаемую на фабриках и заводах.

Затем, значение зеленых растений следует рассматривать еще с другой стороны — со стороны его космической роли; представляя из себя промежуточное звено между минералами и животными, растения опять таки при посредстве солнечной энергии завершают круг химических превращений и этим способствуют обороту веществ на Земле и замене углекислоты кислородом. Годовое потребление и израсходование атмосферного кислорода, по некоторым подсчетам, равно 400 миллиардам пудов. Увеличение числа особей животного и человеческого мира должно вызвать постепенное уменьшение запаса кислорода и увеличение количества углекислоты. Б. Вейнберг (1907 г.) пришел к заключению, что срок существования человечества при таких условиях не превысит 1000 лет.

...растения питают к Солнцу большую склонность. Животворящее влияние дневного светила лучше всего доказывается весенним пробуждением растительного мира, богатством и пышностью тропических форм.

Роскошь растительности прямо пропорциональна силе солнечного света — эти слова J. W. Draper'a звучат, как оправдавшееся пророчество. Зато на большую часть микроорганизмов свет оказывает губительное действие, изменяя внутри их химические процессы или нарушая химические процессы в окружающей их среде. Известно, что на свету, в присутствии кислорода, процессы окисления усиливаются, а в воздухе, под влиянием ультрафиолетовых лучей происходит образование перекиси водорода и озона. Следовательно, свет возбуждает дезинфицирующие свойства, оправдывая итальянскую поговорку: "Куда не заглядывает Солнце, туда является врач". Распределение животных, по Склэтеру (P. L. Sclater) и Альфреду Уоллесу (A. R. Wallace, 1822–1913), почти в равной степени зависит от географического фактора: в полярных и умеренных странах, согласно труда Уоллеса "Geographical distributions of animals" (1876), млекопитающих и птиц насчитывается 1/3 из всего числа высших животных. Физическое развитие человека и животных также обусловлено климатическими зонами. По этому поводу Исидор Сент-Илэр (Is. G. Saint-Hilaire в "Essais de Zoologie generale", 1841) говорит, что большая часть родов и видов достигает максимума роста в самых теплых странах и опускается до минимума в странах холодных. Для примера возьмем юг России: в большинстве случаев изолиния максимального среднего роста (169–170 ст.) человека налагается на изотерму +10 и + 15 С (Ивановский). Таким образом, эволюционная ступень представителей органического мира находится в известном соотношении со степенью силы и количества лучистой энергии Солнца, падающей на данный участок Земли...

Необходимо признать, что электрическая структура солнечной радиации, вскрытая недавними достижениями физики, должна оказывать на органический мир не только второстепенное, так сказать, способствующее воздействие, но энергия Солнца, по всему вероятно, и является основным фактором эволюции растительных

и животных организмов, — фактором, действующим постоянно в отношении к геологическому времени и географическому положению места. Может быть, причины органической эволюции, которую полагают возникающей спонтанно, заключаются в нарушениях физического состояния и химического состава внешней среды под влиянием резких колебаний или возмущений в природе, связанных с колебаниями в солнечной деятельности. Нарушения же во внешней среде, как мы увидим позже, влекут соответственные изменения в физике и химии органических существ.

Другой известный итальянский ученый — психиатр и криминалист Ломброзо (С. Lombroso, 1836—1910) в книге “*Jenio e follia*” собрал интересные данные о влиянии времени года, т. е. о влиянии большего или меньшего количества лучистой энергии Солнца, на состояние психических способностей человека. Он установил совпадения развития умопомешательства с резким повышением температуры весной и летом. Максимум “психических” заболеваний приходится на июль. Минимум на декабрь. То же говорит он и о гениальных умах, творческие силы которых достигают своего расцвета в мае и сентябре, минимум творческой деятельности приходится на зиму, когда эта деятельность вспыхивает лишь в теплые дни данного времени года. Следовательно, теплые и светлые месяцы и дни оказываются плодотворными, не только для растительной или животной природы, но равно и для человеческого ума. В самом деле, если мы проследим условия возникновения и развития цивилизаций, то ясно увидим, что величайшие центры умственной жизни человечества первоначально локализируются в местах с оптимумом температуры. Это распространяется на культуры: китайскую, вавилонскую, египетскую, индийскую, античную, арабскую.

Низшие же нецивилизованные племена и по сей день обитают либо в экваториальных, либо в полярных странах. Действительно, влияние географической широты в истории сказывается заметно. Так напр.,

цивилизованные и многолюдные города лежат между двумя крайними изотермическими линиями в +16 и +4. На главной оси климатического и цивилизованного пояса с изотермой в +10 лежат Чикаго, Нью-Йорк, Филадельфия, Лондон, Вена, Одесса, Пекин. Таким образом, среднему количеству лучистой энергии Солнца соответствует высшая раса и высшая культура; минимуму и максимуму сопутствует низшая раса и низшая культура. Силы внешней природы связывают или освобождают заложенную потенциально в человеке его духовную сущность и принуждают интеллект действовать или коснеть...

Не трудно учесть, какую огромную роль играет Солнце только как источник тепла и света в жизни всего органического мира: начиная с полюсов, по направлению к экватору, сопутствуя географическим широтам, вместе с увеличением количества падающей на Землю лучистой энергии Солнца, соответственно увеличивается скорость физико-химических реакций, подъем эволюционной лестницы растительного и животного царства, рост растений, животных и человека, скорость наступления половой зрелости, брачность, рождаемость и т. д.

Если постепенное изменение количества получаемой различными участками Земли лучистой энергии Солнца, вследствие шарообразной формы Земли и наклона ее оси, оказывает такое решительное влияние на общее развитие биопсихической и физической жизни планеты, то возникает вопрос: не отражаются ли на органической природе Земли также мощные колебания солнечной деятельности, связанные с выбрасыванием в пространство несчетных потоков электрических частиц солнечной материи и излучением электромагнитных волн?

Было ли констатированное нами в 1915 году явление соответствия простою случайностью или же, действительно, существовала какая-либо зависимость между явлениями на Солнце и военными событиями на Земле, но, заинтересовавшись этими странными со-

впадениями, мы еще тогда сделали первую попытку найти им то или иное объяснение. Полагая исходным пунктом развития всякого события в человеческих обществах центры высшей нервной деятельности, мы прежде всего остановились на вопросе о том, какое влияние может оказывать пятнообразование на поведение человека, который, несмотря на стратегические, дипломатические и пр. тормозы, стремится усилить свою военную или общественную деятельность одновременно с усилением деятельности нашего светила, затем, пользуясь астрономическими данными о Солнце и хронологией истории, можно легко было убедиться в замечательных совпадениях некоторых важнейших событий в жизни человечества за последние 300 лет с максимумами активности Солнца. Но последовавшие вскоре затем события надолго оторвали нас от текущих работ, прекратив выполнение плана намеченных нами исследований. Лишь когда несколько приутихли волнения последней революции, мы получили возможность подумать о независимой работе и возобновить в памяти главные положения нашей теории.

Не довольствуясь выясненными нами совпадениями деятельности Солнца и человека за сравнительно краткий период, мы решили проследить, существует ли та же зависимость и в более отдаленных от нас исторических эпохах. Эта работа сравнений, как увидим ниже, способствовала установлению некоторых чрезвычайно важных фактов, положенных нами в фундамент нового представления о развитии общественных событий и течении исторического процесса.

Прежде всего, нам пришлось обратиться к источникам, свидетельствующим о состоянии солнцедельности в историческую эпоху... Уже первые шаги в этом направлении открыли нам поистине изумительную картину: колебания исторического процесса оказались одновременными с колебаниями физико-химических процессов в солнечной материи. Дальнейшие работы показали, что хотя историческая жизнь человечества не утихает ни на минуту и постоянно вспыхивает то в

одном, то в другом участке Земли — в моменты максимумов солнцедельности она получает почти полное развитие по всей поверхности планеты.

Прежде всего, нам пришлось выработать метод статистического учета в равновеликих единицах и классификации исторических явлений с участием масс. Эта работа представила немало затруднений. Необходимо было разрешить вопрос о том, что принимать за единицу учета. Всякое историческое событие может рассматриваться, как по отношению к качеству (значение события в исторической жизни народа, его влияния на другие события и пр.), так и по отношению к количеству (напр., числа лиц, участвовавших в событии и т. д.). Однако, ни качественный, ни количественный учет всех событий оказался совершенно невозможен, ибо то, что можно было точно установить для одного события было недоступно для другого. Кроме того, ряд привходящих явлений (длительность событий, пространство, охваченное событием и т. п.), затрудняли установление интересующего нас признака события.

В целях подробного ознакомления с историей всех перечисленных народов, стран, государств были привлечены доступные нам в переживаемое время источники и пособия на древних и новых языках. Эта работа позволила, на основании количественных отношений, констатировать нижеследующие основные положения, характеризующие течение всемирно-исторического процесса:

1. На различных континентах Земли, в различных странах, у различных народов, зависящих или не зависящих один от другого в политическом при экономическом отношении, а равно и по отношению к занимаемой территории, главные моменты их исторической жизни, сопряженные с движением больших масс, стремятся быть синхроничными; количество протекающих одновременно в различных участках Земли исторических событий с приближением к максимуму солнцедельности постепенно увеличивается, достигая наи-

большого числа в эпохи максимумов, и уменьшается с приближением к минимуму. Это позволяет считать каждый цикл исторических событий всемирно-исторического процесса всеобщим.

2. В каждом столетии всеобщий цикл исторических событий повторяется ровно 9 раз. На всем протяжении всемирной истории человечества, начиная с 500 г. до Р. Хр. и по сие время в каждом веке нами обнаружено по 9-ти отчетливо обрисовывающихся концентраций начальных моментов исторических событий. Таким образом, можно считать, что каждый цикл всеобщей исторической, военной или общественной, деятельности человечества, равен в среднем арифметическом 11 годам.

3. Эпохи концентраций исторических событий разделены между собою эпохами, в течение которых количество вновь возникающих исторических событий падает до минимума.

4. Эпохи концентраций исторических событий совпадают с эпохами максимумов солнцедетельности; эпохи разряжения совпадают с эпохами минимумов...

5. Более или менее длительные исторические события, продолжающиеся в течение нескольких лет и получающие решительное проявление в эпоху максимума солнцедетельности, а также сопутствующая этим событиям эволюция идеологий, массовых настроений, протекают по всеобщему историческому циклу, претерпевая следующие ясно обнаруживаемые этапы: 1 период — минимальной возбудимости; 2 — нарастания; 3 — максимальной; 4 — падения. Эти четыре этапа ...стремятся быть вполне одновременными с соответствующими им эпохами солнцедетельности...».

Вопросы:

1. Как аргументирует А. Чижевский необходимость применения к изучению истории методов точных и естественных наук?

2. Как вы понимаете термин автора «историометрия»?

3. В чем проявляется влияние Солнца на ход истории человечества?

4. Что для А. Чижевского является «исходным пунктом развития всякого события в человеческих сообществах»?

5. Как использует автор метод статистического учета в своем исследовании?

6. Назовите основные положения концепции А. Чижевского о влиянии солнцедетельности на историю человечества.

4.3.

Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли. – Москва : Планета, 1990. – С. 3–62.

«...Здесь я перейду прямо к единовластному правлению и, держась намеченного выше порядка, разберу, какими способами государи могут управлять государствами и удерживать над ними власть. Начну с того, что наследному государю, чьи подданные успели сжиться с правящим домом, гораздо легче удержать власть, нежели новому, ибо для этого ему достаточно не преступать обычая предков и впоследствии без поспешности применяться к новым обстоятельствам. При таком образе действий даже посредственный правитель не утратит власти, если только не будет свергнут особо могущественной и грозной силой, но и в этом случае он отвоеует власть при первой же неудаче завоевателя.

У нас в Италии примером может служить герцог Феррарский, который удержался у власти после поражения, нанесенного ему венецианцами в 1484 году и папой Юлием в 1510-м, только потому, что род его истари правил в Ферраре. Ибо у государя, унаследовавшего власть, меньше причин и меньше необходимости притеснять подданных, почему они и платят ему большей любовью, и если он не обнаруживает чрезмерных пороков, вызывающих ненависть, то закономерно пользуется благорасположением граждан. Давнее и преемственное правление заставляет забыть о бывших некогда переворотах и вызвавших их при-

чинах, тогда как всякая перемена прокладывает путь другим переменам...

ГЛАВА XIV КАК ГОСУДАРЬ ДОЛЖЕН ПОСТУПАТЬ КАСАТЕЛЬНО ВОЕННОГО ДЕЛА

Таким образом, государь не должен иметь ни других помыслов, ни других забот, ни другого дела, кроме войны, военных установлений и военной науки, ибо война есть единственная обязанность, которую правитель не может возложить на другого. Военное искусство наделено такой силой, что позволяет не только удержать власть тому, кто рожден государем, но и достичь власти тому, кто родился простым смертным. И наоборот, когда государи помышляли больше об удовольствиях, чем о военных упражнениях, они теряли и ту власть, что имели. Небрежение этим искусством является главной причиной утраты власти, как владение им является главной причиной обретения власти. Франческо Сфорца, умея воевать, из частного лица стал Миланским герцогом, дети его, уклоняясь от тягот войны, из герцогов стали частными лицами. Тот, кто не владеет военным ремеслом, навлекает на себя много бед, и в частности презрение окружающих, а этого надо всемерно остерегаться, как о том будет сказано ниже. Ибо вооруженный несопоставим с безоружным и никогда вооруженный не подчинится безоружному по доброй воле, а безоружный никогда не почувствует себя в безопасности среди вооруженных слуг. Как могут двое поладить, если один подозревает другого, а тот в свою очередь его презирает. Так и государь, не сведущий в военном деле, терпит много бед, и одна из них та, что он не пользуется уважением войска и в свою очередь не может на него положиться.

Поэтому государь должен даже в мыслях не оставлять военных упражнений и в мирное время предаваться им еще больше, чем в военное. Заключаются же они, во-первых, в делах, во-вторых — в размышлениях. Что касается дел, то государю следует не только

следить за порядком и учениями в войске, но и самому почаще выезжать на охоту, чтобы закалить тело и одновременно изучить местность, а именно: где и какие есть возвышенности, куда выходят долины, насколько простираются равнины, каковы особенности рек и болот... Если государь не выработал в себе этих навыков, то он лишен первого качества военачальника, ибо именно они позволяют сохранять преимущество, определяя местоположение неприятеля, располагаясь лагерем, идя на сближение с противником, вступая в бой и осаждая крепости...

Что же до умственных упражнений, то государь должен читать исторические труды, при этом особо изучать действия выдающихся полководцев, разбирать, какими способами они вели войну, что определяло их победы и что — поражения, с тем чтобы одерживать первые и избегать последних. Самое же главное — уподобившись многим великим людям прошлого, принять за образец кого-либо из прославленных и чтимых людей древности и постоянно держать в памяти его подвиги и деяния. Так, по рассказам, Александр Великий подражал Ахиллу, Цезарь — Александру, Сципион — Киру. Всякий, кто прочтет жизнеописание Кира, составленное Ксенофонтом, согласится, что, уподобляясь Киру, Сципион весьма способствовал своей славе и что в целомудрии, обходительности, человечности и щедрости Сципион следовал Киру, как тот описан нам Ксенофонтом. Мудрый государь должен соблюдать все описанные правила, никогда не предаваться в мирное время праздности, ибо все его труды окупятся, когда настанут тяжелые времена, и тогда, если судьба захочет его сокрушить, он сумеет выстоять под ее напором.

ГЛАВА XV О ТОМ, ЗА ЧТО ЛЮДЕЙ, В ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРЕЙ, ВОСХВАЛЯЮТ ИЛИ ПОРИЦАЮТ

Теперь остается рассмотреть, как государь должен вести себя по отношению к подданным и союзникам...

расстояние между тем, как люди живут и как должны бы жить, столь велико, что тот, кто отвергает действительное ради должного, действует скорее во вред себе, нежели на благо, так как, желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он неминуемо погибнет, сталкиваясь с множеством людей, чуждых добру. Из чего следует, что государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности.

Если же говорить не о вымышленных, а об истинных свойствах государей, то надо сказать, что во всех людях, а особенно в государях, стоящих выше прочих людей, замечают те или иные качества, заслуживающие похвалы или порицания. А именно: говорят, что один щедр, другой скуп — если взять тосканское слово, ибо жадный на нашем наречии это еще и тот, кто хочет отнять чужое, а скупым мы называем того, кто слишком держится за свое — один расточителен, другой алчен; один жесток, другой сострадателен; один честен, другой вероломен; один изнежен и малодушен, другой тверд духом и смел; этот снисходителен, тот надменен; этот распутен, тот целомудрен; этот лукав, тот прямодушен; этот упрям, тот поклядист; этот легкомыслен, тот степенен; этот набожен, тот нечестив и так далее. Что может быть похвальнее для государя, нежели соединять в себе все лучшие из перечисленных качеств? Но раз в силу своей природы человек не может ни иметь одни добродетели, ни неуклонно им следовать, то благоразумному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же — воздерживаться по мере сил, но не более. И даже пусть государи не боятся навлечь на себя обвинения в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти, ибо, вдумавшись, мы найдем немало такого, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно для государя, и наоборот: выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность.

ГЛАВА XVI О ЩЕДРОСТИ И БЕРЕЖЛИВОСТИ

Начну с первого из упомянутых качеств и скажу, что хорошо иметь славу щедрого государя. Тем не менее тот, кто проявляет щедрость, чтобы слыть щедрым, вредит самому себе. Ибо если проявлять ее разумно и должным образом, о ней не узнают, а тебя все равно обвинят в скупости, поэтому, чтобы, распространить среди людей славу о своей щедрости, ты должен будешь изощряться в великолепных затеях, но, поступая таким образом, ты истощишь казну, после чего, не желая расставаться со славой щедрого правителя, вынужден будешь сверх меры обременить народ податями и прибегнуть к неблагоприятным способам изыскания денег. Всем этим ты постепенно возбудишь ненависть подданных, а со временем, когда обеднеешь, — то и презрение. И после того как многих разоришь своей щедростью и немногих облагодетельствуешь, первое же затруднение обернется для тебя бедствием, первая же опасность — крушением. Но если ты вовремя одумаешься и захочешь поправить дело, тебя тотчас же обвинят в скупости.

Итак, раз государь не может без ущерба для себя проявлять щедрость так, чтобы ее признали, то не будет ли для него благоразумнее примириться со славой скупого правителя? Ибо со временем, когда люди увидят, что благодаря бережливости он удовлетворяется своими доходами и ведет военные кампании, не обременяя народ дополнительными налогами, за ним утвердится слава щедрого правителя. И он действительно окажется щедрым по отношению ко всем тем, кого мог бы обогатить, а таких единицы. В наши дни лишь те совершили великие дела, кто прослыл скупым, остальные сошли не приметно...

Итак, ради того, чтобы не обирать подданных, иметь средства для обороны, не обеднеть, не вызвать презрения и не стать по неволе алчным, государь должен пренебречь славой скупого правителя, ибо скупость — это один из тех пороков, которые позволяют

ему править. Если мне скажут, что Цезарь проложил себе путь щедростью и что многие другие, благодаря тому, что были и слыли щедрыми, достигали самых высоких степеней, я отвечу: либо ты достиг власти, либо ты еще на пути к ней. В первом случае щедрость вредна, во втором — необходима. Цезарь был на пути к абсолютной власти над Римом, поэтому щедрость не могла ему повредить, но владычеству его пришел бы конец, если бы он, достигнув власти, прожил дольше и не умерил расходов. А если мне возразят, что многие уже были государями и совершали во главе войска великие дела, однако же слыли щедрейшими, я отвечу, что тратить можно либо свое, либо чужое. В первом случае полезна бережливость, во втором — как можно большая щедрость. Если ты ведешь войско, которое кормится добычей, грабежом, поборами и чужим добром, тебе необходимо быть щедрым, иначе за тобой не пойдут солдаты. И всегда имущество, которое не принадлежит тебе или твоим подданным, можешь раздавать щедрой рукой, как это делали Кир, Цезарь и Александр, ибо, расточая чужое, ты прибавляешь себе славы, тогда как расточая свое — ты только себе вредишь. Ничто другое не истощает себя так, как щедрость: выказывая ее, одновременно теряешь самую возможность ее выказывать и либо впадаешь в бедность, возбуждающую презрение, либо, желая избежать бедности, разоряешь других, чем навлекаешь на себя ненависть. Между тем презрение и ненависть подданных — это то самое, чего государь должен более всего опасаться, щедрость же ведет к тому и другому. Поэтому больше мудрости в том, чтобы, слывя скупым, стяжать худую славу без ненависти, чем в том, чтобы, желая прослыть щедрым и оттого поневоле разоряя других, стяжать худую славу и ненависть разом.

ГЛАВА XVII

О ЖЕСТОКОСТИ И МИЛОСЕРДИИ И О ТОМ, ЧТО ЛУЧШЕ: ВНУШАТЬ ЛЮБОВЬ ИЛИ СТРАХ

Переходя к другим из упомянутых выше свойств,

скажу, что каждый государь желал бы прослыть милосердным, а не жестоким, однако следует остерегаться злоупотребить милосердием. Цезаре Борджа многие называли жестоким, но жестокостью этой он навел порядок в Риманье, объединил ее, умиротворил и привел к повиновению. И, если вдуматься, проявил тем самым больше милосердия, чем флорентийский народ, который, боясь обвинений в жестокости, позволил разрушить Пистойю. Поэтому государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости. Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствует беспорядку. Ибо от беспорядка, который порождает грабежи и убийства, страдает все население, тогда как от кар, налагаемых государем, страдают лишь отдельные лица...

Однако новый государь не должен быть легковерен, мнителен и скор на расправу, во всех своих действиях он должен быть сдержан, осмотрителен и милостив, так чтобы излишняя доверчивость не обернулась неосторожностью, а излишняя недоверчивость не озлобила подданных. По этому поводу может возникнуть спор, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись. Говорят что лучше всего, когда боятся и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх. Ибо о людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива: пока ты делаешь добро, они твои всей душой, обещают ничего для тебя не щадить: ни крови, ни жизни, ни детей, ни имущества, но когда у тебя явится в них нужда, они тотчас от тебя отвернутся. И худо придется тому государю, который, доверясь их посулам, не примет никаких мер на случай опасности. Ибо дружбу, которая дается за деньги, а не приобретается величием и благородством души, можно купить, но нельзя удержать, чтобы воспользоваться ею в трудное время. Кроме того, люди меньше остере-

гаются обидеть того, кто внушает им любовь, нежели того, кто внушает им страх, ибо любовь поддерживается благодарностью, которой люди, будучи дурны, могут пренебречь ради своей выгоды, тогда как страх поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно.

Однако государь должен внушать страх таким образом, чтобы, если не приобрести любви, то хотя бы избежать ненависти, ибо вполне возможно внушить страх без ненависти. Чтобы избежать ненависти, государю необходимо воздерживаться от посягательств на имущество граждан и подданных и на их женщин. Даже когда государь считает нужным лишить кого-либо жизни, он может сделать это, если налицо подходящее обоснование и очевидная причина, но он должен остерегаться посягать на чужое добро, ибо люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества. Тем более что причин для изъятия имущества всегда достаточно и если начать жить хищничеством, то всегда найдется повод присвоить чужое, тогда как оснований для лишения кого-либо жизни гораздо меньше и повод для этого приискать труднее.

Но когда государь ведет многочисленное войско, он тем более должен пренебречь тем, что может прослыть жестоким, ибо, не прославив жестоким, нельзя поддержать единства и боеспособности войска...

Насколько верно утверждение, что полководцу мало обладать доблестью и талантом, показывает пример Сципиона — человека необычайного не только среди его современников, но и среди всех людей. Его войска взбунтовались в Испании вследствие того, что по своему чрезмерному мягкосердечию он предоставил солдатам большую свободу, чем это дозволяется воинской дисциплиной. Что и вменил ему в вину Фабий Максим, назвавший его перед Сенатом развратителем римского воинства. По тому же недостатку твердости Сципион не вступился за локров, узнав, что их разоряет один из его легатов, и не покарал легата за дерзость. Недаром кто-то в Сенате, желая его оправдать,

сказал, что он относится к той природе людей, которым легче избегать ошибок самим, чем наказывать за ошибки других. Со временем от этой черты Сципиона пострадало бы и его доброе имя, и слава — если бы он распорядился единолично; но он состоял под властью сената, и потому это свойство его характера не только не имело вредных последствий, но и послужило к вящей его славе.

Итак, возвращаясь к спору о том, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись, скажу, что любят государей по собственному усмотрению, а боятся — по усмотрению государей, поэтому мудрому правителю лучше рассчитывать на то, что зависит от него, а не от кого-то другого; важно лишь ни в коем случае не навлекать на себя ненависти подданных, как о том сказано выше.

ГЛАВА XVIII О ТОМ, КАК ГОСУДАРИ ДОЛЖНЫ ДЕРЖАТЬ СЛОВО

Излишне говорить, сколь похвальна в государе верность данному слову, прямодушие и неуклонная честность, однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдержать данное слово и умел, кого нужно, обвести вокруг пальца; такие государи в конечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность.

Надо знать, что с врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой. Первый способ присущ человеку, второй — зверю; но так как первое часто недостаточно, то приходится прибегать и ко второму. Отсюда следует, что государь должен усвоить то, что заключено в природе и человека, и зверя. Не это ли иносказательно внушают нам античные авторы, повествуя о том, как Ахилла и прочих героев древности отдавали на воспитание кентавру Хирону, дабы они приобщились к его мудрости? Какой иной смысл имеет выбор в наставники полукочевого человека-полузверя, как не тот, что государь должен со-

вместить в себе обе эти природы, ибо одна без другой не имеет достаточной силы?

Итак, из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса — волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана. Из чего следует, что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание. Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же. А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется. Примеров тому множество: сколько мирных договоров, сколько соглашений не вступило в силу или пошло прахом из-за того, что государи нарушали свое слово, и всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру. Однако натуру эту надо еще уметь прикрыть, надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить.

Из близких по времени примеров не могу умолчать об одном. Александр VI всю жизнь изощрялся в обманах, но каждый раз находились люди, готовые ему верить. Во всем свете не было человека, который так клятвенно уверял, так убедительно обещал и так мало заботился об исполнении своих обещаний. Тем не менее обманы всегда удавались ему, как он желал, ибо он знал толк в этом деле. Отсюда следует, что государю нет необходимости обладать всеми названными добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими. Дерзну прибавить, что обладать этими добродетелями и неуклонно им следовать вредно, тогда как выглядеть обладающим ими — полезно. Иначе говоря, надо являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искрен-

ним, благочестивым — и быть таковым в самом деле, но внутренне надо сохранить готовность проявить и противоположные качества, если это окажется необходимо. Следует понимать, что государь, особенно новый, не может исполнять все то, за что людей почитают хорошими, так как ради сохранения государства он часто бывает вынужден идти против своего слова, против милосердия, доброты и благочестия. Поэтому в душе он всегда должен быть готов к тому, чтобы переменить направление, если события примут другой оборот или в другую сторону задует ветер фортуны, то есть, как было сказано, по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла.

Итак, государь должен бдительно следить за тем, чтобы с языка его не сорвалось слова, не исполненного пяти названных добродетелей. Пусть тем, кто видит его и слышит, он предстает как само милосердие, верность, прямоту, человечность и благочестие, особенно благочестие. Ибо люди большей частью судят по виду, так как увидеть дано всем, а потрогать руками немногим. Каждый знает, каков ты с виду, немногим известно, каков ты на самом деле, и эти последние не посмеют оспорить мнение большинства, за спиной которого стоит государство. О действиях всех людей, а особенно государей, с которых в суде не спросишь, заключают по результату, поэтому пусть государи стараются сохранить власть и одержать победу. Какие бы средства для этого ни употребить, их всегда сочтут достойными и одобряют, ибо чернь прельщается видимостью и успехом, в мире же нет ничего, кроме черни, и меньшинству в нем не остается места, когда за большинством стоит государство...

ГЛАВА XIX

О ТОМ, КАКИМ ОБРАЗОМ ИЗБЕГАТЬ НЕНАВИСТИ И ПРЕЗРЕНИЯ

Наиважнейшее из упомянутых качеств мы рассмотрели; что же касается прочих, то о них я скажу кратко, предварив рассуждение одним общим правилом.

Государь, как отчасти сказано выше, должен следить за тем, чтобы не совершилось ничего, что могло бы вызвать ненависть или презрение подданных. Если в этом он преуспеет, то свое дело он сделал, и прочие его пороки не представят для него никакой опасности. Ненависть государи возбуждают хищничеством и посягательством на добро и женщин своих подданных. Ибо большая часть людей довольна жизнью, пока не задеты их честь или имущество; так что недовольным может оказаться лишь небольшое число честолюбцев, на которых нетрудно найти управу. Презрение государи возбуждают непостоянством, легкомыслием, изнеженностью, малодушием и нерешительностью. Этих качеств надо остерегаться как огня, стараясь, напротив, в каждом действии являть великодушие, бесстрашие, основательность и твердость. Решения государя касательно частных дел подданных должны быть бесповоротными, и мнение о нем должно быть таково, чтобы никому не могло прийти в голову, что можно обмануть или перехитрить государя. К правителю, внушившему о себе такое понятие, будут относиться с почтением; а если известно, что государь имеет выдающиеся достоинства и почитаем своими подданными, врагам труднее будет напасть на него или составить против него заговор. Ибо государя подстерегают две опасности — одна изнутри, со стороны подданных, другая извне — со стороны сильных соседей. С внешней опасностью можно справиться при помощи хорошего войска и хороших союзников; причем, тот кто имеет хорошее войско, найдет и хороших союзников. А если опасность извне будет устранена, то и внутри сохранится мир, при условии, что его не нарушат тайные заговоры...

Что же касается подданных, то когда снаружи мир, то единственное, чего следует опасаться, — это тайные заговоры. Главное средство против них — не навлекать на себя ненависти и презрения подданных и быть угодным народу, чего добиться необходимо, как о том подробно сказано выше. Из всех способов предотвра-

тить заговор самый верный — не быть ненавистным народу. Ведь заговорщик всегда рассчитывает на то, что убийством государя угодит народу; если же он знает, что возмутит народ, у него не хватит духа пойти на такое дело, ибо трудностям, с которыми сопряжен всякий заговор, нет числа. Как показывает опыт, заговоры возникали часто, но удавались редко...

В заключение повторю, что государь может не опасаться заговоров, если пользуется благоволением народа, и наоборот, должен бояться всех и каждого, если народ питает к нему вражду и ненависть. Благоустроенные государства и мудрые государи принимали все меры к тому, чтобы не ожесточать знать и быть угодными народу, ибо это принадлежит к числу важнейших забот тех, кто правит.

В наши дни хорошо устроенным и хорошо управляемым государством является Франция. В ней имеется множество полезных учреждений, обеспечивающих свободу и безопасность короля, из которых первейшее — парламент с его полномочиями. Устроитель этой монархии, зная властолюбие и наглость знати, считал, что ее необходимо держать в узде; с другой стороны, зная ненависть народа к знати, основанную на страхе, желал оградить знать. Однако он не стал вменять это в обязанность королю, чтобы знать не могла обвинить его в потворстве народу, а народ — в потворстве знати, и создал третейское учреждение, которое, не вмешивая короля, обуздывает сильных и поощряет слабых. Трудно вообразить лучший и более разумный порядок, как и более верный залог безопасности короля и королевства. Отсюда можно извлечь еще одно полезное правило, а именно: что дела, негодные подданным, государи должны возлагать на других, а угодные — исполнять сами. В заключение же повторю, что государю надлежит выказывать почтение к знати, но не вызывать ненависти в народе...

Здесь уместно заметить, что добрыми делами можно навлечь на себя ненависть точно также, как и дурными, поэтому государь, как я уже говорил, нередко

вынужден отступать от добра ради того, чтобы сохранить государство, ибо та часть подданных, чьего расположения ищет государь, — будь то народ, знать или войско, — развращена, то и государю, чтобы ей угодить, приходится действовать соответственно, и в этом случае добрые дела могут ему повредить...»

Вопросы:

1. Кто является творцом истории для Макиавелли?
2. В чем польза изучения истории для правителей?
3. Какое занятие автор считает единственной обязанностью государей? Почему?
4. Почему историческая личность должна уметь «отступать от добра»?
5. Может ли правитель иметь пороки?
6. Должен ли правитель быть щедрым или бережливым?
7. Почему исторической личности следует остерегаться злоупотреблять милосердием?
8. Как автор решает вопрос, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись?
9. Должен ли государь быть честным?
10. Какое главное правило формулирует Макиавелли для правителей? Объясните.

4.4.

Плеханов, Г. В. К вопросу о роли личности в истории / Г. В. Плеханов // Избранные философские произведения: в 5 т. — Т. 2. — Москва, 1956. — С. 300–334.

I

«...Не уходя “в глубь времен”, мы напомним спор известного английского ученого Пристлея с Прайсом... Разбирая учение Пристлея, Прайс доказывал, между прочим, что материализм несогласен с понятием о свободе и устраняет всякую самодеятельность личности. В ответ на это Пристлей сослался на житейский опыт. “Я не говорю о самом себе, — писал он, — хотя, конечно, и меня нельзя назвать самым неподвижным и безжизненным из всех животных (*am not the most*

torpid and lifeless of all animals), но я спрашиваю вас: где вы найдете больше энергии мысли, больше активности, больше силы и настойчивости в преследовании самых важных целей, чем между последователями учения о необходимости?”¹ Пристлей имел в виду религиозную демократическую секту так называвшихся тогда Christian necessarians... Не знаем, точно ли она была так деятельна, как это думал принадлежавший к ней Пристлей. Но это и не важно. Не подлежит никакому сомнению то обстоятельство, что материалистический взгляд на человеческую волю прекрасно уживается с самой энергичной деятельностью на практике. Лансон замечает, что “все доктрины, обращавшиеся с наибольшими требованиями к человеческой воле, утверждали в принципе бессилие воли; они отрицали свободу и подчиняли мир фатализму...” Лансон неправ, думая, что всякое отрицание так называемой свободы воли приводит к фатализму; но это не помешало ему подметить в высшей степени интересный исторический факт: в самом деле, история показывает, что даже фатализм не только не всегда мешает энергичному действию на практике, но, напротив, в известные эпохи был психологически необходимой основой такого действия. В доказательство сошлемся на пуритан, далеко превзошедших своей энергией все другие партии в Англии XVII века... и на последователей Магомета, в короткое время покоривших своей власти огромную полосу земли от Индии до Испании. Очень ошибаются те, по мнению которых стоит нам только убедиться в неизбежном наступлении данного ряда событий, чтобы у нас исчезла всякая психологическая возможность содействовать или противодействовать ему...

Тут все зависит от того, составляет ли моя собственная деятельность необходимое звено в цепи необходимых событий. Если да, то тем меньше у меня колеба-

¹ Здесь и далее курсив Г. В. Плеханова.

ний и тем решительнее я действую. И в этом нет ничего удивительного: когда мы говорим, что данная личность считает свою деятельность необходимым звеном в цепи необходимых событий, это значит, между прочим, что отсутствие свободы воли равносильно для нее совершенной *неспособности к бездействию* и что оно, это отсутствие свободы воли, отражается в ее сознании в виде *невозможности поступать иначе, чем она поступает*. Это именно то психологическое настроение, которое может быть выражено знаменитыми словами Лютера: *“Hier stehe ich, ich kann nicht anders”* ... и благодаря которому люди обнаруживают самую неукротимую энергию, совершают самые поразительные подвиги. Это настроение было неизвестно Гамлету: оттого он и был способен только ныть да рефлексировать. И оттого Гамлет никогда не помирился бы с философией, по смыслу которой свобода есть лишь необходимость, перешедшая в сознание. Фихте справедливо сказал: *“каков человек, такова и его философия”*.

II

Рассмотрим, однако, поближе тот случай, когда собственные — прошедшие, настоящие или будущие — действия человека представляются ему сплошь окрашенными в цвет необходимости... Когда сознание несвободы моей воли представляется мне лишь в виде полной субъективной и объективной невозможности поступать иначе, чем я поступаю, и когда данные мои действия являются в то же время наиболее для меня желательными из всех возможных действий, тогда необходимость отождествляется в моем сознании со свободой, а свобода с необходимостью и тогда я не свободен только в том смысле, *что не могу нарушить это тождество свободы с необходимостью; не могу противопоставить их одну другой; не могу почувствовать себя стесненным необходимостью. Но подобное отсутствие свободы есть вместе с тем ее полнейшее проявление.*

Зиммель говорит, что свобода есть всегда свобода от чего-нибудь и что там, где свобода не мыслится как противоположность связанности, она не имеет смысла.

Это, конечно, так. Но на основании этой маленькой азбучной истины нельзя опровергнуть то положение, составляющее одно из гениальнейших открытий, когда-либо сделанных философской мыслью, что свобода есть осознанная необходимость. Определение Зиммеля слишком узко: оно относится только к свободе от внешнего стеснения. Пока речь идет лишь о таких стеснениях, отождествление свободы с необходимостью было бы до последней степени комично: вор не свободен вытащить у вас из кармана носовой платок, если вы мешаете ему сделать это и пока он не преодолел так или иначе вашего сопротивления. Но кроме этого элементарного и поверхностного понятия о свободе есть другое, несравненно более глубокое. Это понятие совсем не существует для людей, неспособных к философскому мышлению...

Но о каком же стеснении, о какой связанности может идти речь в этом случае? Это ясно: о том нравственном стеснении, которое тормозит энергию людей, не разделавшихся с дуализмом; о той связанности, от которой страдают люди, не умевшие перекинуть мост через пропасть, разделяющую идеалы от действительности. Пока личность не завоевала *этой* свободы мужественным усилием философской мысли, она еще не вполне принадлежит самой себе и своими собственными нравственными муками платит позорную дань противостоящей ей внешней необходимости. Но зато та же личность родится для новой, полной, до тех пор ей неведомой жизни, едва только она свергнет с себя иго этого мучительного и постыдного стеснения, и ее *свободная* деятельность явится *сознательным* и *свободным* выражением *необходимости*... Тогда она становится великой общественной силой, и тогда уже ничто не может помешать ей и ничто не помешает...

III

Еще раз: сознание безусловной необходимости данного явления может только усилить энергию человека, сочувствующего ему и считающего себя одной из сил, вызывающих это явление...

А как подействует сознание необходимости данного явления на сильного человека, который ему *не сочувствует и противодействует* его наступлению? Тут дело несколько изменяется. Очень возможно, что оно *ослабит* энергию его сопротивления. Но когда противники данного явления убеждаются в его неизбежности? Когда благоприятствующие ему обстоятельства становятся очень многочисленны и очень сильны. Сознание его противниками неизбежности его наступления и упадок их энергии представляют собою лишь проявление силы благоприятствующих ему условий. Такие проявления в свою очередь входят в число этих благоприятных условий.

Но энергия сопротивления уменьшится не у всех его противников. У некоторых она только возрастет вследствие сознания его неизбежности, превратившись в *энергию отчаяния*. История вообще, и история России в частности, представляет немало поучительных примеров энергии этого рода. Мы надеемся, что читатель припомнит их без нашей помощи.

Тут нас прерывает г. Кареев, который хотя, разумеется, и не разделяет наших взглядов на свободу и необходимость и к тому же не одобряет нашего пристрастия к “крайностям” сильных и страстных людей, но все-таки с удовольствием встречает на страницах нашего журнала ту мысль, что личность может явиться великой общественной силой. Почтенный профессор радостно восклицает: “Я всегда говорил это!” И это верно. Г. Кареев и все субъективисты всегда отводили личности весьма значительную роль в истории. И было время, когда это вызывало большое сочувствие к ним передовой молодежи, стремившейся к благородному труду на общую пользу и потому, естественно, склонной высоко ценить значение личной инициативы. Но в сущности субъективисты никогда не умели не только решить, но даже и правильно поставить вопрос о роли личности в истории. Они противопоставляли деятельность “критически мыслящих личностей” влиянию *законов* общественно-исторического движения и таким

образом создавали как бы новую разновидность теории факторов: критически мыслящие личности являлись *одним фактором* названного движения, а *другим фактором* служили его же собственные законы. В результате получалась сугубая несообразность, которою можно было довольствоваться только до тех пор, пока внимание деятельных “личностей” сосредоточивалось на практических злобах дня и пока им поэтому некогда было заниматься философскими вопросами.

Но с тех пор как наступившее в восьмидесятых годах затишье дало невольный досуг для философских размышлений тем, которые способны были мыслить, учение субъективистов стало трещать по всем швам и даже совсем распозваться, подобно знаменитой шинели Акакия Акакиевича. Никакие заплатки ничего не поправляли, и мыслящие люди один за другим стали отказываться от субъективизма, как от учения явно и совершенно несостоятельного. Но, как это всегда бывает в таких случаях, реакция против него привела некоторых из его противников к противоположной крайности. Если некоторые субъективисты, стремясь отвести “личности” как можно более широкую роль в истории, отказывались признать историческое движение человечества законосообразным процессом, то некоторые из их новейших противников, стремясь как можно лучше оттенить законосообразный характер этого движения, по-видимому, готовы были забыть, что *история делается людьми* и что *поэтому деятельность личностей не может не иметь в ней значения...* Теоретически такая крайность столь же непозволительна, как и та, к которой пришли наиболее рьяные субъективисты. Жертвовать *тезой* *антитезе* так же неосновательно, как и забывать об *антитезе* ради *тезы*. Правильная точка зрения будет найдена только тогда, когда мы сумеем объединить в *синтезе* заключающиеся в них моменты истины...

IV

...Выходит, что личности благодаря данным особенностям своего характера могут влиять на судьбу общества. Иногда их влияние бывает даже очень значитель-

но, но как самая возможность подобного влияния, так и размеры его определяются организацией общества, соотношением его сил. Характер личности является “фактором” общественного развития лишь там, лишь тогда и лишь постольку, где, когда и поскольку ей позволяют это общественные отношения.

Нам могут заметить, что размеры личного влияния зависят также и от талантов личности. Мы согласимся с этим. Но личность может проявить свои таланты только тогда, когда она займет необходимое для этого положение в обществе. Почему судьба Франции могла оказаться в руках человека, лишенного всякой способности и охоты к общественному служению? Потому что такова была ее общественная организация. Этой организацией и определяются в каждое данное время те роли, — а следовательно, и то общественное значение, — которые могут выпасть на долю даровитых или бездарных личностей.

Но если роли личностей определяются организацией общества, то каким же образом их общественное влияние, обусловленное этими ролями, может противоречить понятию о законосообразности общественного развития? Оно не только не противоречит ему, но служит одной из самых ярких его иллюстраций.

Но тут надо заметить вот что. Обусловленная организацией общества возможность общественного влияния личностей открывает дверь влиянию на исторические судьбы народов так называемых *случайностей*. Слстолюбие Людовика XV было необходимым следствием состояния его организма. Но по отношению к общему ходу развития Франции это состояние было *случайно*. А между тем оно не осталось... без влияния на дальнейшую судьбу Франции и само вошло в число причин, обусловивших собою эту судьбу. Смерть Мирабо, конечно, причинена была вполне законосообразными патологическими процессами. Но необходимость этих процессов вытекала вовсе не из общего хода развития Франции, а из некоторых частных особенностей организма знаменитого оратора и из тех физических

условий, при которых он заразился. По отношению к общему ходу развития Франции эти особенности и эти условия являются *случайными*... А между тем смерть Мирабо повлияла на дальнейший ход революции и вошла в число причин, обусловивших его собою....

VI

...Теперь мы знаем, что личности часто имеют большое влияние на судьбу общества, но что влияние это определяется его внутренним строем и его отношением к другим обществам. Но этим еще не исчерпан вопрос о роли личности в истории. Мы должны подойти к нему еще с другой стороны.

Сент-Бев думал, что при достаточном числе мелких и темных причин указанного им рода французская революция могла бы иметь исход, *противоположный* тому, который мы знаем. Это большая ошибка. В какие бы замысловатые сплетения ни соединялись мелкие психологические и физиологические причины, они ни в каком случае не устранили бы великих общественных нужд, вызвавших французскую революцию; а пока эти нужды оставались бы неудовлетворенными, во Франции не прекратилось бы революционное движение. Чтобы исход его мог быть противоположен тому, который имел место в действительности, нужно было бы заменить эти нужды другими, им противоположными; а этого, разумеется, никогда не в состоянии были бы сделать никакие сочетания мелких причин.

Причины французской революции заключались в свойствах *общественных отношений*, а предположенные Сент-Бевом мелкие причины могли корениться только в *индивидуальных особенностях* отдельных лиц. Последняя причина общественных отношений заключается в состоянии производительных сил. Оно зависит от индивидуальных особенностей отдельных лиц разве лишь в смысле большей или меньшей способности таких лиц к техническим усовершенствованиям, открытиям и изобретениям. Сент-Бев имел в виду не такие особенности. А все возможные другие особенности не обеспечивают отдельным лицам непосредствен-

ного влияния на состояние производительных сил, а, следовательно, и на те общественные отношения, которые им обуславливаются, т. е. на *экономические отношения*. Каковы бы ни были особенности данной личности, она не может устранить данные экономические отношения, раз они соответствуют данному состоянию производительных сил. Но индивидуальные особенности личности делают ее более или менее годной для удовлетворения тех общественных нужд, которые вырастают на основе данных экономических отношений, или для противодействия такому удовлетворению. Насущнейшей общественной нуждой Франции конца XVIII века была замена устаревших политических учреждений другими, более соответствующими ее новому экономическому строю. Наиболее видными и полезными общественными деятелями того времени были именно те, которые лучше всех других способны были содействовать удовлетворению этой насущнейшей нужды...

VII

...Рассуждая о роли великих личностей в истории, мы почти всегда делаемся жертвой некоторого оптического обмана, на который полезно будет указать читателям. Выступив в роли “хорошей шпаги”, спасающей общественный порядок, Наполеон тем самым устранил от этой роли всех других генералов, из которых иные может быть сыграли бы ее так же или почти так же, как и он. Раз общественная потребность в энергическом военном правителе была удовлетворена, общественная организация загородила всем другим военным талантам дорогу к месту военного правителя. Ее сила стала силой, неблагоприятной для проявления других талантов этого рода. Благодаря этому и происходит тот оптический обман, о котором мы говорим. *Личная* сила Наполеона является нам в крайне преувеличенном виде, так как мы относим на ее счет всю *ту общественную силу*, которая выдвинула и поддерживала ее. Она кажется чем-то совершенно исключительным, потому что другие, подобные ей, силы

не перешли из *возможности* в *действительность*. И когда нам говорят: а что было бы, если бы не было Наполеона, то наше *воображение* путается и нам кажется, что без него совсем не могло бы совершиться все то общественное движение, на котором основывались его сила и влияние.

В истории умственного развития человечества успех одной личности несравненно реже препятствует успеху другой. Но и там мы не свободны от указанного оптического обмана. Когда данное положение общества ставит перед его духовными выразителями известные задачи, они привлекают к себе внимание выдающихся умов до тех пор, пока им не удастся решить их. А раз им удастся это, внимание их направляется на другой предмет. Решив задачу *X*, данный талант *A* тем самым направляет внимание таланта *B* от этой, уже решенной, задачи к другой задаче *Y*. И когда нас спрашивают, что было бы, если бы *A* умер, не успев решить задачу *X*, мы воображаем, что порвалась бы нить умственного развития общества. Мы забываем, что в случае смерти *A* за решение задачи мог бы взяться *B*, или *C*, или *D*, и что таким образом нить умственного развития общества осталась бы целой, несмотря на преждевременную гибель *A*.

Чтобы человек, обладающий талантом известного рода, приобрел благодаря ему большое влияние на ход событий, нужно соблюдение двух условий. Во-первых, его талант должен сделать его более других соответствующим общественным нуждам данной эпохи: если бы Наполеон вместо своего военного гения обладал музыкальным дарованием Бетховена, то он, конечно, не сделался бы императором. Во-вторых, существующий общественный строй не должен заграждать дорогу личности, имеющей данную особенность, нужную и полезную как раз в это время... Тот же *Наполеон* умер бы мало известным генералом или полковником *Буонапарте*, если бы старый режим просуществовал во Франции лишних семьдесят пять лет... В 1789 г. Даву, Дезэ, Мармон и Макдональд были *подпоручи-*

ками; Бернадотт — *сержант-майором*; Гош, Марсо, Лефевр, Пишегрю, Ней, Массэна, Мюрат, Сульт — *унтер-офицерами*; Ожэро — *учителем фехтования*; Ланн — *красильщиком*; Гувион Сен-Сир — *актером*; Журдан — *разносчиком*; Бессьер — *парикмахером*; Брюн — *наборщиком*; Жубер и Жюно — *студентами юридического факультета*; Клебер — *архитектором*; Мортье не поступал на военную службу вплоть до революции...

Если бы старый режим продолжал существовать до наших дней, то никому из нас и в голову не пришло бы теперь, что в конце прошлого века во Франции некоторые актеры, наборщики, парикмахеры, красильщики, юристы, разносчики и учителя фехтования были военными талантами *в возможности...*

...Давно уже было замечено, что таланты являются всюду и всегда, где и когда существуют общественные условия, благоприятные для их развития. Это значит, что всякий талант, *проявившийся в действительности*, т. е. всякий талант, ставший *общественной силой, есть плод общественных отношений*. Но если это так, то понятно, почему талантливые люди могут, как мы сказали, изменить лишь индивидуальную физиономию, а не общее направление событий; *они сами существуют только благодаря такому направлению; если бы не оно, то они никогда не перешагнули бы порога, отделяющего возможность от действительности...*

Само собою понятно, что талант таланту рознь. *“Когда новый шаг в развитии цивилизации вызывает к жизни новый род искусства, — справедливо говорит Тэн, — являются десятки талантов, выражающих общественную мысль только наполовину, вокруг одного или двух гениев, выражающих ее в совершенстве”*... Если бы какие-нибудь механические или физиологические причины, не связанные с общим ходом социально-политического и духовного развития Италии, еще в детстве убили Рафаэля, Микель-Анджело и Леонардо-да-Винчи, то итальянское искусство

было бы менее совершенно, но общее направление его развития в эпоху Возрождения осталось бы то же. Рафаэль, Леонардо-да-Винчи и Микель-Анджело не создали этого направления: они были только лучшими его выразителями. Правда, вокруг гениального человека возникает обыкновенно целая школа, причем его ученики стараются усвоить даже мельчайшие его приемы; поэтому пробел, который остался бы в итальянском искусстве эпохи Возрождения вследствие ранней смерти Рафаэля, Микель-Анджело и Леонардо-да-Винчи, оказал бы сильное влияние на многие второстепенные особенности в его дальнейшей истории. Но и эта история не изменилась бы по существу, если бы только не произошло по каким-нибудь общим причинам какого-нибудь существенного изменения в общем ходе духовного развития Италии.

Известно, однако, что количественные различия переходят, наконец, в качественные. Это верно везде; следовательно, верно и в истории. Данное течение в искусстве может совсем остаться без сколько-нибудь замечательного выражения, если неблагоприятное стечение обстоятельств унесет одного за другим нескольких талантливых людей, которые могли бы стать его выразителями. Но преждевременная гибель таких людей помешает художественному выражению этого течения только в том случае, если оно недостаточно глубоко, чтобы выдвинуть новые таланты. А так как глубина всякого данного направления в литературе и искусстве определяется значением его для того класса или слоя, вкусы которого оно выражает, и общественной ролью этого класса или слоя, то и здесь все зависит в последнем счете от хода общественного развития и от соотношения общественных сил.

VIII

Итак, личные особенности руководящих людей определяют собою индивидуальную физиономию исторических событий, и элемент случайности, в указанном нами смысле, всегда играет некоторую роль в ходе этих событий, направление которого определяется в

последнем счете так называемыми общими причинами, т. е. на самом деле развитием производительных сил и определяемыми им взаимными отношениями людей в общественно-экономическом процессе производства. Случайные явления и личные особенности знаменитых людей несравненно заметнее, чем глубоко лежащие общие причины. Восемнадцатый век мало задумывался об этих общих причинах, объясняя историю сознательными поступками и “страстями” исторических деятелей. Философы того века утверждали, что история могла бы пойти совершенно другими путями под влиянием самых ничтожных причин, — например, вследствие того, что в голове какого-нибудь правителя зашалил бы какой-нибудь “атом”...

Защитники нового направления в исторической науке стали доказывать, что история не могла пойти иначе, чем она шла на самом деле, несмотря ни на какие “атомы”. Стремясь как можно лучше отгнать действие общих причин, они оставляли без внимания значение личных особенностей исторических деятелей. У них выходило, что исторические события ни на волос не изменились бы от замены одних лиц другими, более или менее способными... Но раз мы допускаем такое предположение, мы необходимо должны признать, что *личный элемент не имеет в истории ровно никакого значения* и что все сводится в ней к действию общих причин, общих законов исторического движения. Это была крайность, вовсе не оставлявшая места для той доли истины, которая заключалась в противоположном взгляде... Но именно поэтому противоположный взгляд продолжал сохранять за собою некоторое право на существование. Столкновение этих двух взглядов приняло вид антиномии, первым членом которой являлись общие законы, а вторым — деятельность личностей. С точки зрения второго члена антиномии история представлялась простым сцеплением случайностей; с точки зрения первого ее члена казалось, что действием общих причин были обусловлены даже индивидуальные черты исторических событий.

Но если индивидуальные черты событий обуславливаются влиянием общих причин и не зависят от личных свойств исторических деятелей, то выходит, что эти черты *определяются общими причинами* и не могут быть изменены, как бы ни изменялись эти деятели. Теория принимает, таким образом, *фаталистический* характер...

Сент-Бев сравнивал исторические взгляды Минье с историческими взглядами Боссюэ. Боссюэ думал, что сила, действием которой совершаются исторические события, идет свыше, что они служат выражением божественной воли. Минье искал этой силы в человеческих страстях, проявляющихся в исторических событиях с неумолимостью и непреклонностью сил природы. Но оба они смотрели на историю, как на цепь таких явлений, которые ни в каком случае не могли бы быть иными; оба они — фаталисты...

Такой упрек оставался основательным до тех пор, пока учение о законосообразности общественных явлений приравнивало к нулю влияние на события личных особенностей выдающихся исторических деятелей. И этот упрек должен был производить тем более сильное впечатление, что историки новой школы, подобно историкам и философам восемнадцатого века, считали *человеческую природу* высшей инстанцией, из которой выходили и которой подчинялись все *общие причины* исторического движения. Так как французская революция показала, что исторические события обуславливаются не одними только *сознательными* поступками людей, то Минье, Гизо и другие ученые того же направления выдвигали на первый план действие *страстей*, так часто сбрасывающих с себя всякий *контроль сознания*. Но если страсти являются последней и самой общей причиной исторических событий, то почему не прав Сент-Бев, утверждающий, что французская революция могла бы иметь исход, противоположный тому, который мы знаем, раз нашлись бы деятели, способные внушить французскому народу страсти, противоположные тем, которые его

волновали? Минье сказал бы: потому что другие страсти не могли взволновать тогда французов по самым свойствам человеческой природы. В известном смысле это была бы правда. Но эта правда имела бы сильный фаталистический оттенок, так как она была бы равносильна тому положению, что история человечества во всех своих подробностях предопределена *общими* свойствами человеческой природы. Фатализм явился бы здесь как результат исчезновения *индивидуального в общем...*

В настоящее время нельзя уже считать человеческую природу последней и самой общей причиной исторического движения: если она постоянна, то она не может объяснить крайне изменчивый ход истории, а если она изменяется, то, очевидно, что ее изменения сами обуславливаются историческим движением. В настоящее время последней и самой общей причиной исторического движения человечества надо признать развитие производительных сил, которым обуславливаются последовательные изменения в общественных отношениях людей. Рядом с этой *общей* причиной действуют *особенные* причины, т. е. та *историческая обстановка*, при которой совершается развитие производительных сил у данного народа и которая сама создана в последней инстанции развитием тех же сил у других народов, т. е. той же общей причиной.

Наконец, влияние *особенных* причин дополняется действием причин *единичных*, т. е. личных особенностей общественных деятелей и других “случайностей”, благодаря которым события получают, наконец, свою *индивидуальную физиономию*. *Единичные* причины не могут произвести коренных изменений в действии *общих* и *особенных* причин, которыми к тому же обуславливаются направление и пределы влияния единичных причин. Но все-таки несомненно, что история имела бы другую физиономию, если бы влиявшие на нее единичные причины были заменены другими причинами того же порядка....

Что такое этот естественный ход событий? Бисмарк

говорил, что мы не можем делать историю, а должны ожидать, пока она сделается. Но кем же делается история? Она делается *общественным человеком*, который есть ее *единственный “фактор”*. Общественный человек сам создает свои, т. е. общественные, отношения. Но если он создает в данное время именно такие, а не другие отношения, то это происходит, разумеется, не без причины; это обуславливается состоянием производительных сил. Никакой великий человек не может навязать обществу такие отношения, которые *уже* не соответствуют состоянию этих сил или *еще* не соответствуют ему. В этом смысле он, действительно, не может делать историю, и в этом случае он напрасно стал бы переставлять свои часы: он не ускорил бы течения времени и не повернул бы его назад. Тут Лампрехт совершенно прав: даже находясь на вершине своего могущества, Бисмарк не мог бы вернуть Германию к натуральному хозяйству.

В общественных отношениях есть своя логика: пока люди находятся в данных взаимных отношениях, они непременно будут чувствовать, думать и поступать именно так, а не иначе. Против этой логики тоже напрасно стал бы бороться общественный деятель: естественный ход вещей (т. е. эта же логика общественных отношений) обратил бы в ничто все его усилия. Но если я знаю, в какую сторону изменяются общественные отношения, благодаря данным переменам в общественно-экономическом процессе производства, то я знаю также, в каком направлении изменится и социальная психика; следовательно, я имею возможность влиять на нее. Влиять на социальную психику — значит влиять на исторические события. Стало быть, в известном смысле я все-таки *могу делать историю*, и мне нет надобности ждать, пока она “сделается” ...

И не для одних только “начинателей”, не для одних “великих” людей открыто широкое поле действия. Оно открыто для всех, имеющих очи, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, и сердце, чтобы любить своих ближних. Понятие *великий* есть понятие относитель-

ное. В нравственном смысле велик каждый, кто, по евангельскому выражению, “полагает душу свою за други своя”».

Вопросы:

1. В чем заключается материалистический взгляд на роль личности в истории?
2. Как соотносятся материализм и фатализм в вопросе о роли личности в истории?
3. Что такое «свобода» для автора и как она связана с исторической ролью отдельной личности?
4. Как действуют личности, «сочувствующие» и «противоборствующие» осознанной необходимости?
5. В чем видит Г. Плеханов несовершенство субъективистского учения?
6. В чем ошибаются некоторые противники субъективизма?
7. При каких условиях личность становится «исторической»?
8. Каким образом влияют на историю «случайности»?
9. Как понимает автор «общие причины», «мелкие причины», «особенные причины», «единичные причины» исторических событий?
10. При каких условиях потенциал личности переходит из «возможности» в «действительность»? Приведите примеры.
11. Кто выступает творцом истории, по мнению Г. Плеханова?

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ДЛЯ ДИСКУССИЙ НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ

1. Является ли наличие теории признаком научности знания? Обоснуйте свой ответ.
2. Каковы свойства и структура теории как формы организации знания в традиционном (классическом) понимании?
3. Каковы критерии классификации теорий в традиционном (классическом) понимании?
4. Перечислите функции теории в традиционном (классическом) понимании.
5. Что такое метод и методология в традиционном (классическом) понимании?
6. Охарактеризуйте составные части метода (подход, принцип, способ, операция, процедура и т. п.).
7. Каковы критерии классификации методов?
8. Как вы понимаете слова И.-В. Гете: «Теория, друг мой, сера, но зелено вечно дерево жизни»?
9. Согласны ли вы с утверждением К. Ясперса, что «подлинная наука включает знание о методах и границах знания»?
10. Почему, по мнению Х.-Г. Гадамера, метод – серьезный враг «наук о духе» (гуманитарных наук)?
11. Сформулируйте задачи изучения теории и методологии истории лично для себя.
12. Как вы считаете, что является приоритетным в исследовательской работе – выявление и обработка круга источников по теме, анализ историографии или определение методологических основ будущего исследования?
13. «Теория истории» и «методология истории» – объясните общее и различия этих понятий.
14. Как вы считаете, каково соотношение между объективностью и субъективностью в историческом познании? Аргументируйте свой ответ.
15. История – это наука или область художественного творчества? С чем связаны дискуссии по этому вопросу?

16. Как в афоризме «история – это непредсказуемое прошлое» выражена особенность динамики исторического знания?

17. Как определяется специфика исторического познания авторами приведенных в практикуме работ?

18. Из каких оснований исходят ученые в своих определениях специфики исторического познания?

19. Назовите традиционные критерии научности знания.

20. Какие социальные функции выполняет историческое познание и знание?

21. Объясните, каков социальный статус исторической науки, исходя из каждой ее функции.

22. Как выглядит статус исторической науки и престиж профессии историка с позиций креативности истории?

23. Прочитайте рекомендованные произведения Болинброка, Ф. Ницше, Д. Тоша и сравните их ответы на вопрос: «для чего нужна история?».

24. Почему, по мнению Болинброка, Ф. Ницше, Д. Тоша, статус исторического познания и знания нельзя определять только на основе его социальных функций?

25. Как Болинброк, Ф. Ницше, Д. Тош характеризуют человеческую природу? Как человеческая природа проявляется в историческом познании? Выявите общее и особенное в этих точках зрения.

26. Как представлена «идея истории» в античной историографии?

27. В чем состоит специфика понимания истории в средневековом христианском обществе? Что нового вносит в понимание «идеи истории» средневековая европейская христианская культура?

28. В чем состоит антропоцентризм в исторических представлениях эпохи Возрождения?

29. Что нового вносит эпоха Просвещения в понимание «идеи истории»?

30. В чем проявляется европоцентризм в концепции истории Г. Гегеля?

31. Что нового внес марксизм в понимание исторического развития?

32. Дайте характеристику марксистской концепции общественно-экономических формаций.

33. Охарактеризуйте особенности линейных макроисторических концепций истории.

34. Каковы «механизмы», движущие силы исторического прогресса в гегелевской, марксистской, позитивистской и современных макроисторических концепциях истории?

35. Что лежит в основе футурологии (истории будущего)? Что позволяет прогнозировать перспективы исторического развития?

36. В чем, на ваш взгляд, состоят сильные и слабые стороны макроисторических концепций истории? Аргументируйте ответ конкретными примерами.

37. Охарактеризуйте основные особенности и черты теоретических моделей истории французской исторической школы «Анналов» и представителей «новой исторической науки» (М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель и др.).

38. Почему цивилизационные концепции Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, О. Шпенглера, П. Сорокина А. Дж. Тойнби в литературе нередко называются культурно-исторической монадологией?

39. Опишите теоретические модели истории представителей цивилизационного подхода (Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби и др.).

40. Объясните, почему появление школы «Анналов» стало закономерным ответом на вызов социальной ситуации.

41. Какие новации предложили представители школы «Анналов» в понимании исторического развития общества на основе переосмысления предмета исторической науки?

42. Какое место в динамике социальной реальности, по мнению Ф. Броделя, занимают кризисы?

43. Что такое «глобальная история» в понимании представителей школы «Анналов»?

44. Что представляет собой культурно-исторический тип Н. Я. Данилевского?

45. Какую классификацию культурно-исторических типов предлагает Данилевский?

46. Каков цикл жизни культурно-исторического типа по Н. Я. Данилевскому?

47. В чем состоит прогресс в истории человечества по Н. Я. Данилевскому?

48. Какие законы исторического развития формулирует Данилевский? Какие теоретико-методологические принципы понимания и трактовки всемирной истории он предлагает?

49. Прогресс и глобализация в концепции П. Тейяра де Шардена.

50. Как связаны научная мысль и жизнь биосферы, по мнению В. И. Вернадского?

51. В чем важность и значение осознания и описания истории научного знания, по мнению В. И. Вернадского? Отвечает ли современное историческое познание на его запрос?

52. Что А. Л. Чижевский понимает под историометрическим циклом?

53. Назовите социально-психологические характеристики полного историометрического цикла, обнаруженные А. Л. Чижевским.

54. Охарактеризуйте микро- и макроисторические потоки в свете основополагающих идей синергетики и постмодернизма.

55. Какое различие, по вашему мнению, существует между методологией истории, методологией исторической науки, методологией исторического познания, методологией исторического исследования, методологией историографии, методологией источниковедения?

56. С какой целью и каким образом производится историческая периодизация? Вариативность и обоснования периодизации. Приведите примеры.

57. В каких случаях в исторических исследованиях могут использовать количественные методы? Приведите конкретные примеры.

58. Каким образом применяется междисциплинарный подход в исторических исследованиях? Приведите конкретные примеры. Как и с какими науками в каждом конкретном случае взаимодействует историческая наука?

59. Каким образом осуществляется выбор темы научного исследования?

60. Как происходит поиск источников по выбранной теме научного исследования?

61. Какова цель сбора и анализа историографии темы в ходе научного исследования?

62. Каким образом формируется источниковая база исследования?

63. Какие вы знаете типы и жанры исторических исследований? Назовите их особенности.

64. Опишите методику исторического исследования, опираясь на собственный научный опыт.

65. С какими фундаментальными сдвигами в историческом познании связано наличие множества направлений в современной историографии?

66. Дайте общую характеристику современных направлений историографии.

67. Так ли новы для историографии современные направления исторических исследований? Свой ответ аргументируйте.

68. В чем состоят различия между историей женщин и гендерной историей?

69. В чем различие между историей повседневности и этнографией?

70. Какая связь существует между микро- и макроисторией?

71. В чем, по вашему мнению, состоят различия между историей идей и интеллектуальной историей?

72. Как вы понимаете устную историю: как самостоятельное направление в исторической науке или как источник для других исследований?

73. Отрицает ли наличие множества направлений в историческом исследовании единство исторической реальности как предмета исторической науки? Оторваны ли от понимания жизни в целом данные этих исследований?

74. Какие идеи, подходы, принципы, методы и тому подобное можно предложить для наиболее полного раскрытия потенциала современных направлений историографии?

75. Какие новые направления исследований могли бы предложить вы?

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

1. Конспект одного из источников (в списке рекомендованной литературы выделены жирным шрифтом).

2. Выполнение задания с развернутым письменным ответом на вопрос:

1. Какие существуют проблемы, связанные с восприятием исторической науки в обществе (назовите не менее трех)?

2. Назовите не менее двух принципиальных отличий между профессиональной историографией и массовым историческим сознанием (дайте пространное и аргументированное объяснение).

3. На основании своих общих знаний по истории приведите не менее двух конкретных примеров исторических ситуаций или примеров обществ, в которых история играет роль важного элемента в формировании идентичности общества (примеры могут относиться к любой эпохе и любому географическому региону).

4. Выберите любой хорошо известный вам исторический сюжет и предложите для его изучения три темы научного исследования, которые соответствуют следующим подходам:

- позитивистский;
- марксистский;
- цивилизационный;
- мир-системный;
- историко-антропологический.

5. Почему именно в XX веке становятся популярными экзистенциальные, феноменологические и герменевтические концепции истории? Существовало ли подобное понимание истории раньше? Свои выводы подкрепите доказательствами и ссылками на рекомендованную литературу.

3. Какие методы исторического исследования рассматривает И. Д. Ковальченко в своей работе по методологии истории? Выпишите их определения. Как они применяются в современных исторических исследованиях? Для ответа используйте авторефераты диссертаций по истории Отечества или всеобщей истории.

4. Выберите одну из современных исторических работ по интересующему вас направлению (биографической, антропологической истории, гендерной истории, истории ментальностей, истории повседневности, микроистории, интеллектуальной истории, устной истории). Изучите ее и дайте ответ на следующие вопросы: 1. По каким признакам вы идентифицировали эту работу с определенным направлением (жанром) современного исторического исследования? 2. Как в данном исследовании проявляется новизна в понимании истории, источников, методов и подходов исследования? 3. Какие новые стороны, аспекты, нюансы в бытии человека и социума раскрываются в данной работе?

5. Подготовка итогового сочинения – проекта научного исследования (курсовой или выпускной квалификационной работы).

ПРИМЕРНЫЙ СПИСОК ТЕМ ДЛЯ УЧЕБНЫХ И ТВОРЧЕСКИХ ЗАДАНИЙ (КОНТРОЛЬНЫЕ РАБОТЫ, РЕФЕРАТЫ, ЭССЕ)

1. Особенности исторического познания.
2. Роль теории в истории познания.
3. Предмет методологии истории. Методологические принципы.
4. Предпосылки и условия становления методологии истории в России.
5. Методология исторической науки в России в до-революционный период.
6. Особенности советской методологии истории.
7. Дискуссии отечественных историков о теоретических проблемах исторического познания на рубеже XX–XXI вв.
8. Понятие «исторический процесс». Характер и направленность развития.
9. Понятие «общественный прогресс». Типы и критерии прогресса.
10. Источники исторического развития.
11. Формационный подход в исторических исследованиях: теория и практика.
12. Цивилизационный подход в историческом исследовании.
13. Поиск путей синтеза формационного и цивилизационного подходов.
14. Альтернативность исторического развития как методологическая проблема.
15. Влияние современности на процесс исторического познания.
16. История и политика. Влияние политической конъюнктуры на историю.
17. Отражение исторического факта в исторических источниках и исторических исследованиях.

18. Критика исторических источников и методы проверки достоверности информации.

19. Формирование и способы определения достаточности источниковой базы научного исследования.

20. Структурный, функциональный и системный методы исторического познания, их возможности и правила применения.

21. Специальные исторические методы исторического познания (биографический, историко-генетический, сравнительный, проблемно-хронологический, типологический).

22. Методы формализации и измерения исторических явлений.

23. Основные этапы и методика исторического исследования.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОДГОТОВКИ И НАПИСАНИЯ КУРСОВЫХ И ВЫПУСКНЫХ КВАЛИФИКАЦИОННЫХ РАБОТ ПО ИСТОРИИ

Курсовая и дипломная работы – это разновидность творческих научно-исследовательских заданий в системе высшего образования, призванных сформировать у студента научно-исследовательские навыки и умения, компетенции, необходимые для будущей профессиональной деятельности. Курсовая и дипломная работы выполняются как самостоятельные исследования актуального вопроса, проблемной темы (проблемы) в области исторических дисциплин.

Курсовая работа – первая самостоятельная исследовательская студенческая работа. Студент, кроме предложенной преподавателями кафедры тематики, может сам сформулировать тему. Затем студент должен самостоятельно сформировать источниковую и историографическую базу исследования, избрать теоретические и методологические основы исследования. **Дипломная, выпускная квалификационная работа** как бакалаврского, так и магистерского уровней – в полном смысле научное исследование, которое пишется в соответствии со всеми требованиями, предъявляемыми научным сообществом.

Курсовые и дипломные работы выполняются в соответствии с требованиями Государственных стандартов Российской Федерации, предъявляемыми к работам, направляемым в печать:

– ГОСТ Р 7.0.100 – 2018. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления;

– ГОСТ 7.0.93. – 2015. Система стандартов по информации библиотечному и издательскому делу;

– ГОСТ Р 7.0.11. – 2011. Диссертация и автореферат диссертации. Структура и правила оформления;

– ГОСТ Р. 7.0.12. – 2011. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила;

– ГОСТ 7.0.8. – 2008. Библиографическая ссылка. Библиографическое описание. Общие требования и правила;

– ГОСТ 7.1 – 2003. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления;

– ГОСТ 7.82. – 2001. Библиографическая запись. Библиографическое описание электронных ресурсов. Общие требования и правила составления;

– ГОСТ 7.0.100. – 2018. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.

Выбор темы курсовой (дипломной) работы

При выборе темы исследования по истории должны учитываться два важных фактора: тематика, предлагаемая научными руководителями, и научные интересы студента.

Тема работы выбирается студентом из соответствующего списка, предлагаемого выпускающей кафедрой. Студент может сам предложить интересующую его тему или аспект проблемы. Уточнив с помощью научного руководителя проблему исследования и его характер (исследование может быть конкретно-историческим, историографическим, источниковедческим и др.), студент должен разобраться со степенью изученности данной проблемы, обозначить для себя региональные и хронологические рамки исследования, выработать предварительный план содержания работы. План курсовой или дипломной работы согласовывается с научным руководителем, в дальнейшем он может уточняться в зависимости от хода исследования проблемы, наличия литературного материала и источников.

Совместно с научным руководителем составляется график консультаций. Черновой вариант курсовой ра-

боты должен быть представлен за месяц до защиты работы. Черновой вариант дипломной работы должен быть представлен за три месяца до защиты работы.

Работа по выполнению курсового и дипломного исследования условно делится на три стадии: 1) подготовительную (сбор материалов, накопление информации, подбор литературы); 2) исследовательскую (обобщение и анализ данных), постепенное написание (текстуальное изложение авторских идей, мыслей); 3) оформительскую (приведение в порядок всех материалов, из которых будет состоять курсовая работа, придание ей надлежащего законченного вида).

Сбор и первичная обработка материала

Курсовая и дипломная работы выполняются на основе изучения литературы и источников по теме исследования. К литературе относятся: специальная литература по избранной теме (монографии, статьи из научных сборников, журналов, диссертации и авторефераты диссертаций), учебники, учебные пособия и методические материалы и т. п. Важнейшим этапом работы является составление библиографического списка литературы по избранной теме. Лучше всего в данном случае воспользоваться услугами библиографического отдела областной научной библиотеки, где имеются картотека, библиографические справочники, электронный каталог; библиотекой СахГУ; электронными ресурсами. Источники, используемые в исторических исследованиях, могут быть неопубликованными (архивными) и опубликованными (официальные документы; мемуары, записки, письма и т. п.).

Следующий этап – изучение, обобщение, критическое осмысление в процессе чтения источников и литературы. Написание хорошего научного сочинения возможно только в результате основательного изучения всего доступного материала по теме, его анализа. Следует проверять достоверность имеющихся в источниках и литературе сведений с помощью сопоставления их с другими источниками и историческими сочинениями.

На этом этапе студент делает выписки, которые затем

будет использовать при написании работы. Все выписки должны сопровождаться указанием автора, названия источника, места издания, названия издательства, года издания, если речь идет о периодической печати, то и числа и месяца издания, указанием страницы. В выписках, сделанных из архивных источников, следует обозначить номер фонда, описи, дела, листа.

Структура работы Общие требования

Структура работы зависит, прежде всего, от темы исследования. Вместе с тем на структуру оказывают воздействие результаты исследования, степень изученности источников, уровень историографического обобщения литературы, количественных и качественных показателей, собранного и изученного материала по теме. Вне зависимости от темы и характера исследования в нем обязательно должны присутствовать следующие разделы: введение и заключение, главы. Обычно – это две-три главы, подразделяющиеся на параграфы (в каждой главе обычно два-четыре параграфа). Неотъемлемым элементом курсовой и дипломной работы является библиографический перечень источников и литературы, могут использоваться вспомогательные элементы – иллюстрации, приложения. Объем курсовой работы по истории – 25–30 страниц компьютерного текста (14 шрифт, 1,5 интервал). Объем дипломной работы – 60–70 страниц.

Традиционно структура курсовой (дипломной) работы выглядит следующим образом:

- титульный лист;
- план;
- введение;
- основная часть (главы, делящиеся на параграфы);
- заключение;
- список источников и литературы;
- приложения.

Написание «Введения»

Наиболее формализованная и структурно сложная

часть исследования – введение. Именно введение демонстрирует уровень теоретико-методологической подготовки автора. Обязательным компонентом введения являются: обоснование актуальности темы, историографический обзор (степень изученности темы), цели и задачи исследования, объект и предмет исследования, хронологические, географические рамки, источниковая база исследования, теоретико-методологическая основа исследования, научная новизна постановки или (и) решения проблемы, структура исследования.

1. Обоснование актуальности темы исследования является основным требованием к исследовательской работе. Обоснование актуальности исследования – это объяснение необходимости изучения данной темы и проведения исследования, раскрывая актуальность, студенту необходимо показать теоретическую, общественную и научно-практическую значимость проблемы. Студент должен понимать, что актуальность исследования – это степень его важности и востребованности изучения и решения данной проблемы в обществе. При освещении актуальности необходимо определить, в каких социальных, культурных, политических, экономических и иных условиях исследование данной проблемы становится важным, востребованным, почему знания об объекте исследования являются значимыми для общества.

Актуальность темы исследования может быть обусловлена следующими факторами:

- восполнение каких-либо пробелов в науке;
- необходимость получения новых данных;
- дальнейшее развитие проблемы в современных условиях;
- своя точка зрения в вопросе, по которому нет единого мнения;
- обобщение накопленного опыта;
- суммирование и продвижение знаний по основному вопросу;
- постановка новых проблем с целью привлечения внимания общественности.

Часто в исследовательском проекте вместе со словом «актуальность» используют слово «новизна» исследования.

Примеры обоснования актуальности темы исследования:

1. Тема: «Западносибирская модель христианизации: характер, механизм, особенности (на примере Хакасско-Минусинского края в XVII–XIX вв.)»

«Актуальность темы ...определяется ролью, которую сыграло православие в истории коренных народов Сибири. Исторический опыт существования в полиэтническом и поликонфессиональном пространстве, накопленный российской государственностью, может помочь в формировании эффективной религиозной политики, выработке модели взаимоотношений государства, общества, религии, сохранении баланса между различными объединениями»².

2. Тема: «Земское самоуправление на Дальнем Востоке в условиях революций и Гражданской войны (1917–1922 гг.)»

«Актуальность темы исследования. В начале XXI в. на новом этапе развития российской государственности все большее значение приобретает развитие органов местного самоуправления. После распада СССР, когда была разрушена старая система управления, оказались разорванными экономические, политические и культурные связи между бывшими республиками и даже отдельными регионами, встала задача их выживания в новых рыночных условиях. Все эти изменения закономерно требуют формирования новой системы управления... В настоящее время российское правительство продолжа-

² Асочакова В. Н. *Западносибирская модель христианизации: характер, механизм, особенности (на примере Хакасско-Минусинского края в XVII–XIX вв.)* : автореф. дис. ... д-ра истор. наук. – Томск, 2011. – С. 3.

ет реализовывать свои проекты в этой области...»³

3. Тема: «Социально-политическое развитие королевства Рюкю в XVII–XIX вв.»

«Актуальность темы исследования. История возникновения королевства Рюкю, его развитие, отношения с Китаем и Японией зачастую остаются за пределами внимания исследователей. Но эта территория до того, как вошла в состав Японии, прошла самобытный путь развития, не зная которого, трудно понять, почему до сих пор жители префектуры не ощущают себя в полной мере японцами... Актуальность данного исследования определяется многообразием и особенностью исторических путей развития Рюкю и связи их с современным положением префектуры Окинава. Выявление и изучение исторических предпосылок, специфических факторов и особенностей становления, развития и присоединения Окинавы к Японии позволяют глубже понять суть многих современных проблем в префектуре, определяют ее место в истории Японии и дают возможность понять социальные процессы, происходящие в ней на современном этапе, и прогнозировать ситуацию в будущем»⁴.

2. Характеристика историографии проблемы призвана подкрепить обоснование актуальности темы исследования. В этой части введения автор должен проанализировать исследовательскую литературу (монографии, научные статьи, диссертации и т. д.) по заявленной теме. Если рассуждения об актуальности призваны доказать социальную значимость темы, то анализ историографии должен обосновать научную значимость предпринима-

³ Черная Е. В. *Земское самоуправление на Дальнем Востоке в условиях революций и Гражданской войны (1917–1922 гг.)* : автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Владивосток, 2011. – С. 3.

⁴ Пустовойт Е. В. *Социально-политическое развитие королевства Рюкю в XVII–XIX вв.* : автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Владивосток, 2011. – С. 3–4.

емого исследования, показать, что тема исследования значима и как научная проблема, еще не изученная в полной мере. Это становится возможным в случае, если:

– данная проблема еще не становилась объектом научного исследования или изучались лишь отдельные ее аспекты;

– данная проблема исследовалась, но с недостаточной источниковой базой;

– данная проблема исследовалась, но в рамках старых теоретико-методологических подходов;

– данная проблема исследовалась, но при ее изучении были упущены важные аспекты, именно они и становятся объектом исследования.

Знание историографии заявленной темы исследования дает возможность представить степень ее изученности, продемонстрировать широкий взгляд автора на научные исследования, относящиеся к теме. Так, автор не должен игнорировать работы с тем же объектом или предметом исследования, но в иных хронологических или географических рамках. В таких исследованиях могут содержаться важные методологические подходы, гипотезы, теории, важные для формирования авторской концепции. Необходимо изучить и обобщающие труды с более широким объектом исследования, научные работы, предпринимаемые в смежных областях науки, связанные с объектом исследования, так как они помогают включить исследуемый объект в более широкий исторический контекст.

При написании историографического обзора следует иметь в виду следующие принципы: **хронологический**, который позволяет установить периодизацию историографии избранной проблемы, показать, как и каким образом шло развитие исследования данной темы, как вовлекались в научный оборот новые источники, расширялась проблематика исследования. **Проблемный** принцип историографического обзора позволяет построить его таким образом, чтобы показать изученность данной темы по проблемам, имеющим отношение к работе. **Комбинированный, проблемно-хронологи-**

чешский метод построения историографического обзора позволяет не только выявить хронологию изучения данной темы, но и показать, какие стороны проблемы изучались на каждом этапе исследования, поэтому он является основным при освещении историографии темы. При наличии иностранной исследовательской литературы по теме целесообразно деление историографического обзора на разделы «отечественная» и «зарубежная историография» проблемы.

Историография темы освещается от общего к частному, автор определяет разделы, соответствующие основным проблемам, аспектам темы, в той или иной степени изученным в историографии. В каждом разделе в хронологической последовательности, с выделением этапов изучения, сложившихся в историографии направлений и научных школ, дается обзор исследований. Обзор не может сводиться к простому перечислению авторов и их работ. Завершает этот раздел вывод, в котором автор определяет степень изученности темы и определяет круг неисследованных или малоисследованных аспектов. Автор должен также указать, что тема его исследования соответствует всему кругу выявленных неизученных аспектов или одному из них.

Анализ историографии позволяет перейти к формулировке цели, задач, объекта и предмета исследования.

3. Во введении следует определить цель работы и вытекающие из этой цели задачи.

Цель – желаемый конечный результат исследования, она характеризует суть знания, которое автор предполагает получить в итоге. Формулировка цели исследования должна соответствовать его теме, она обычно начинается с преамбулы: «разработать...», «установить...», «обосновать...», «выявить...» и т. д. Следует иметь в виду, что цель не может состоять в «исследовании» (ради исследования!), «рассмотрении», так как это сам процесс, ведущий к достижению цели, «анализе» (это метод) и тому подобном, но в получении каких-либо теоретических выводов и практических рекомендаций, разработке

чего-то нового в теории, науке и практике. Тем не менее не редко исследователи употребляют при формулировании темы именно эти термины.

Задачи – пути и средства, этапы достижения цели. При формулировании задач исследования необходимо учитывать, что описание решения этих задач составит содержание глав и параграфов, названия которых созвучны поставленным задачам. Формулировка задач обычно начинается со слов: «исследовать сущность», «уточнить определение», «систематизировать», «проанализировать», «уточнить и дополнить», «обосновать», «изучить», «установить», «показать», «раскрыть», «выявить» и т. д.

Пример формулировок цели и задач исследования:

1. Тема исследования: «Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е гг.»

«Автор данной работы поставил целью раскрыть характер и сущность взаимодействия различных государственных структур с религиозными организациями в Сибири в 1940–1960-е гг. Достижению этой цели способствовало решение следующих задач:

1) выявление географии размещения религиозных конфессий в Сибири; систематизации данных о конфессиональном составе, примерной численности общин, их структуре;

2) характеристика региональных особенностей конфессиональной ситуации Сибири;

3) анализ становления института уполномоченных по делам религии, формирующих государственную религиозную политику и занимающихся ее практическим осуществлением на местах;

4) определение места и роли спецслужб в общегосударственной вероисповедной политике;

5) выявление основных направлений и результатов деятельности органов, реализовавших вероисповедную политику государства в отношении конкретных религиозных организаций Сибири;

6) характеристика особенностей механизмов (каналов) воздействия государственных структур на жизнедеятельность религиозных организаций;

7) выявление основных этапов развития государственно-конфессиональных отношений»⁵.

2. Тема: «Эмиграция из России (СССР) в Китай и реэмиграция в первой половине XX в.»

«Цель исследования состоит в реконструкции процессов эмиграции из Российской империи (Советской России, СССР) в Китай и репатриации в первой половине XX в., выявлении причин, определявших миграционное движение, оценке его последствий и результатов.

Исследовательские задачи: 1) выявить основные факторы миграционного обмена между Россией (СССР) и Китаем в рассматриваемый хронологический период, оценить масштабы и специфику эмиграции и репатриации (в т. ч. реэмиграции); 2) охарактеризовать основные тенденции в развитии законодательства СССР, определявшие политику в области гражданства, въезда и выезда из страны; 3) реконструировать политику советского государства в отношении репатриантов из Китая и определить масштабы использования их труда в экономике; 4) описать модели адаптации эмигрантов в инокультурной среде и реинтеграции репатриантов»⁶.

3. Тема: «Социально-экономическое положение Советского Сахалина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов»⁷

Цель данной дипломной работы: раскрыть особенно-

⁵ Горбатов А. В. *Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е гг.* : автореф. дис. ... д-ра истор. наук. – Кемерово, 2009. – С. 15.

⁶ Аблажей Н. Н. *Эмиграция из России (СССР) в Китай и реэмиграция в первой половине XX в.* : автореф. дис. ... д-ра истор. наук. – Новосибирск, 2008. – С. 4–5.

⁷ Скок И. Г. *Социально-экономическое положение Советского Сахалина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Выпускная квалификационная работа (направление подготовки 46.03.01 «История», профиль «Историческое краеведение»).* – Южно-Сахалинск, 2020. – С. 8.

сти развития экономики советского Сахалина и повседневной жизни населения Сахалинской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Задачи исследования:

1) ознакомиться с экономической характеристикой Сахалинской области в начале 1940-х годов и в годы Великой Отечественной войны;

2) выявить, какие социально-экономические вопросы приходилось решать сахалинской партийной организации в годы Отечественной войны 1941–1945 гг.;

3) изучить особенности бытовых условий и обеспечения продовольствием населения Северного Сахалина в годы Великой Отечественной войны;

4) показать, какую помощь оказывало мирное население Сахалина фронту.

4. Объект исследования – процесс или явление (феномен) в истории, которое порождает проблему, выбранную для исследования в работе. **Предмет исследования** – то, что находится в границах объекта исследования и на что направлено внимание автора работы. Предмет исследования – это тот аспект проблемы, исследуя который, мы познаем целостный объект, выделяя его главные, наиболее существенные признаки.

Основным отличием **предмета исследования** от **объекта исследования** является то, что предмет исследования является частью объекта исследования. То есть под предметом исследования понимаются значимые с теоретической или практической точки зрения свойства, особенности или стороны объекта. В каждом объекте исследования может быть несколько предметов исследования, и концентрация исследователя на одном из них означает, что другие предметы исследования остаются в стороне от интересов исследователя. Объект и предмет исследования как научные категории соотносятся как общее и частное. Первичным является объект исследования (более широкое понятие), вторичным – предмет исследования, в котором выделяется

определенное свойство объекта исследования.

Предмет исследования чаще всего совпадает с определением его темы или очень близок к нему. Объект и предмет исследования так же, как и его цели и задачи, зависят не только от выбранной темы, но и от замысла исследователя.

Примеры определения объекта и предмета исследования:

1. Тема: «Деятельность инженеров путей сообщения по реализации железнодорожной транспортной политики на Дальнем Востоке России (конец XIX в. – 1917 г.)»

Объектом исследования является железнодорожная транспортная политика России на Дальнем Востоке страны на рубеже XIX–XX вв.

Предметом исследования является деятельность инженеров путей сообщения при проведении изыскательских и строительных работ на линии Уссурийской и Амурской железных дорог⁸.

2. Тема: «Организация и деятельность пограничной охраны Советского государства в 1917–1922 гг.»

«**Объект** исследования – пограничная охрана РСФСР и взаимодействующие с ней ведомства. **Предмет** исследования – процесс развития и трансформации пограничной охраны в условиях формирования Советского государства; деятельность высших должностных лиц и органов Советского государства, командиров (начальников), органов государственного и военного управления по комплектованию и организации функционирования пограничной охраны»⁹.

⁸ Лисицын А. А. Деятельность инженеров путей сообщения по реализации железнодорожной транспортной политики на Дальнем Востоке России (конец XIX в. – 1917 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Хабаровск, 2011. – С. 10.

⁹ Полянский М. В. Организация и деятельность пограничной охраны Советского государства в 1917–1922 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 2016. – С. 6.

3. Тема: «Опыт реформирования и деятельности органов милиции Хабаровского края в 1953–1968 гг.»

Объектом исследования является государственная политика в области правоохранительной деятельности в 1953–1968 гг.

Предметом исследования служит опыт реформирования и деятельности органов милиции Хабаровского края в 1950–60-е гг.

5. В рамках формулировки объекта и предмета исследования обосновываются хронологические и территориальные (географические) рамки исследования.

1. Тема: «Социально-экономическое и политическое развитие Сахалинской области после окончания Великой Отечественной войны (1945–1964)»

«**Хронологические рамки** охватывают период с августа 1945 года, то есть с момента возвращения Южного Сахалина и Курильских островов в состав СССР после окончания Великой Отечественной войны и по 1964 год – год отставки Н. С. Хрущева и свертывания социально-экономических реформ.

Территориальные рамки работы включают территорию Южного Сахалина и Курильских островов с конца августа 1945 года, когда советские войска заняли всю территорию юга Сахалина и Курил; с сентября по октябрь 1945 года территория области являлась частью театра военных действий 2-го ДВФ; после окончаний боевых действий с октября 1945 года по 2 февраля 1946 года в составе ДВО»¹⁰.

2. Тема: «Японская денежная экспансия в экономике

¹⁰ Беляева А. А. Социально-экономическое и политическое развитие Сахалинской области после окончания Великой Отечественной войны (1945–1964). Выпускная квалификационная работа (направление подготовки 46.03.01 «История», профиль «Историческое краеведение»). – Южно-Сахалинск, 2020. – С. 7.

Дальнего Востока России в период Гражданской войны 1918–1922 гг.»¹¹

Хронологические рамки исследования определены периодом с 1918 по 1922 г. Выбор как отправной точки исследования определен, с одной стороны, началом Гражданской войны, а с другой стороны – началом военной интервенции войск союзников на Дальнем Востоке России. Оба события привели к формированию особых условий денежного обращения в контексте политической и социально-экономической жизни региона. Верхняя хронологическая граница исследования обуславливается окончанием Гражданской войны, а также окончанием военной интервенции и вывода японских военных подразделений с территории Дальнего Востока России, приведшей к уменьшению влияния иностранной валюты на экономику региона, но не устранившей ее полностью. Выбранный отрезок позволяет исследовать внедрение Японией японских денежных знаков в экономику региона на всех этапах интервенции и Гражданской войны на Дальнем Востоке России с целью замещения местной валюты – рубля и взятия под свой контроль экономики региона для последующего присоединения или колонизации данной территории.

Территориальные (географические) рамки исследования соответствуют историческому содержанию понятия «Дальний Восток России». До начала марта 1917 г. российский Дальний Восток (бывшее Приамурское генерал-губернаторство) включал территории современных Хабаровского, Приморского краев, Амурской, Камчатской, частично Магаданской областей, Северный Сахалин, с охватом территории Забайкалья. Кроме того, в исследовании частично затрагивается

¹¹ Киселёв А. Л. Японская денежная экспансия в экономике Дальнего Востока России в период Гражданской войны 1918–1920 гг. Выпускная квалификационная работа (направление подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование», профиль «История»). – Южно-Сахалинск, 2020. – С. 10–11.

территория Сибири (г. Омск), Харбин и полоса отчуждения КВЖД как территории, экономически и политически тесно связанные с Дальним Востоком России в тот период истории.

6. Характеристика источниковой базы исследования призвана показать, что автору удалось не только сформулировать актуальную тему, но и показать, что у него имеются возможности решить поставленные задачи и добиться цели исследования. Этот раздел должен содержать характеристику опубликованных и неопубликованных источников, которые должны быть разделены на отдельные группы, с указанием их специфики и роли в исследовании темы. Источниковый обзор должен показать, что автору удалось собрать исчерпывающую фактическую базу исследования, изучение которой позволило решить поставленные задачи и достичь заявленной цели.

Примеры описания источниковой базы исследования:

1. Тема: «Государственно-конфессиональные отношения в сфере образования и пропаганды на российском Дальнем Востоке в 1917–1939 годах»

«Источниковую базу диссертационного исследования составил комплекс опубликованных и неопубликованных источников.

Опубликованные документы и материалы в соответствии со своим происхождением подразделяются на несколько групп: 1) законодательные акты советского государства и нормативные акты различных советских ведомств, а также программные документы ВКП (б); 2) опубликованные архивные документы; 3) материалы периодической печати; 4) источники личного происхождения.

Первая группа источников представляет собой комплекс официальных документов государства и партии, законодательных актов, выступлений государственных и партийных деятелей, которые отражают суть государственно-конфессиональных отношений в сфере обра-

зования и пропаганды¹². Для анализа политики партии в области религии в качестве источников привлекались труды видных государственных и политических деятелей: В. И. Ленина, В. Д. Бонч-Бруевича, А. В. Луначарского, Н. К. Крупской, Л. Д. Троцкого и др. Важными источниками для диссертационного исследования послужили статьи, речи и доклады лидеров “безбожного движения” Ем. Ярославского, Ф. М. Путинцева, Ф. Оленщук, И. Узкова и др., они содержат богатый фактологический материал об организации антирелигиозной работы как в целом по стране, так и в регионах.

Ко второй группе опубликованных источников относятся документальные комплексы, отражающие государственно-конфессиональные отношения на российском Дальнем Востоке¹³. Опубликованные в различных сборниках, эти документы позволили выявить характер государственной политики и вычленить деятельность властных структур в области государственно-конфессиональных отношений в сфере образования и пропаганды. Частичная репрезентативность сборников документов, появившихся в советское время, объясняется выбором источников, показывавших информацию

¹² Декреты Советской власти. – Т. 1. – М.: Политиздат, 1957; Коммунистическая партия и Советское правительство о религии и церкви. – М., 1959; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т. 2. – 1917–1924. – 8-е изд. – М., 1970; Народное образование в СССР. Сб. документов 1917–1973 гг. – М., 1974; Основной закон (Конституция) Дальневосточной республики. – Чита, 1921; Законодательство о религиозных культах (сборник материалов и документов). Для служебного пользования. – М., 1971; О религии и церкви. Сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и советского государства. – М., 1981.

¹³ Дальсовнарком (1917–1918 гг.): сборник документов. – Хабаровск, 1969; Дальревком: сборник документов. – Хабаровск, 1967; Культурное строительство на Дальнем Востоке. 1917–1941: Документы и материалы. – Владивосток, 1955; Местные Советы Приморья. Страницы истории: сборник документов. 1922–1985. – Владивосток, 1990.

в рамках официальной концепции. Среди имеющихся документальных публикаций следует выделить сборник документов “Религия и власть на Дальнем Востоке”¹⁴. В нем содержатся материалы по истории государственно-церковных отношений на российском Дальнем Востоке с 1840 г. по настоящее время. Сборник позволяет детально проследить процессы развития социально-культурной сферы региона, выявить в ее развитии как положительные, так и отрицательные тенденции. Однако зачастую включенные в разные сборники статистические данные имели существенные расхождения, что затрудняло осуществление анализа и сопоставления показателей за разные периоды.

В качестве источника в диссертационном исследовании использовалась светская и церковная периодическая печать 1917–1939-х гг. Важное место в советской периодике занимают центральные журналы и газеты: “Безбожник”, “Антирелигиозник”, “Воинствующий атеист”, “Красное знамя”, “Народное просвещение”, “Известия”, “Правда”, “Труд”, “Административный вестник” и др. Эти издания на своих страницах размещали руководящие и методические указания по реализации государственной политики в сфере образования и просвещения, проведению культурного строительства, систематически освещали опыт работы местных организаций. Региональная периодика 1917–1930-х гг. (“Дальний Восток”, “Дальневосточные известия”, “Дальневосточный путь”, “Полярная звезда”, “Просвещение на Дальнем Востоке”, “Тихоокеанская звезда” и др.) публиковала материалы, популяризирующие важнейшие мероприятия советской власти в области государственно-конфессиональных отношений в сфере образования и просвещения. В исследовании широко представлена церковная пресса общероссийского и местного уровня: “Благовестник”,

¹⁴ Религия и власть на Дальнем Востоке: сборник документов Государственного архива Хабаровского края. – Хабаровск: Частная коллекция, 2001.

“Братский вестник”, “Вестник христианского союза молодых людей”, “Баптист”, “Христианин” и др. Эти источники позволяют увидеть своеобразное “закулирье” взаимоотношений государства и конфессий, раскрывают особенности политики в сфере распространения церквями своего учения и противодействия советской власти, дают ценнейший статистический материал.

Информативным и интересным видом источника являются документы и материалы личного происхождения. Мемуары и дневниковые записи государственных деятелей, профессиональных лидеров и участников событий того времени дают возможность не только представить действующих лиц той эпохи с совершенно иной, человеческой стороны, но и проиллюстрировать архивные материалы¹⁵.

Основной массив использованных при написании диссертации материалов составили неопубликованные источники из центральных и региональных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ); Российского Государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ); Государственного архива Сахалинской области (ГАСО); Государственного архива Амурской области (ГАО); Государственного архива Приморского края (ГАПК); Государственного архива Камчатского края (ГАКК); Государственного архива Хабаровского края (ГАХК).

Ценным источником по истории государственно-конфессиональных отношений в сфере образования и пропаганды являются документы фондов ГАРФ, на материалах которых можно проследить судьбу духовных учебных заведений РПЦ (Ф. 6991), проанализировать полемику на заседаниях Временного Правительства о судьбе духовного образования в России (Ф. 1779), исследовать материалы Постоянной центральной Комиссии по вопросам культов (Ф. Р-5263) и Центрального Совета Союза Воинствующих Безбожников СССР (Ф. Р-5407).

¹⁵ Винс Г. П. Тропою верности. – Киев, 1997.

В Ф.1779 и Р-5263 содержатся ежегодные отчеты о религиозной обстановке, справки о деятельности той или иной конфессии, докладные записки, статистические данные, письма и жалобы верующих, инструктивные письма по организации антирелигиозной деятельности, биографии руководителей религиозных объединений, справки о регистрации служителей культа и т. д. Материалы данных фондов позволяют восстановить картину религиозной жизни в стране, отношение к религии, церкви и верующим органов власти.

К исследованию привлечены также документы региональных архивов, которые в соответствии с содержанием подразделяются на несколько групп.

Первая группа – документы официального делопроизводства, это отчеты о проведенной работе, докладные записки, ответы на запросы партийных и советских органов, характеризующие состояние антирелигиозной работы в регионе. Они сосредоточены в фондах РГИА ДВ Ф. Р-2413, ГАО Ф. П-81, И-70, ГАХК Ф. Р-137, П-44, П-399, ГАПК Ф. Р-25, П-34, ГАКК Ф. П-19 и дают возможность увидеть систему мероприятий, проводимых государством в сфере образования и пропаганды, проанализировать их эффективность.

Вторая группа источников представлена материалами о деятельности религиозных организаций в сфере образования и пропаганды. Особенно ценные документы были обнаружены в ГАО Ф. Р-481, в этом фонде содержатся не только перепечатка статьи Путинцева “Сектантство на Амуре”, но и комментарии, дополнения и исправления, внесенные членами общественной организации Союза безбожников в характеристику молокан, баптистов и евангельских христиан Приамурья. Документы, содержащиеся в Ф. П-399 ГАХК о деятельности баптистов г. Хабаровска, дополняют этот материал. По документам, хранящимся в РГИА ДВ Ф. И-159, появляется возможность дать характеристику издательской деятельности ЕХБ в годы Гражданской войны. Сведения об антисоветской деятельности православных общин на Дальнем Востоке сохранились в

ГАКК Ф. Р-300. Обращения граждан к органам власти с требованием возобновить преподавания Закона Божьего, вопросы финансирования законоучителей, открытие духовных школ, методы деятельности благовестников и др. сосредоточены в ГАКК Ф. Р-8, Р-25, Р-88, РГИА ДВ И-28, И-244, ГАПК Ф. П-61, П-67. Исследование данных фондов позволяет воссоздать реальную картину религиозной жизни региона.

К третьей группе архивных документов относятся документы по организации антирелигиозной пропаганды на Дальнем Востоке. Рекомендации по внедрению антирелигиозного компонента в систему школьного образования, программы, перечни учебной и методической литературы, рекомендованной Наркопросом и Союзом безбожников, сосредоточены в РГИА ДВ Ф. Р-2422, Р-3240, Р-2411, ГААО Ф. Р-69. Пропагандистские материалы, содержащие сценарии антирелигиозных праздников, массовых мероприятий, школьных и клубных вечеров, рекомендации по внедрению новой обрядности в быт дальневосточников стали объектом анализа при исследовании фондов ГАСО Ф. Р-1174, ГААО Ф. П-9, ГАПК Ф. П-61, ГАКК Ф. П-45, П. 53, П-326, Р-37, Р-122, Р-265, Р-286, Р-300, ГАХК Ф. П-2, П-44, П-618, Р-58. Большой фактический материал по истории Союза безбожников на Дальнем Востоке содержится в фондах ГАХК Ф. П-618, Р-58, ГААО Ф. Р-81, ГАКК Ф. П-2»¹⁶.

2. Тема: «Деятельность Государственной Думы Российской империи в 1906–1917 гг.»

«Источниковая база исследования» включает несколько разнообразных по характеру, содержанию и происхождению групп источников.

Поскольку исследование носит институциональный

¹⁶ Федирко О. П. Государственно-конфессиональные отношения в сфере образования и пропаганды на российском Дальнем Востоке в 1917–1939 годах : автореф. дис. ... д-ра истор. наук. – Благовещенск, 2012. – С. 10–12.

характер, то обязательной группой источников являются нормативно-правовые акты Российской империи, главным образом: Манифест «Об учреждении Государственной Думы» от 06 августа 1905 г.¹⁷, Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г.¹⁸, Высочайшее утверждение от 20 февраля 1906 г. «Учреждение Государственной думы»¹⁹, Свод Основных Государственных Законов Российской империи²⁰, Наказ Государственной Думы²¹, Манифест от 03 июня 1907 г. «О роспуске Государственной думы, о времени созыва новой Думы и об изменении порядка»²².

Важная информация содержится в материалах делопроизводства Государственной Думы. К ним относится такой источник, как стенографические отчеты заседаний общего собрания Государственной Думы²³.

Для характеристики организации и деятельности думских объединений крайне важны документы партий-

¹⁷ Манифест «Об учреждении Государственной Думы» от 06 августа 1905 г. Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. – Т. XXV. – № 26656. – URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.html

¹⁸ Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г. Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. – Т. XXV. – № 26803. – URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.html

¹⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. – Т. XXVI. – № 27424. – URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.html

²⁰ Свод Основных Государственных Законов Российской империи / ред. от 23 апреля 1906 г. – URL: <http://pravo.gov.ru/>

²¹ Наказ Государственной Думы // Конституционные проекты в России XVIII–начала XX в. / Ин-т рос. истории. Рос. акад. наук, Итал. ин-т востоковедения (г. Неаполь) / отв. ред.: С. Бертолисси, А. Н. Сахаров. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 2000.

²² Манифест от 03 июня 1907 г. «О роспуске Государственной думы, о времени созыва новой Думы и об изменении порядка». Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. – Т. XXVII. – № 29240. – URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.html

²³ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созывы I–IV: в 32 т. – СПб., 1906–1916. – URL: <http://www.prlib.ru>

ных организаций и фракций Государственной Думы²⁴.

Значительную по объему информации группу составляют документы личного происхождения, например: дневники и переписка Николая II²⁵, воспоминания А. И. Гучкова²⁶, В. А. Маклакова²⁷, П. Н. Милюкова²⁸, С. Ю. Витте²⁹, М. М. Ковалевского³⁰, Н. С. Таганцева³¹, В. В. Шульгина³², В. Н. Коковцова³³, дневник А. В. Богдановича³⁴, речи П. А. Столыпина³⁵.

Представленные группы источников позволяют изучить деятельность Государственной Думы Российской империи и установить политическую значимость данного законодательного органа в механизме государства. Но, к сожалению, в отечественной историографии нет специальных исследований, посвященных анализу законопроектов, инициированных именно представителями различных думских фракций. Такой пробел объ-

²⁴ Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг. : Документы и материалы. – М. : РОССПЭН, 2006.

²⁵ Николай II: Воспоминания. Дневники. – СПб. : Пушкинский фонд, 1994.

²⁶ Гучков А. И. В Третьей государственной думе (1907–1912 гг.). – СПб. : тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1912. – URL: <http://www.rsl.ru/>

²⁷ Маклаков В. А. Вторая Государственная Дума. – London : Overseas publ. interchange, 1991.

²⁸ Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917). – Т. 1. – М. : Современник, 1990.

²⁹ Витте С. Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. / коммент. и указ. имен сост. Б. В. Ананьичем [и др.]. – М. : Мысль, 1991.

³⁰ Ковалевский М. М. Моя жизнь: воспоминания. – М. : РОССПЭН, 2005.

³¹ Таганцев Н. С. Пережитое: Учреждение Государственной думы в 1905–1906 гг. – Петроград : 13-я Государственная типография, 1919. – 230 с. – URL: <http://www.rsl.ru/>

³² Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год. – М. : Новость, 1990.

³³ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. – Кн. 1. – М. : Наука, 1992.

³⁴ Богданович А. В. Три последних самодержца : дневник. – М. : Новости, 1990.

³⁵ Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. Самые знаменитые речи и письма. – М. : АСТ, 2013.

ясняется недостаточным вниманием исследователей к состоянию общественной мысли и общественного сознания начала XX в. в контексте оценки уровня законотворческой зрелости общества»³⁶.

7. В следующем разделе введения описываются теоретико-методологические основы исследования.

Основными общими методологическими принципами исторического исследования являются принципы историзма, системности и объективности. Принцип историзма – традиционный принцип исторического исследования, обязывает изучать любое историческое явление в генезисе и развитии, конкретно-исторической обусловленности и региональной специфике. Принцип системности позволяет рассматривать исследуемый предмет как систему, состоящую из взаимосвязанных частей и как часть какой-либо более крупной системы. Принцип объективности чрезвычайно важен в исторических исследованиях, так как позволяет преодолеть и предотвращать субъективизм, идеологизацию, одномерность и запрограммированность исследования, следовать за фактами, а не встраивать их в заранее заданную схему. Этот принцип предполагает выявление всей совокупности самых разнообразных точек зрения и тенденций, в том числе и взаимоисключающих, их непредвзятое исследование и аргументированную критическую оценку. Принципы исследования помогают видеть исторические события и процессы объективно, в их реальном развитии, изменении, всесторонней взаимосвязи друг с другом, дают возможность избежать классовой, политической, конфессиональной идеологизации исследования.

Методологической основой исследования являются подходы и теории, выработанные представителями

³⁶ Гавришук С. В. Деятельность Государственной Думы Российской империи в 1906–1917 гг. : выпускная квалификационная работа (направление подготовки 46.03.01 «История», профиль «Историческое краеведение»). – Южно-Сахалинск, 2017. – С. 8–10.

исторических, философских и тому подобных школ и используемые при проведении исследования: формационного (ортодоксального, марксистского), миросистемного, цивилизационного подходов; используются также более узкие концепции – региональный, биографический подходы, фронтирная теория, теория колонизации и т. д. К этой же части относится уточнение терминологии, используемой в исследовании, и т. п.

Специальные методы исторического исследования, которые могут использоваться в исследовании: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный³⁷. Историко-генетический метод направлен на анализ развития исследуемого объекта, а все изменения, которые в нем происходят, – представляются имеющими причины и следствия, подчиняющимися закономерностям исторического развития. С помощью этого же метода изучается развитие исследований по изучаемой проблеме и выстраивается периодизация историографии темы. Историко-сравнительный метод (компаративный) позволил выявить общее и особенное в исторических явлениях, процессах и фактах, этот метод, в частности, дает возможность сопоставить разные периоды истории исследуемого предмета внутри заявленного хронологического периода, а также сравнить исследуемый период с предыдущим и последующим. Историко-типологический метод имеет своей целью разбиение (упорядочение) совокупности объектов или явлений на качественно определенные типы (классы), на основе присущих им общих существенных признаков позволяет, в частности, выявить и проанализировать основные группы источников и исторических исследований по теме в рамках сформулированной пери-

³⁷ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2003. – С. 182–207; Дударенок С. М., Поправко Е. А. Методы исследования культуры: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – Владивосток: Изд. дом Дальневост. федерал. ун-та, 2013. – С. 177–200.

одизации и т. п. Историко-системный метод, использующий структурный и функциональный анализы, акцентирует внимание на исследовании общественно-исторических систем различного уровня, их структур и функций.

Могут использоваться также общенаучные методы и методы других наук: методы анализа и синтеза; синхронистический, статистический метод, метод интервьюирования и пр.

Автор должен в более или менее развернутом виде объяснить, каким именно образом он использует в работе указываемые им теории, концепции, методы исследования.

Примеры описания теоретико-методологической части во введении к выпускной квалификационной работе:

1. Тема: «Деятельность Государственной Думы Российской империи в 1906–1917 гг.»

«Методологическая основа исследования. Для объяснения изменений государственного строя Российской империи использована теория модернизации. Данная теория обладает потенциалом для изучения процессов, шедших в России в начале XX в. Развитие парламентаризма является одним из признаков модернизации общественной системы, что позволяет использовать указанную теорию в качестве базовой парадигмы для анализа деятельности Государственной Думы Российской империи.

В работе используется многолинейная модель модернизации, преимуществом которой является отказ от понимания модернизации как единого процесса системной трансформации³⁸. Данная трактовка признает наличие неравномерностей и даже остановок в ходе модернизации. С обсуждения снимается пункт о неизбежности перехода к новому типу общества европейского образца, а также пункт о неминуемом торжестве демократической

³⁸ Побережников И. В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обозрение. – 2002. – Вып. 8. – С. 157.

модели. Развитие национальной политической системы, в таком случае, рассматривается как своеобразная траектория перехода к ценностям индустриального общества, но подверженная влиянию социокультурной традиции и внешнего международного фактора.

Основой исследования стала совокупность принципов объективности и историзма. Принцип объективности выступает важным ориентиром, призванным свести к минимуму противоречия между историческим фактом и его многочисленными интерпретациями, связанные с процессами становления парламентаризма. Принцип историзма реализуется путем исследования зарождения, динамики развития, деятельности и упразднения института представительной власти в России в период 1905–1917 гг.

Специально-научными методами исследования выступают: историко-генетический метод, с помощью которого представляется возможным произвести анализ причинности изменений в политической системе государства и раскрыть генезис развития нового государственно-правового явления для российского общества начала XX в. – Государственной Думы; историко-биографический метод позволяет проследить личностное отношение государственных деятелей исследуемого периода к появлению института народного представительства; историко-системный метод направлен на изучение объектов и явлений прошлого как целостных исторических систем, с помощью которого “нижняя” палата имперского парламента рассматривается в структурно-функциональном и динамическом ключе»³⁹.

2. Тема: «Остров Сахалин в 1906–1907 гг.»

«Методологическая основа исследования. В работе была предпринята попытка создать целостную картину развития Сахалина, используя цивилизацион-

³⁹ Гавришук С. В. Деятельность Государственной Думы Российской империи в 1906–1917 гг. : выпускная квалификационная работа (направление подготовки 46.03.01 «История», профиль «Историческое краеведение»). – Южно-Сахалинск, 2017. – С. 10–11.

ный подход. При работе с источниками и литературой применялись общенаучные принципы исследования – системности (при выявлении взаимосвязи процессов, происходивших на Сахалине, с социально-экономическими и политическими процессами, протекавшими в российском и японском обществе в исследуемый период), историзма (предопределил изучение ситуации, сложившейся на о. Сахалин в начале XX в., в исторической динамике с выявлением основных тенденций и закономерностей развития), объективности (во избежание некоторых односторонних субъективных представлений прежних лет). Важное значение для работы имел сравнительный подход, позволяющий сопоставить ситуацию, сложившуюся на Сахалине, в формировании русской и японской колоний, подчеркнуть различия и выявить общие черты в развитии»⁴⁰.

3. Тема: «Женское движение в странах Европы и Америки во второй половине XIX–XX вв.»

«Теоретико-методологической базой исследования являются: принципы историзма и принцип системности, гендерный подход. Историко-системный метод позволяет рассмотреть женское движение как часть общественного движения стран Европы и Америки, историко-сравнительный метод позволяет провести сравнение выявленных этапов феминизма.

В исследовании данной темы стоит вопрос об уточнении использованной терминологии: под “феминизмом” мы понимаем женское движение, целью которого является устранение дискриминации женщин и уравнение их в правах с мужчинами. “Гендер” – социальный пол, комплекс социокультурных различий (статусов, стереотипов, мышления и поведения) мужчины и жен-

⁴⁰ Семельман М. В. Остров Сахалин в 1906–1907 гг.: выпускная квалификационная работа (направление подготовки 46.03.01 «История», профиль «Историческое краеведение»). – Южно-Сахалинск, 2017. – С. 12–13.

щины. “Суфражизм” (от фр. *“suffrage”* – *голос*, право голоса). Женское движение второй половины XIX в. – начала XX в., за предоставление женщинам равных с мужчинами избирательных прав. “Эмансипация” – освобождение от зависимости, угнетения, неравноправия. Уравнение в правах. “Сексизм” – идеология и практика дискриминации женщин по признаку пола, основанная на стереотипных моделях гендерных ролей и убеждениях в превосходстве мужского пола над женским. “Патриархат” – форма социальной организации, в которой мужчина является основным носителем политической, экономической и социальной власти и морального авторитета. Для патриархата характерно наличие институтов мужской власти и мужских привилегий, подчиненное положение женщин и патрилинейность – закрепленная в законе или традиции передача имени, собственности и социального статуса по отцовской линии»⁴¹.

4. Тема: «Японская денежная экспансия в экономике Дальнего Востока России в период Гражданской войны 1918–1922 гг.»

«Методологическая основа исследования. В работе была предпринята попытка создать целостную картину происходящих процессов. В основе исследования лежит материалистическое понимание истории. Эта концепция исходит из идеи первичности материи (бытия), материального производства (базиса) и вторичности сознания. С этой целью были использованы принципы историзма, системности и научной объективности. Принцип историзма – традиционный принцип исторического исследования, с помощью него мы изучаем историческое явление в развитии, конкретно-исторической обусловленности и региональной специфики от начала

⁴¹ Дудко П. М. *Женское движение в странах Европы и Америки во второй половине XIX–XX вв.: выпускная квалификационная работа (направление подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование», профиль «История»).* – Южно-Сахалинск, 2017. – С. 8–9.

проявления до логического заключения. Принцип системности позволяет рассмотреть японскую денежную экспансию в экономику Дальнего Востока России, как систему, состоящую из взаимосвязанных частей и как часть более крупной системы – экономическая политика Японии в начале XX в. Принцип объективности мы используем для сравнения различных точек зрения на описываемую проблему с целью выявления разнообразных точек зрения, в том числе и взаимоисключающих, их предвзятое исследование и аргументированную критическую оценку.

В работе использовались специальные методы исторического исследования: системный анализ, сравнительно-исторический, статистический, метод комплексного анализа бумажного денежного знака. Историко-системный метод, использующий структурный и функциональный анализы, акцентирует внимание на исследовании общественно-исторических систем различного уровня, их структур и функций. Сравнительно-исторический метод (компаративный) позволил выявить общее и особенное в исторических явлениях, процессах и фактах, этот метод, в частности, дает возможность сопоставить разные периоды истории исследуемого предмета внутри заявленного хронологического периода, а также сравнить исследуемый период с предыдущим и последующим»⁴².

Автор должен подчеркнуть, что вся совокупность принципов, подходов, теорий и методов исследования позволила решить поставленные в исследовании задачи, достичь цели и сформулировать выводы исследования.

⁴² Киселев А. Л. *Японская денежная экспансия в экономике Дальнего Востока России в период Гражданской войны 1918–1922 гг. : выпускная квалификационная работа (направление подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование», профиль «История»).* – Южно-Сахалинск, 2020. – С. 14–15.

Объем введения для курсовой работы – два-три листа. Объем введения для дипломной работы – пять-восемь листов.

Изложение материалов исследования (основного содержания)

При делении исследования на главы и параграфы нужно обеспечить количественную и качественную пропорциональность. В этом случае ни одна глава и ни один параграф не будут по размерам намного меньше или больше других, а содержательная сторона каждой главы и каждого параграфа будет обеспечена примерно на одинаковом уровне. В конце каждого параграфа и в конце каждой главы должны быть сформулированы выводы.

Следует учитывать, что количество заимствованного материала (с указанием автора, названия работы, выходных данных и конкретных страниц) не должно превышать 30 % общего объема работы. Возможна компиляция, то есть заимствование материалов разных авторов, но недопустим плагиат – выдача чужого произведения за свое либо использование материалов без ссылки на авторов. При написании курсовой (дипломной) работы необходимо давать ссылки на: авторов и источники, откуда взяты теоретические положения, выводы других исследователей, цифровые и другие данные. Все приводимые цитаты должны быть взяты в кавычки, а в сносках (примечаниях) указаны автор и точные выходные данные цитируемого издания.

Автору следует внимательно подходить к формулировкам предложений. Лучше использовать форму изложения от третьего лица (например: «Автор полагает...») или безличную форму («представляется недостаточно изученным...»). Лучше использовать предложения со страдательным залогом (например: «изучен комплекс законодательных актов...»). Желательно заменять иностранные слова русскими эквивалентами, если это возможно по тексту. Недостатком работы является использование лишних слов, слов, не нужных по смыслу, многословие.

Особое внимание обращается на формулировки сделанных в конце каждого параграфа и главы выводов. Выводы должны быть краткими, конкретными и вытекать из изложенного материала. Предпочтителен вывод: «Таким образом..., в целом ..., итак...»

Обращая внимание на стиль и язык изложения, следует обеспечить ясность выражения мыслей и четкость формулировок, точность определений, разнообразие употребляемой лексики, правильное использование специальных понятий. С завершением курсовой или дипломной работы необходимо тщательно выверить текст, точность цифр, используемых цитат, устранить опечатки.

Написание заключения

В заключении должна быть отражена в сжатом виде концепция автора по изученной проблеме, сформулированы главные выводы из всей работы.

Заключение может быть построено в виде реферативного изложения содержания, когда дается краткий реферат-конспект положений, изложенных в работе. Заключение может быть выполнено в виде проблемного изложения основных положений работы.

Основные позиции, которые должны быть отражены в заключении:

- 1) следует доказать, что цель исследования достигнута;
- 2) дать оценку решению поставленных задач;
- 3) изложить основные выводы исследования;
- 4) сформулировать предложения и рекомендации по дальнейшему изучению и использованию материалов и выводов исследования на практике.

Объем заключения для курсовой работы – один-два листа. Объем заключения для дипломной работы – два-четыре листа.

После заключения приводится список источников и литературы, использованных автором для написания курсовой (дипломной) работы.

Внеструктурные части научного исследования – та-

блицы, графики, рисунки, иллюстрации, диаграммы, карты, фотографии и другое, которые неудобно размещать в тексте основной части, так как они его загромождают и мешают восприятию материала, обычно выносятся в **приложения**. Приложения не считаются входящими в общий объем исследования, что позволяет за счет выноса в приложения части материала сократить объем работы. Приложения помещают после списка использованных источников и литературы в порядке их упоминания в тексте. Каждое приложение должно начинаться с новой страницы, иметь название, должно быть пронумеровано в верхнем правом углу (Приложение 1), задействовано в тексте отсылкой (см. Приложение 1), снабжено указанием на источник информации, которое выносится в ссылку (сноску), размещаемую после названия приложения. Текст ссылки по таблице, диаграмме и тому подобному обычно начинается так: Таблица (диаграмма) составлена по: ... (далее идет указание источников материалов для приложения).

Порядок оформления курсовой и дипломной работы

Курсовая и дипломная работы выполняется в соответствии с требованиями Государственных стандартов (ГОСТов) Российской Федерации, предъявляемыми к работам, направляемым в печать. Отступления оформления работ от требований стандартов отмечается как существенные недостатки.

Курсовая и дипломная работы открываются титульным листом. Текст работы набирается компьютерным способом шрифтом Times New Roman (размер шрифта 14 п.) и распечатывается через 1,5 интервала (28–30 строк на странице при 65–70 знаках в строке, включая пробелы). Поля текстовой части листа (страницы) при формате А4 (210 X 297 мм) должны иметь следующие размеры: сверху отступ от края – 20 мм, снизу – 20 мм, слева – 25 мм, справа – 10 мм. Размер абзацного отступа – пять знаков. Отбивку заголовков следует делать

через три-пять интервалов и выделять полужирным шрифтом. Текст следует отделять от заголовка двумя-тремя интервалами. Порядковый номер страницы печатают на середине верхнего поля страницы, нумерация страниц ведется арабскими цифрами, проводится по всему тексту, включая приложения, а также иллюстрации, таблицы, схемы и тому подобное, занимающие отдельные листы. Отсчет порядковых номеров начинается с титульного листа, на котором номер страницы не ставится. На второй странице излагается содержание работы (план).

При оформлении научно-справочного материала курсовой и дипломной работ следует учесть такие требования:

- единообразии сносок на литературу и другие источники;

- точное название книг дается не по обложке, а по титульному листу либо по выходным данным, указанным на обороте титульного листа или на последней странице книги и включающим название города (иногда сокращенное, например, Санкт-Петербург обозначается аббревиатурой СПб., Москва – М.), название издательства, год издания, количество страниц;

- постраничные сноски печатаются 10 шрифтом, через один интервал;

- иллюстративный внутритекстовый материал может быть представлен рисунками, диаграммами, чертежами, фотографиями, картами и т. п. Иллюстрации размещают под текстом, в котором впервые дана ссылка на них, или на следующей странице. Иллюстрации нумеруют арабскими цифрами сквозной нумерацией или в пределах главы. На все иллюстрации обязательно должны быть ссылки в тексте работы. При ссылке следует писать слово «Рисунок» с указанием его номера. Иллюстративный материал, как и таблицы (см. ниже), оформляют в соответствии с требованиями ГОСТ 2.105. Предпочтительнее выносить иллюстративные материалы в приложения.

Если в тексте используются таблицы, то при возмож-

ности они располагаются так, чтобы их можно было рассмотреть без поворота страницы или с поворотом по часовой стрелке. Таблицы размещаются после первого упоминания о них в тексте. Оформляются внутритекстовые таблицы следующим образом: таблицы размещаются под текстом, в котором впервые дана ссылка на них, или на следующей странице. Все таблицы нумеруются арабскими цифрами сквозной нумерацией или в пределах главы. На все таблицы должны быть приведены ссылки в тексте работы. При ссылке следует писать слово «Таблица» и ее номер. Таблицы оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 2.105. Перед таблицей вверху справа пишется слово «таблица» и ее номер (пример: Таблица 1). Ниже по центру жирным шрифтом – название таблицы со сноской, в которой указываются источники данных, из которых составлена таблица («Таблица составлена по:...»). Предпочтительнее выносить таблицы, особенно большого объема, в приложения. Таблицы в приложении оформляются аналогичным образом.

Оформление курсовой работы завершается ее брошюрованием в скоросшиватель. Дипломная работа переплетается типографским способом. Курсовая работа и дипломная работы в окончательно оформленном виде представляется на кафедру научному руководителю для рецензирования. Дипломная работа, кроме того, представляется для отзыва внешнему рецензенту. Предзащита дипломной работы и защита курсовой и дипломных работ проводятся публично. Результаты защиты оцениваются комиссией и определяются оценками «отлично», «хорошо», «удовлетворительно», «неудовлетворительно».

**Методические рекомендации по оформлению
справочно-библиографического аппарата
научной работы
Ссылки (сноски)**

В академических работах всегда используются цитаты, упоминания точек зрения специалистов по иссле-

дуемой проблематике, приводятся статистические данные, отрывки из официальных документов и т. п. Они оформляются ссылками на источники. На оформлении библиографических ссылок следует остановиться отдельно.

При написании работы студенту часто приходится обращаться к цитированию работ различных авторов, использованию статистического материала. В этом случае необходимо оформлять ссылку на тот или иной источник. При цитировании необходимо соблюдать следующие правила:

1. Текст цитаты заключается в кавычки и приводится в той грамматической форме, в какой он дан в источнике, с сохранением особенностей авторского написания.

2. Цитирование должно быть полным, без искажения смысла. Пропуск слов, предложений, абзацев при цитировании допускается, если не влечет искажение всего фрагмента, и обозначается многоточием, которое ставится на месте пропуска.

3. Каждая цитата должна сопровождаться ссылкой на источник, библиографическое описание которого должно приводиться в соответствии с требованиями библиографических стандартов.

Библиографическая ссылка является частью справочного аппарата курсовой (дипломной) работы и служит источником библиографической информации о документах – объектах ссылки. Объектами составления библиографической ссылки являются все виды опубликованных и неопубликованных документов на любых носителях, а также составные части документа.

Наиболее широко распространено в исследовательских работах использование **подстрочных** ссылок. Подстрочные ссылки (сноски) ставятся внизу каждой страницы, используется автоматическая сквозная нумерация сносок (интервал [кегель] – 1.0, шрифт 10 Times New Roman). Оформление таких сносок производится в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

Например:

¹ Виноградов П. Г. Очерки по теории права. – М. : Тов-во А. А. Левенсон, 1915. – С. 36.

Условный разделительный знак точку и тире допускается заменять точкой:

¹ Виноградов П. Г. Очерки по теории права. М. : Тов-во А. А. Левенсон, 1915. С. 36.

Если ссылка на одного и того же автора повторяется на странице, то ее оформление проводится следующим образом:

¹ Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1989. С. 50.

² Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 52.

Если на одной и той же странице цитируется одна и та же книга, во второй сноске можно ограничиться следующим:

² Там же. С. 37.

Для книг на иностранных языках «Там же» заменяется словом «Ibid».

При повторных библиографических ссылках допускается опускать последние слова длинных заглавий, заменяя их многоточием, например:

² Шувалов В. И. Система местного управления... С. 62.

Если текст цитируется не по первоисточнику, а по другому изданию, то ссылку следует начинать «Цит. по:».

Если цитата по тексту не выделяется кавычками, то ссылка начинается словами «смотри» в сокращении. Пример:

² См.: Ю. Г. Алексеев. У кормила российского государства. СПб., 1998. С. 91.

Библиографические ссылки на несколько документов, приведенные в одном подстрочном примечании, отделяют друг от друга точкой с запятой. Например в тексте: Г. В. Атаманчуку принадлежат также и другие публикации по проблемам формирования государственной службы современной России¹.

В ссылке:

¹ Атаманчук Г. В. Новое государство: поиски, иллюзии, возможности. М., 1996; Г. В. Атаманчук. Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика. М. : Изд-во РАГС, 2002.

Ссылки на информацию, полученную из Интернет, обозначают следующим образом:

² Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб.: Академический проект, 2001. 557 с. URL: <http://lib.dvfu.ru:8080/lib/item?id=chamo:16908&theme=FEFU>

Ссылки на статьи из периодических изданий оформляются следующим образом:

² Тихомиров Ю. Преодолевать коррупциогенность законодательства // Право и экономика. 2004. № 5. С. 3–7.

Ссылки на статьи из сборников статей, материалов конференций оформляются следующим образом:

² Евтушевский А. Г. Благотворительные организации США на Дальнем Востоке России (1918–1922 гг.) // Гражданская война на Дальнем Востоке России: итоги, уроки: Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. Владивосток, 1992. С. 49–51.

Ссылки на неопубликованные источники (архивные материалы) оформляются следующим образом: последовательно даются название архива (при первом упоминании – полное, далее – аббревиатурой), далее – номера фонда, описи, дела и использованных листов. Данные отделяются друг от друга точкой:

² Государственный исторический архив Сахалинской области (ГИАСО). Ф. 53. Оп. 2. Д. 4. Л. 1.

Список литературы и источников (библиографическое описание)

Библиографический список литературы помещается после основного текста научной работы. Каждая библиографическая запись в списке получает порядковый номер и начинается с красной строки. Вся упоминающаяся литература сопровождается указанием полного количества страниц изученного исследования. Если это статья, то:

Балалаева, Н. М. Упадок религиозного сектантства на Дальнем Востоке / Н. М. Балалаева // Вопросы истории Дальнего Востока. – Хабаровск, 1972. – С. 218–239.

Если монография, книга, то:

Бучко, Н. П. Военная элита Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программы, политика (1917–1922) : монография / Н. П. Бучко. – Хабаровск : Частная коллекция, 2009. – 256 с.

Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн / пер. с англ. П. М. Кудюкина ; под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого. – Санкт-Петербург : Университетская книга, 2001. – 416 с.

Существуют различные способы группировки литературы в библиографическом списке:

- алфавитный;
- хронологический;
- тематический;
- по видам изданий;
- по характеру содержания.

Рекомендуется приводить список литературы и источников после заключения в следующей последовательности.

Образец оформления списка использованных источников и литературы:

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Фонд 1779. Канцелярия Временного правительства. 1917 г.

Оп. 1. Д. 1449.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Фонд 17. Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991 гг.)

Оп. 60. Отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП (б) (1920–1928 гг.)

Д. 158, 4, 509, 442, 755.

Архивы располагаются в соответствии с их значимостью – федеральные, региональные, ведомственные, личные и т. п.

II. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

А) Опубликованные документы:

1. Акт правительства Дальне-Восточной республики о сложении власти. 14 ноября 1922. г. // Дальне-Восточный телеграф. – Чита. – 1922. – 16 ноября. – № 382. – С. 1.

2. Борьба за власть Советов в Приморье (1917–1922 гг.) : Сборник документов / гл. ред. С. Иванов. – Владивосток : Приморское книжное изд-во, 1955. – 831 с.

Нумерация в группе – простая, арабскими цифрами, сквозная для всех опубликованных источников.

Внутри – можно по алфавиту, можно разбить на тематические группы (например, федеральные, региональные) или по степени значимости, например, нормативно-правовые акты по их силе.

Б) Мемуары, очерки, записки, письма (по алфавиту).

В) Труды и речи политических деятелей (по алфавиту).

Г) Пропагандистские издания (по алфавиту).

Д) Периодическая печать (по алфавиту):

1. Амурская жизнь. – Благовещенск. – 1918. – 22 октября. – № 5; 23 октября – № 6; 15 ноября – № 28; 21 ноября – № 39; 15 декабря – № 51; 18 декабря – № 53.

2. Антирелигиозник. – Москва. – 1926. – Январь. – № 1; Март. – № 3.

Е) Изобразительные издания:

1. Музей иудаики. Еврейская автономная область, г. Биробиджан: комплект из 16 открыток 10 x 15 см. – Биробиджан : Музей иудаики, 2006. – 16 с.

Ж) Интернет-ресурсы:

1. Центральная Церковь евангельских христиан-баптистов, г. Хабаровск [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dvexb.ru> (дата обращения: 25.10.2007).

III. ЛИТЕРАТУРА

А) Исследования:

1. Александров, А. П. Реализация советской политики в отношении евангельских христиан и баптистов

Башкирии в 1918–1943 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Александров Алексей Павлович. – Екатеринбург, 2011. – 24 с.

2. Алексеев, В. А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР / В. А. Алексеев. – Москва : Россия молодая, 1992. – 304 с.

3. Бачинин, В. Проблемы права, политики и экономики в евангельском христианстве Ивана Проханова [Электронный ресурс] / В. Бачинин. – URL: http://www.archipelag.ru/authors/bachinin/?library=1506#_ftnref7 (дата обращения: 12.06.2012).

Литература выстраивается в алфавитном порядке. Нумерация – простая, арабскими цифрами, в этом разделе начинается заново, сквозная для всех групп раздела. В раздел включаются монографии, статьи, диссертации и авторефераты, литература этого же характера на иностранных языках включается в эту же группу после литературы на русском языке и тоже выстраивается по алфавиту. Если использовалась литература из ресурсов интернета, то указывается режим доступа

Б) Учебные издания.

В) Справочные издания.

Библиографическое описание использованных в работе документов следует производить соответственно вышеперечисленным ГОСТам. Библиографическое описание содержит библиографические сведения об используемом документе, предназначенном для его общей характеристики.

В это описание должны входить: фамилия и инициалы автора (если имеются), полное название книги (с подзаголовками, которые могут идти после запятой, через точку, после двоеточия и т. п.). Затем следует общее обозначение материала, которое определяет знаковую природу информации (текст, ноты, карты, изображения и т. д.) или физическую форму объекта описания

(микроформа, электронный ресурс). Затем после двоеточия – сведения, относящиеся к заглавию (указание характера издания: учебное пособие, роман и т. д., данные о количестве томов или номер тома); после косой черты снова указываются автор или авторы книги или данные о редакторах, переводчиках. После точки тире название города, в котором издана книга; после двоеточия название издательства, которое ее выпустило (в форме и падеже, указанных в предписанном источнике информации, а не только в именительном падеже), после запятой год издания и, наконец, после точки и тире количество страниц.

Следует добавить, что на практике для студенческих и научных работ сложилась традиция «облегченного» употребления ГОСТа и оформления библиографического списка без указания знаковой природы информации в квадратных скобках и названия издательства. Как указывалось выше, с целью упрощения условный разделительный знак – точку и тире допускается заменять точкой.

ПРИМЕРНЫЕ ВОПРОСЫ К ЗАЧЕТУ/ЭКЗАМЕНУ

1. Историческое сознание и его особенности. Культурная память.
2. Специфика исторического знания. Отличие истории от других наук.
3. Социокультурные задачи исторического познания. Историческая наука и социальный заказ.
4. Теория и методология истории как особая область теоретического знания в системе научного и философского знания.
5. Научные парадигмы и понятие «научной революции»: сущность и история категорий, важнейшие парадигмы в исторической науке XIX–XX веков.
6. Позитивизм и проблема научности истории: место, задачи и роль исторического знания согласно воззрениям позитивистов.
7. Номотетический и идеографический методы исторического познания.
8. Модели истории греко-римской историографии.
9. Модели истории в средневековой историографии.
10. Модели истории в историографии эпохи Возрождения.
11. Модели истории эпохи Просвещения. «Идея прогресса».
12. Прогрессистские модели истории: гегелевская модель исторического процесса.
13. Позитивистская модель исторического процесса. Историческая концепция О. Конта.
14. К. Маркс и его учение о диалектическом материализме.
15. Историческая концепция К. Маркса. Учение о производительных силах и производственных отношениях.
16. Историческая концепция К. Маркса. Обществен-

но-экономические формации и их характеристика.

17. Место формационного подхода в исторической науке конца XIX–начала XX в.

18. Преимущества и ограничения в реализации формационного подхода в историческом исследовании.

19. Цивилизационный подход в дореволюционной отечественной исторической науке.

20. Цивилизационные теории в зарубежной научной мысли.

21. Первая мировая война и становление Страсбургской школы. М. Блок и его роль в развитии исторической науки.

22. Школа «Анналов»: важнейшие идеи, основные представители.

23. М. Фуко и его влияние на гуманитарную мысль второй половины XX века.

24. Ф. Бродель. Вклад в развитие исторической теории.

25. Мир-системный подход. Идеи И. Валлерстайна.

26. Варианты мир-системного анализа исторического процесса.

27. Мир-системные исследования в отечественной науке начала XXI века.

28. Основные парадигмы исторической науки второй половины XX–начала XXI века.

29. Теории модернизации: модели, типы и пути модернизации.

30. Теории модернизации в отечественной исторической науке.

31. Макросоциологические теории конца XX–начала XXI века. Междисциплинарность и связь с историей.

32. Российская макросоциология XX–начала XX века.

33. Факторы исторического процесса: природно-климатический.

34. Факторы исторического процесса: демографический.

35. Факторы исторического процесса: производственно-технологический.

36. Историческое измерение диффузионизма.

37. Развитие взглядов на роль личности в истории.

38. Гендерные исследования в исторических науках.

39. История повседневности: истоки и современное состояние исследований.

40. Устная история. Этапы и факторы развития.

41. Фронтирная теория. Междисциплинарность изучения фронта.

42. Микроистория, психоистория, история ментальностей, эгоистория – охарактеризовать направления исследований.

43. Методы исторических исследований.

44. Историческая научно-исследовательская работа: особенности организации, проведения и оформления.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

(Жирным шрифтом выделена литература, рекомендованная для конспектирования.)

А) Основная литература:

1. Теория и методология истории : учебник и практикум для академического бакалавриата / А. И. Филюшкин [и др.] ; под редакцией А. И. Филюшкина. – Москва : Издательство «Юрайт», 2019. – 323 с. – URL: <https://www.biblio-online.ru/bcode/432123>
2. Светлов, В. А. История научного метода [Электронный ресурс] : учебное пособие / В. А. Светлов. – 2-е изд. – Саратов : Ай Пи Эр Медиа, 2019. – 476 с. – URL: <http://www.iprbookshop.ru/79770.html>
3. Буллер, А. Введение в теорию истории + допматериал в ЭБС : учебное пособие для академического бакалавриата / А. Буллер. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство «Юрайт», 2019. – 180 с. – URL: <https://www.biblioonline.ru/bcode/441598>
4. Соколова, М. В. Теория и методология истории. Историческая память : учебное пособие для академического бакалавриата / М. В. Соколова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство «Юрайт», 2019. – 113 с. – URL: <https://www.biblio-online.ru/bcode/437272>
5. Гребенюк, А. В. Теория и методология истории. Цивилизациография : учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / А. В. Гребенюк, И. В. Колосова. – Москва : Издательство «Юрайт», 2019. – 266 с. – URL: <https://www.biblio-online.ru/bcode/424100>
6. Гобозов, И. А. Философия истории : учебник для бакалавриата и магистратуры / И. А. Гобозов. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство «Юрайт», 2019. – 263 с. – URL: <https://www.biblioonline.ru/bcode/434219>
7. Дударенок, С. М. Методы исследования культуры : учебное пособие для студентов высших учебных заве-

дений, обучающихся по специальности «Культурология» / С. М. Дударенок, Е. А. Поправко ; ответственный редактор Е. А. Поправко. – 2-е изд., испр. и доп. – Владивосток : ИД Дальневосточного федерального университета, 2013. – 347 с.

8. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – Москва : Наука, 2003. – 487 с.

9. Лаппо-Данилевский, А. С. Методология истории: в 2 ч. – Ч. 1: Теория исторического знания / А. С. Лаппо-Данилевский. – Москва : Издательство «Юрайт», 2019. – 239 с. – URL: <https://www.biblioonline.ru/bcode/420751>

10. Лаппо-Данилевский, А. С. Методология истории: в 2 ч. – Ч. 2: Методы исторического изучения / А. С. Лаппо-Данилевский. – Москва : Издательство «Юрайт», 2019. – 315 с. – URL: <https://www.biblioonline.ru/bcode/420752>

11. Медушевская, О. М. Теория исторического познания: Избранные произведения / О. М. Медушевская. – Санкт-Петербург : Издательство «Университетская книга», 2010. – 572 с.

12. Теория и методология истории : учебник для вузов / ответственные редактора: В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. – Волгоград : Учитель, 2014. – 504 с.

Б) Дополнительная литература:

13. Аверченков, В. И. Основы научного творчества [Электронный ресурс] : учебное пособие / В. И. Аверченков, Ю. А. Малахов. – 2-е изд., стереотип. – Москва : ФЛИНТА, 2011. – 156 с. – URL: <http://znanium.com/bookread2.php?book=453875>

14. Автономова, Н. С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках / Н. С. Автономова. – Москва : Наука, 1977. – 272 с.

15. Айвазова, С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия: Очерки политической теории и истории / С. Г. Айвазова. – Москва : РИК Русанова, 1998. – 405 с.

16. Алексеев, С. Е. Азиатская часть России. Моделирование экономического развития в контексте опыта истории [Электронный ресурс] / С. Е. Алексеев,

Г. В. Агафонов, П. Я. Бакланов. – Новосибирск : Сибирское отделение РАН, 2012. – 464 с. – URL: <http://www.iprbookshop.ru/15788.html>

17. Алексеева, Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII–начало XX в.) / Е. В. Алексеева. – Москва : РОССПЭН, 2007. – 368 с.

18. Андерсон, П. Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма / П. Андерсон. – Москва : Интер-Версо, 1991. – 267 с.

19. Андреев, Г. И. Основы научной работы и методология диссертационного исследования / Г. И. Андреев, В. В. Барвиненко, В. С. Верба. – Москва : ФиС, 2012. – 296 с.

20. Антология гендерных исследований : сборник переводов / составление и комментарии: Е. И. Гаповой и А. Р. Усмановой. – Минск : Пропилеи, 2000. – 383 с.

21. Антология экономической классики / составитель И. А. Столярова. – Т. 2. – Москва : Ключ, 1993. – 485 с.

22. Антоненц, И. В. История и методология научного исследования : учебное пособие / И. В. Антоненц, А. В. Циркин. – Ульяновск : УлГТУ, 2010. – 90 с.

23. Арьес, Ф. Время истории / Ф. Арьес ; перевод с французского и примечания М. Неклюдовой. – Москва : ОГИ, 2011. – 304 с.

24. Арьес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / Ф. Арьес ; перевод с французского Я. Ю. Старцева при участии В. А. Бабинцева. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1999. – 416 с.

25. Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес ; перевод с французского, общая редакция С. Оболенской ; предисловие А. Я. Гуревича. – Москва : Издательская группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. – 528 с.

26. Барг, М. А. Эпохи и идеи: Становление историзма / М. А. Барг. – Москва : Мысль, 1987. – 353 с.

27. Бенхабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бенхабиб ; перевод с английского, под редакцией В. Л. Иноземцева. – Москва : Логос, 2003. – 350 с.

28. Бернал, Дж. Наука в истории общества / Дж. Бернал. – Москва : Издательство иностранной литературы, 1956. – 735 с.

29. Биск, И. Я. Методология истории : курс лекций / И. Я. Биск. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2007. – 236 с.

30. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок ; перевод Е. М. Лысенко, примечание и статья А. Я. Гуревича. – 2-е изд., доп. – Москва : Наука, 1986. – 256 с.

31. Блок, М. Феодальное общество / М. Блок. – Москва : Издательство им. Сабашниковых, 2003. – 504 с.

32. Болингброк. Письма об изучении и пользе истории / Болингброк. – Москва : Наука, 1978. – 361 с.

33. Бондарь, В. А. Современные концептуальные подходы к изучению понятия «документ» / В. А. Бондарь // Гуманитарные науки в Сибири. – № 4. – 2014. – С. 98–102. – URL: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/43308799>

34. Бородкин, Л. И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях / Л. И. Бородкин. – Москва : Издательство МГУ, 1986. – 187 с.

35. Брайсон, В. Политическая теория феминизма / В. Брайсон ; перевод с английского: О. Липовской и Т. Липовской. – Москва : Идея-Пресс, 2001. – 304 с.

36. Брандт, Г. А. Природа женщины / Г. А. Брандт. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2000. – 179 с.

37. Бродель, Ф. Грамматика цивилизаций / Ф. Бродель ; предисловие М. Эмара ; перевод с французского. – Москва : Издательство «Весь мир», 2008. – 552 с.

38. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. – Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. – 1986 / Ф. Бродель ; перевод с французского Л. Е. Куббеля ; вступительная статья и редакция Ю. Н. Афанасьева. – Москва : Прогресс, 1986–1992. – 622 с.

39. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. – Т. 2: Игры обмена. – 1988 / Ф. Бродель ; перевод с французско-

го Л. Е. Куббеля ; вступительная статья и редакция Ю. Н. Афанасьева. – Москва : Прогресс, 1986–1992. – 632 с.

40. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. – Т. 3: **Время мира. 1992 / Ф. Бродель ; перевод с французского Л. Е. Куббеля ; вступительная статья и редакция Ю. Н. Афанасьева.** – Москва : Прогресс, 1986–1992. – 679 с.

41. Вайнштейн, О. Л. Западноевропейская средневековая историография / О. Л. Вайнштейн. – Москва–Ленинград : Ленинградское отделение издательства «Наука», 1964. – 484 с.

42. Валлерстайн, И. **Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн ; перевод с английского П. М. Кудюкина ; под общей редакцией кандидата политических наук Б. Ю. Кагарлицкого.** – Санкт-Петербург : Издательство «Университетская книга», 2001. – 416 с.

43. Валлерстайн, И. **Конец знакомого мира. Социология XXI века / И. Валлерстайн ; перевод с английского, под редакцией В. И. Иноземцева.** – Москва : Логос, 2003. – 368 с.

44. Валлерстайн, И. **Миротестирование. Введение / И. Валлерстайн ; перевод с английского Н. Тюкиной.** – Москва : Издательство «Территория будущего», 2006. – 248 с.

45. Валлерстайн, И. **После либерализма / И. Валлерстайн ; перевод с английского ; под редакцией Б. Ю. Кагарлицкого.** – Москва : Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.

46. Васильев, К. Г. История эпидемий в России (Материалы и очерки) / К. Г. Васильев, А. Е. Сегал. – Москва : Государственное издательство медицинской литературы, 1960. – 397 с.

47. Василькова, В. В. **Порядок и хаос в развитии социальных систем: Синергетика и теория социальной самоорганизации / В. В. Василькова.** – Санкт-Петербург : Лань, 1999. – 480 с.

48. Введение в гендерные исследования : учебное

пособие / под редакцией И. Жеребкиной. – Харьков : ХЦГИ ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – 707 с.

49. Вейнингер, О. Пол и характер / Отто Вейнингер. – Москва : Издательский центр «Терра», 1992. – 480 с.

50. Виткин, М. А. Восток в философско-исторической концепции К. Маркса и Ф. Энгельса / М. А. Виткин. – Москва : Наука, 1972. – 116 с.

51. Гемпель, К. Функция общих законов в истории / К. Гемпель // **Время мира. Альманах.** – Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / под редакцией Н. С. Розова. – Новосибирск, 1998. – С. 13–27.

52. **Гендер и культура : учебное пособие / под редакцией М. Хегай.** – Душанбе : Азия-Плюс, 1999. – 242 с.

53. **Гендер и общество в истории / ответственные редактора: Л. П. Репина, А. В. Стоговой, А. Г. Суприянович.** – Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. – 694 с.

54. **Гендер как интрига познания : сборник статей.** – Москва : Рудомино, 2000. – 191 с.

55. **Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках / под редакцией И. А. Жеребкиной.** – Харьков : ХЦГИ, 1998. – 356 с.

56. **Гидденс, Э. Устройство общества : очерк теории структуризации / Э. Гидденс.** – 2-е изд. – Москва : Академический Проект, 2005. – 528 с

57. Глухих, В. В. **Основы научных исследований : курс лекций / В. В. Глухих.** – Екатеринбург : УГЛТУ, 2009. – 98 с.

58. **Голд, Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии / Дж. Голд.** – Москва : Прогресс, 1991. – 304 с.

59. **Готфрид, П. Странная смерть марксизма / П. Готфрид ; перевод с английского Б. Пинскера.** – Москва : ИРИСЭН, Мысль, 2009. – 249 с.

60. Гребенюк, Н. И. **Стилистика русского научного дискурса [Электронный ресурс] : учебное пособие / Н. И. Гребенюк, С. В. Гусаренко.** – Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2015. – 179 с. – URL: <http://www.iprbookshop.ru/63014.html>

61. **Гринин, Л. Е. Личность в истории: современные**

подходы / Л. Е. Гринин // История и современность. – 2011. – № 1. – С. 3–40.

62. Гринин, Л. Е. О роли личности в истории / Л. Е. Гринин // Вестник Российской академии наук. – 2008. – № 1 (78). – С. 42–47.

63. Гринин, Л. Е. От Конфуция до Конта: Становление теории, методологии и философии истории / Л. Е. Гринин. – Москва : URSS : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 311 с.

64. Гринин, Л. Е. Производительные силы и исторический процесс / Л. Е. Гринин. – Волгоград : Учитель, 2003. – 268 с.

65. Гринин, Л. Е. Социальная макроэволюция: Генезис и трансформация мир-системы / Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев ; ответственный редактор Д. М. Бондаренко. – Москва : Книжный дом «Либроком», 2009. – 568 с.

66. Гринин, Л. Е. Истоки глобализации: мир-системный анализ / Л. Е. Гринин // Век глобализации. – 2011. – № 11. – С. 80–94.

67. Гуревич, А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов» / А. Я. Гуревич. – 2-е изд., доп. и испр. – Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2014. – 432 с.

68. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – Москва : Искусство, 1984. – 350 с.

69. Гуревич, А. Я. Теория формаций и реальность истории / А. Я. Гуревич // Вопросы философии. – 1990. – № 11. – С. 31–43.

70. Гуревич, А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников / А. Я. Гуревич. – Москва : Искусство, 1989. – 369 с.

71. Даймонд, Д. Коллапс: Как и почему одни общества приходят к процветанию, а другие – к гибели / Д. Даймонд. – Москва : Астрель; CORPUS, 2012. – 800 с.

72. Даймонд, Д. Ружья, микробы и сталь: История человеческих сообществ / Д. Даймонд. – Москва : Издательство АСТ, 2017. – 768 с.

73. Дамье, В. Забытый Интернационал: междуна-

родное анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами / В. Дамье. – Москва : Новое литературное обозрение, 2006. – Т. 1: От революционного синдикализма к анархо-синдикализму: 1918–1930. – 904 с.

74. Дамье, В. Забытый Интернационал: международное анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами / В. Дамье. – Москва : Новое литературное обозрение, 2007. – Т. 2: Международный анархо-синдикализм в условиях «Великого кризиса» и наступления фашизма: 1930–1939 годы. – 731 с.

75. Данилевский, И. Н. Источниковедение [Электронный ресурс] : учебное пособие / И. Н. Данилевский. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. – 685 с. – URL: http://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_id=66019

76. Данилевский, И. Н. Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории : учебное пособие для гуманитарных специальностей / И. Н. Данилевский, В. В. Кобанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. – Москва : РГГУ, 1998. – 701 с.

77. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский ; составление, послесловие, комментарии С. А. Вайгачева. – Москва : Книга, 1991. – 573 с.

78. Дарнтон, Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из французской культурной истории / Р. Дарнтон. – Москва : Новое литературное обозрение, 2002. – 384 с.

79. Де Лобье, П. Три града: социальное учение христианства / П. Де Лобье. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – 413 с.

80. Девятко, И. Ф. Методы социологического исследования / И. Ф. Девятко. – Москва : Университет, 2002. – 295 с.

81. Делягин, М. Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации / М. Г. Делягин. – Москва : Инфра-М, 2003. – 768 с.

82. Джеймисон, Ф. Ленин как политический мыслитель / Ф. Джеймисон // Научный ежегодник Института

философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2015. – № 2. – Т. 15. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/lenin-kak-politicheskij-myslitel>

83. Добренев, В. И. Методология и методика социологического исследования / В. И. Добренев, А. И. Кравченко. – Санкт-Петербург : Альма-Матер, 2009. – 537 с.

84. Ельчанинов, М. С. Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна / М. С. Ельчанинов. – Москва : ЛЕНАНД, 2005. – 236 с.

85. Завьялова, М. П. Методы научного исследования : учебное пособие / М. П. Завьялова. – Томск : Издательство ТПУ, 2007. – 160 с.

86. Загвязинский, В. И. Методология и методы психолого-педагогического исследования : учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования / В. И. Загвязинский. – Москва : ИЦ «Академия», 2012. – 208 с.

87. Зарецкий, Ю. П. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография / Ю. П. Зарецкий. – Москва : Новое литературное обозрение, 2011. – 379 с.

88. Иванов, В. В. Методология исторической науки : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «история» / В. В. Иванов. – Москва : Высшая школа, 1985. – 169 с.

89. Илюшечкин, В. П. Теория стадийного развития общества (история и проблемы) / В. П. Илюшечкин. – Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – 406 с.

90. Ионин, Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие : учебное пособие для студентов вузов / Л. Г. Ионин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Логос, 2000. – 430 с.

91. История и историческое сознание / под общей редакцией И. М. Клямкина. – Москва : Фонд «Либеральная миссия», 2012. – 476 с.

92. История ментальностей, историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – Москва : Издательство РГГУ, 1996. – 254 с.

93. История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI веков / под общей редакцией: М. Крома, Д. Сэбиана, Г. Альгази ; перевод с английского К. А. Левинсона, перевод с французского Л. А. Пименовой. – Санкт-Петербург : Европейский университет в Санкт-Петербурге : Алетейя, 2006. – 313 с.

94. История и синергетика: математическое моделирование социальной динамики / ответственные редактора: С. Ю. Малков, А. В. Коротаев. – Москва : URSS, 2005. – 191 с.

95. История и синергетика: методология исследования / ответственные редактора: С. Ю. Малков, А. В. Коротаев. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : URSS, 2009. – 191 с.

96. Кагарлицкий, Б. Марксизм. Не рекомендовано для обучения / Б. Кагарлицкий. – Москва : Алгоритм: Эксмо, 2005. – 475 с.

97. Кагарлицкий, Б. Периферийная империя: циклы русской истории / Б. Кагарлицкий. – Москва : Эксмо: Алгоритм, 2008. – 573 с.

98. Карлейль, Т. Теперь и прежде / Т. Карлейль ; сост., подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой. – Москва : Республика, 1994. – 415 с.

99. Касавин, И. Т. Анализ повседневности / И. Т. Касавин, С. П. Щавелев. – Москва : Канон+, 2004. – 430 с.

100. Клименко, В. В. Климат: непрочитанная глава истории / В. В. Клименко. – Москва : Издательский дом МЭИ, 2009. – 407 с.

101. Ковалевский, П. И. Иоанн Грозный и его душевное состояние: психиатрические эскизы из истории / П. И. Ковалевский. – 6-е изд. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 207 с.

102. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – 2-е изд., доп. – Москва : Наука, 2003. – 486 с.

103. Кокшарова, Т. Е. Основы научных исследований : учебно-методическое пособие [Электронный ресурс] / Т. Е. Кокшарова. – Улан-Удэ : Издательство ВСГТУ, 2007. – 111 с. – URL: http://window.edu.ru/resource/565/48565/files/mtd_mlk62.pdf

104. Количественные методы в исторических исследованиях : учебное пособие для вузов по специальности «история» / Л. И. Бородкин, И. М. Гарскова, Т. Ф. Измestьева [и др.] ; под редакцией И. Д. Ковальченко. – Москва : Высшая школа, 1984. – 384 с.

105. **Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории: Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд ; перевод и комментарии Ю. А. Асеева. – Москва : Наука, 1980. – 485 с.**

106. **Копцик, В. А. Этюды по истории искусства: Диалог естественных и гуманитарных наук / В. А. Копцик, В. П. Рыжов, В. М. Петров. – Москва : Объединенное гуманитарное издательство, 2004. – 368 с.**

107. **Коротаев, А. В. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны / А. В. Коротаев, А. С. Малков, Д. А. Халтурина. – Москва : URSS, 2005. – 343 с.**

108. **Костяев, А. И. Смысловое пространство культуры: Теория, методология, практика исследования / А. И. Костяев. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 240 с.**

109. **Крадин, Н. Н. Проблемы периодизации исторических макропроцессов / Н. Н. Крадин // История и математика: Модели и теории / ответственные редактора: Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. – Москва : ЛКИ/URSS, 2008. – С. 166–200.**

110. **Крампит, А. Г. Методология научных исследований : учебное пособие / А. Г. Крампит, Н. Ю. Крампит. – Томск : Издательство Томского политехнического университета, 2008. – 164 с.**

111. **Кром, М. М. Историческая антропология : учебное пособие / М. М. Кром. – 3-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург, Москва : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге ; Квадрига, 2010. – 214 с.**

112. **Кроче, Б. Теория и история историографии / Б. Кроче ; перевод с итальянского И. М. Заславской; послесловие Т. В. Павловой ; научный редактор М. Л. Андреева. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 192 с.**

113. **Лакатос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / И. Лакатос. – Москва : Медиум, 1995. – 302 с.**

114. **Лаппо-Данилевский, А. С. Методология истории : учебное пособие / А. С. Лаппо-Данилевский. – Москва : ИД «Территория будущего», 2016. – 472 с. – URL: <http://www.iprbookshop.ru/7320.html>**

115. **Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф ; перевод с французского, общая редакция Ю. Л. Бессмертного ; послесловие А. Я. Гуревича. – Москва : Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. – 376 с.**

116. **Ле Руа Ладюри, Э. История климата с 1000 года / Э. Ле Руа Ладюри. – Ленинград : Гидрометеорологическое издательство, 1971. – 295 с.**

117. **Лебедев, С. А. Многомерный человек: онтология и методология исследования / С. А. Лебедев, Ф. В. Лазарев. – Москва : Издательство МГУ, 2010. – 96 с.**

118. **Лелеко, В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре / В. Д. Лелеко. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский институт культуры, 2002. – 303 с.**

119. **Людтке, А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии / А. Людтке // Социальная история. Ежегодник. – 1998/99. – Москва, 1999. – С. 77–100.**

120. **Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли. – Москва : Планета, 1990. – 75 с.**

121. **Мак-Нил, У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках / У. Мак-Нил. – Москва : Издательский дом «Территория будущего», 2008. – 456 с.**

122. **Мак-Нил, У. Восхождение Запада: история человеческого сообщества / У. Мак-Нил. – Киев : Ника-Центр ; Москва : Старклайт, 2004. – 1064 с.**

123. **Маркина, Н. Л. Влияние марксизма на состояние политической теории в 20 в. / Н. Л. Маркина, Ю. А. Твилова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2011. – № 3. – С. 296–303. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie>**

marksizma-na-sostoyanie-politicheskoy-teorii-v-hh-veke

124. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 1–50. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1955–1981.

125. Мархинин, В. В. Лекции по философии науки : учебное пособие / В. В. Мархинин. – Москва : Логос, 2014. – 428 с.

126. Марчукова, С. М. Медицина в зеркале истории / С. М. Марчукова. – Москва, 2003. – 321 с. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/421/index.htm>

127. Мид, М. Мужское и женское: исследование полового вопроса в меняющемся мире / М. Мид. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 416 с.

128. Михайловский, Н. К. Герои и толпа / Н. К. Михайловский ; ответственный редактор В. В. Козловский // Избранные труды по социологии: в 2 т. – Т. 2. – Санкт-Петербург : Издательство «Алетейя», 1998. – 405 с.

129. Моисеева, И. Ю. История и методология науки [Электронный ресурс] : учебное пособие / И. Ю. Моисеева. – Ч. 1. – Оренбург : Оренбургский государственный университет, ЭБС АСВ, 2016. – 110 с. – URL: <http://www.iprbookshop.ru/61362.html>

130. Моисеева, И. Ю. История и методология науки [Электронный ресурс] : учебное пособие / И. Ю. Моисеева. – Ч. 2. – Оренбург : Оренбургский государственный университет, ЭБС АСВ, 2017. – 160 с. – URL: <http://www.iprbookshop.ru/71278.html>

131. Монтескье, Ш. Л. О духе законов / Ш. Л. Монтескье. – Москва : Мысль, 1999. – 671 с.

132. Мочалов, Е. В. Российский менталитет в социально-философском и историко-культурном осмыслении / Е. В. Мочалов, И. В. Загороднова. – Саранск : Красный Октябрь, 2008. – 191 с.

133. Назарова, О. Ю. Актуальность марксизма в современном мире: неомарксизм Ф. Джеймисона / О. Ю. Назарова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2009. – № 1. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/aktualnost-mark->

sizma-v-sovremennom-mire-neomarksizm-f-dzheymisona

134. Нефедов, С. А. История России. Факторный анализ. – Т. 1: С древнейших времен до Великой Смуты / С. А. Нефедов. – Москва : Издательский дом «Территория будущего», 2010. – 376 с.

135. Нефедов, С. А. История России. Факторный анализ. – Т. 2: От окончания Смуты до Февральской революции / С. А. Нефедов. – Москва : Издательский дом «Территория будущего», 2010. – 688 с.

136. Нефедов, С. А. Концепция демографических циклов / С. А. Нефедов. – Екатеринбург : Издательство УГГУ, 2007. – 141 с.

137. Нефедов, С. А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока / С. А. Нефедов. – Москва : Издательский дом «Территория будущего», 2008. – 752 с.

138. Ницше, Ф. О пользе и вреде истории для жизни / Ф. Ницше // Сочинения: в 2 т. – Т. 1. – Москва : Мысль, 1990. – 425 с.

139. Новиков, А. М. Методология научного исследования [Электронный ресурс] : учебное пособие / А. М. Новиков, Д. А. Новиков. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2010. – 280 с. – URL: <http://www.iprbookshop.ru/8500.html>

140. Основы гендерных исследований : курс лекций / под общей редакцией: О. А. Ворониной, Н. С. Григорьевой, Л. Г. Луняковой. – Москва : МЦГИ-МВШМЭН-МФФ, 2000. – 416 с.

141. Основы научных исследований / Б. И. Герасимов, В. В. Дробышева, Н. В. Злобина [и др.]. – Москва : Форум : НИЦ «Инфра-М», 2013. – 272 с. – URL: <http://znanium.com/bookread2.php?book=390595>

142. Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества / ответственный редактор М. В. Лоскутова. – Москва : Новое издательство, 2006. – 392 с.

143. Папковская, П. Я. Методология научных исследований : курс лекций / П. Я. Папковская. – Минск : Информпресс, 2007. – 184 с.

144. Плеханов, Г. В. К вопросу о роли личности в истории / Г. В. Плеханов // Избранные философские

произведения: в 5 т. – Т. 2. – Москва, 1956. – С. 300–334.

145. Побережников, И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу : теоретико-методологические проблемы модернизации / И. В. Побережников. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 240 с.

146. Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования / под редакцией: Э. Шоре, К. Хайдер, Г. Зверевой. – Москва : РГГУ, 2009. – 530 с.

147. Поппер, К. Логика и рост научного знания. Избранные работы / К. Поппер ; перевод с английского, составление, общая редакция и вступительная статья В. Н. Садовского. – Москва : Прогресс, 1983. – 605 с.

148. Поппер, К. Р. Открытое общество и его враги / К. Поппер ; перевод с английского, под общей редакцией В. Н. Садовского: в 2 т. – Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. – Москва : Открытое общество «Феникс», 1992. – 525 с.

149. Поршнева, О. С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях / О. С. Поршнева. – Москва : Директ-Медиа, 2013. – 161 с.

150. Почепцов, Г. Г. История русской семиотики до и после 1917 года / Г. Г. Почепцов. – Москва : Лабиринт, 1998. – 333 с.

151. Проблемы исторического познания / редакционная коллегия: К. В. Хвостова (ответственный редактор), Т. Л. Лабутина, М. В. Кузьмина. – Москва : ИВИ РАН, 2012. – 243 с.

152. Пустынникова, Е. В. Методология научного исследования [Электронный ресурс] : учебное пособие / Е. В. Пустынникова. – Саратов : Ай Пи Эр Медиа, 2018. – 126 с. – URL: <http://www.iprbookshop.ru/71569.html>

153. Пушкарёва, Н. Л. Гендерная теория и историческое знание / Н. Л. Пушкарёва. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. – 495 с.

154. Пушкарёва, Н. Л. Предмет и методы изучения истории повседневности / Н. Л. Пушкарёва // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 5. – С. 3–19.

155. Пушкарёва, Н. Л. Частная жизнь женщины в

Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница / Н. Л. Пушкарёва. – Москва : Ломоносовъ, 2011. – 216 с.

156. Разработка и апробация метода теоретической истории = Method of theoretical history and its applications / Н. С. Розов, Ю. Б. Вертгейм, Г. С. Сизенцев [и др.] ; научный редактор Н. С. Розов. – Новосибирск : Наука, 2001. – 502 с.

157. Репина, Л. П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории / Л. П. Репина // Одиссей. Человек в истории. – Москва : 1996. – С. 25–38.

158. Репина, Л. П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого: Очерки. Хрестоматия : учебное пособие по спецкурсу для студентов, обучающихся по специальности 020700 «История» / Л. П. Репина. – Москва : РОССПЭН, 2002. – 349 с.

159. Репина, Л. П. История исторического знания : пособие для вузов / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. – Москва : Дрофа, 2004. – 288 с.

160. Ритцер, Дж. Современные социологические теории / Дж. Ритцер. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – 688 с.

161. Розов, Н. С. Историческая макросоциология: методология и методы : учебное пособие / Н. С. Розов. – Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 2009. – 412 с.

162. Рузавин, Г. И. Методология научного познания [Электронный ресурс] : учебное пособие для вузов / Г. И. Рузавин. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 287 с. – URL: <http://www.iprbookshop.ru/52507.html>

163. Сабитов, Р. А. Основы научных исследований : учебное пособие / Р. А. Сабитов [Электронный ресурс]. – Челябинск : Челябинский государственный университет, 2002. – 138 с. – URL: http://window.edu.ru/resource/772/73772/files/sabitov_nir.pdf

164. Семеникова, Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций : учебное пособие для вузов / Л. И. Семеникова. – Брянск : ООО «Курсив», 1995. – 598 с.

165. Семенов, Ю. И. Производство общества / Ю. И. Семенов // Социальная философия. Курс лек-

ций : учебник / под редакцией И. А. Гобозова. – Москва : Издатель Савин С. А., 2003. – С. 147–160.

166. Семенов, Ю. И. Теория общественно-экономических формаций и всемирная история / Ю. И. Семенов // Общественно-экономические формации. Проблемы теории. – Москва : Наука, 1978. – С. 55–89.

167. Смоленский, Н. И. Теория и методология истории : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Н. И. Смоленский. – 2-е изд., стер. – Москва : Издательский центр «Академия», 2008. – 270 с.

168. Степин, В. С. Философия и методология науки [Электронный ресурс] / В. С. Степин. – Москва : Академический Проект, Альма Матер, 2015. – 719 с. – URL: <http://www.iprbookshop.ru/69860.html>

169. Таубаева, Ш. Т. Методология и методы педагогического исследования [Электронный ресурс] : учебное пособие / Ш. Т. Таубаева, А. А. Булатбаева. – Алматы : Казахский национальный университет им. аль-Фараби, 2015. – 214 с. – URL: <http://www.iprbookshop.ru/57530.html>

170. Теория и методология гендерных исследований: Курс лекций / О. А. Воронина, Е. Б. Мезенцева, О. А. Хасбулатова [и др.] ; ответственный редактор О. А. Воронина. – Москва : Московский центр гендерных исследований, 2001. – 415 с.

171. Теория и методология истории : учебник для вузов / ответственные редактора: В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. – Волгоград : Учитель, 2014. – 504 с.

172. Тишков, В. А. Очерки теории и политики этничности в России / В. А. Тишков. – Москва : Информационно-издательское агентство «Русский мир», 1997. – 531 с.

173. Тойнби, А. Дж. **Постижение истории** / А. Дж. Тойнби ; составитель А. П. Огурцов ; вступительная статья В. И. Уколовой ; заключительная статья Е. Б. Рашковского ; перевод с английского. – Москва : Прогресс, 1990. – 730 с.

174. Томпсон, П. Устная история / П. Томпсон. – Москва : Весь мир, 2003. – 366 с.

175. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – Мо-

сква : ООО «Фирма “Издательство АСТ”», 1999. – 261 с.

176. Тош, Д. **Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / перевод с английского.** – Москва : Издательство «Весь Мир», 2000. – 296 с.

177. Тюменцев, Ю. А. О наследии марксизма в перспективе методологического синтеза в отечественной исторической науке / Ю. А. Тюменцев // Вестник Томского государственного университета. – 2004. – № 281. – С. 124–141. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-nasledii-marksizma-v-perspektive-metodologicheskogo-sinteza-v-otechestvennoy-istoricheskoy-nauke>

178. Урсу, Д. П. Методологические проблемы устной истории / Д. П. Урсу // Источниковедение отечественной истории. – Москва : Наука, 1989. – С. 3–32.

179. Федорищенко, А. И. Понятие «категория» в историко-философской традиции : монография [Электронный ресурс] / А. И. Федорищенко. – Москва : Российская таможенная академия, 2016. – 88 с. – URL: <http://www.iprbookshop.ru/69509.html>

180. **Феллер, В. Введение в историческую антропологию: опыт решения логической проблемы философии истории** / В. Феллер. – Москва : КНОРУС, 2005. – 672 с.

181. **Философские проблемы междисциплинарного синтеза [Электронный ресурс]** / Д. И. Широканов [и др.]. – Минск : Белорусская наука, 2015. – 364 с. – URL: <http://www.iprbookshop.ru/50825.html>

182. Фрейд, З. **Тотем и табу: Психология первобытной культуры и религии** / З. Фрейд ; перевод с немецкого. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1997. – 221 с.

183. Фрейд, З. **Человек по имени Моисей и монотеистическая религия** / З. Фрейд ; послесловие К. М. Долгова ; примечание Р. Ф. Додельцева ; перевод с немецкого. – Москва : Наука, 1993. – 171 с.

184. Фридмен, Т. **LEXUS и ОЛИВА: Понимая глобализацию** / Т. Фридмен ; перевод с английского: М. В. Ольховской, М. Ю. Смолиной. – Санкт-Петербург : Весь Мир, 2003. – 442 с.

185. Фридмен, Т. **Плоский мир: краткая история**

XXI века / Т. Фридман ; перевод с английского М. Колопотина. – Москва : АСТ : ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 601 с.

186. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм ; перевод с немецкого Э. Телятниковой. – Москва : АСТ, 2004. – 635 с.

187. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм ; перевод с английского Г. Ф. Швейника ; общая редакция и послесловие П. С. Гуревича. – Москва : Прогресс, 1990. – 269 с.

188. Фромм, Э. Мужчина и женщина / Э. Фромм. – Москва : АСТ, 1998. – 509 с.

189. Фукуяма, Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма ; перевод с английского ; под общей редакцией А. В. Александровой. – Москва : Издательство АСТ, 2003. – 476 с.

190. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма ; перевод с английского М. Б. Левина. – Москва : Издательство АСТ : Полиграфиздат, 2010. – 588 с.

191. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма ; перевод с английского М. Б. Левина. – Москва : Издательство АСТ, 2008. – 349 с.

192. Фукуяма, Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке / Ф. Фукуяма ; перевод с английского О. Э. Колесникова [и др.]. – Москва : АСТ ; Владимир : ВКТ, 2009. – 222 с.

193. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон ; перевод с английского А. Башкирова. – Москва : АСТ : Транзиткнига, 2004. – 635 с.

194. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон ; перевод с английского В. Р. Рокитянского. – Москва : Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.

195. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; перевод с английского Ю. Новикова. – Москва : Издательство АСТ, 1996. – 603 с.

196. Хантингтон, С. Третья волна: Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон ; перевод с

английского Л. Ю. Лапшиной. – Москва : РОССПЭН, 2003. – 365 с.

197. Харви, Д. Краткая история неолиберализма: актуальное прочтение / Д. Харви ; перевод с английского Н. С. Брагиной. – Москва : Поколение, 2007. – 285 с.

198. Хвостова, К. В. Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований / К. В. Хвостова, В. К. Финн. – Москва : Издательство РГГУ, 1997. – 255 с.

199. Хорни, К. Психоанализ и культура: Избранные труды / К. Хорни, Э. Фромм ; перевод, составитель и автор послесловия А. М. Руткевич. – Москва : Юристъ, 1995. – 623 с.

200. Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / под ред. Ю. Л. Бессмертного. – Москва : Издательство РГГУ, 1996. – 376 с.

201. Чижевский, А. Физические факторы исторического процесса. Влияние космических факторов на поведение организованных человеческих масс и на течение всемирно-исторического процесса, начиная с V в. до Р. Х. и по сие время. Краткое изложение исследований и теории / А. Чижевский. – Калуга : 1-я Гостиполитография, 1924. – 74 с.

202. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер ; вступительная статья Г. В. Драча. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. – 637 с.

203. Юдин, А. И. Есть ли будущее у марксизма в России? / А. И. Юдин // Вестник Тамбовского университета. – Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 3. – С. 11–15. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/est-li-budushee-u-marksizma-v-rossii>

204. Юнг, К. Г. Проблемы души нашего времени / К. Г. Юнг ; перевод с немецкого А. М. Боковикова. – Москва : Прогресс : Универс, 1994. – 329 с.

205. Юнг, К. Г. Психологические типы / К. Юнг ; перевод с немецкого С. Лорие, переработка и дополнение В. Зеленским ; под общей редакцией В. Зеленского. – Санкт-Петербург : Ювента ; Москва : Прогресс. – 715 с.

Учебное издание

ПОТАПОВА Наталья Владимировна
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Учебно-методическое пособие

Корректор В. А. Яковлева

Верстка О. А. Надточий

Подписано в печать 28.09.2021. Формат 60x84¹/₁₆. Усл. п. л. 16.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–100 экз.). Заказ № 636-21.

Сахалинский государственный университет. 693008, Южно-
Сахалинск, ул. Ленина, 290, каб. 32. Тел./факс (4242) 45-23-16.
E-mail: izdatelstvo@sakhgu.ru, polygraph@sakhgu.ru